

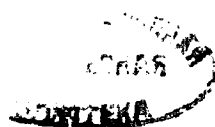
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

10-й год издания

№ 10

Октябрь 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

О работе товарища Сталина «Год великого перелома»

1

7 ноября 1929 года, к 12-й годовщине Октябрьской социалистической революции, в газете «Правда» была опубликована статья товарища Сталина «Год великого перелома». В этой статье товарищ Сталин дал глубокий анализ достижений 1928—1929 хозяйственного года и наметил перспективы строительства социализма в СССР на новом, крупнейшем историческом повороте.

1929 год товарищ Сталин назвал годом великого перелома, потому что именно к этому времени относятся крупнейшие достижения партии в области строительства промышленности, первые серьезные успехи в сельском хозяйстве и начало массового колхозного движения. Это был год «решающих успехов в основных областях социалистической перестройки (реконструкции) нашего народного хозяйства»¹, — писал товарищ Сталин.

Этот великий перелом совершался под знаком решительного наступления социализма на капиталистические элементы страны, он был обеспечен всей предыдущей политикой партии, в первую очередь правильной ленинско-сталинской политикой

последовательного укрепления союза рабочего класса и крестьянства на базе нэпа.

В 1921 году в своем докладе на XI съезде партии Ленин говорил, что задача пролетариата — «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем»².

И это ускорение наступило. Партия блестяще справилась с поставленной Лениным задачей. В статье «Год великого перелома» товарищ Сталин писал, что «партия сумела целесообразно использовать отступление на первых стадиях нэпа для того, чтобы потом, на последующих его стадиях, организовать перелом и повести успешное наступление на капиталистические элементы»³.

После восстановления народного хозяйства партия сосредоточила главное внимание на развитии крупной промышленности — материально-технической базы социализма. Политика партии сводилась к тому, чтобы обеспечить за индустрией руко-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 264. 11-е изд.

² Ленин. Т. XXVII, стр. 231—232.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 264.

И. В. Сталин и В. М. Молотов идут на заседание XVI конференции ВКП(б). Апрель 1929 г.
Музей революции СССР.

водящую роль во всем народном хозяйстве и этим самым создать предпосылки для решительного наступления на капиталистические элементы. С другой стороны, партия неуклонно проводила ленинскую политику насаждения кооперации в деревне, чтобы постепенно вовлечь крестьянские массы в строительство социалистического сельского хозяйства.

Решающие успехи политики социалистической индустриализации были очевидны уже в 1927 году. В связи с этим в декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) дал установку на развертывание коллективизации сельского хозяйства, указав при этом, что подъем производительных сил деревни и рост благосостояния широких крестьянских масс возможны только на пути перехода от мелкого, собственнического хозяйства к крупному, коллективному хозяйству.

В то же время съезд принял директивы по составлению пятилетнего плана, рассчитанного на социалистическую реконструкцию всех отраслей народного хозяйства.

1928—1929 хозяйственный год был первым годом первой сталинской пятилетки. В апреле 1929 года XVI партийная конференция приняла «оптимальный» вариант пятилетки, как обязательный при всяких условиях.

По пятилетнему плану, размер капитальных вложений в народное хозяйство на

1928—1933 годы определялся в 64,5 миллиарда рублей, т. е. на 38 миллиардов рублей больше чем в пятилетие 1923—1928 годов.

Принятый партией пятилетний план развития народного хозяйства представлял величайшее событие в жизни советского народа. В этом плане нашли свое конкретное выражение теоретические положения Ленина и Сталина о возможности построения социализма в нашей стране, несмотря на капиталистическое окружение и вопреки ему.

Внутренние и внешние враги социализма встретили пятилетний план злобным воем. Иностранная буржуазная печать писала о фантастичности этого плана, о том, что большевики впали в утопию, и т. д.

Троцкисты и правые капитулянты из лагеря бухаринско-рыковской группы целиком солидаризировались с мнением белоэмигрантской и буржуазной прессы. Взамен сталинской пятилетки Рыков предлагал жалкую «двухлетку», по которой СССР должен был оказаться в полной экономической зависимости от капиталистических стран.

Но рабочий класс показал, что сталинский пятилетний план является единственно правильной программой построения фундамента социализма в СССР и превращения Советского Союза в могущественную

в экономическом и военном отношениях страну. Лучшим откликом на сталинскую пятилетку был невиданный ранее в истории трудовой подъем, вылившийся в форму социалистического соревнования масс.

20 января 1929 года в «Правде» была опубликована статья Ленина «Как организовать соревнование?», написанная еще в 1918 году. Вскоре после этого на заводе «Красный выборжец» в Ленинграде была создана первая комсомольская ударная бригада, вызвавшая на социалистическое соревнование другие предприятия Союза. Рабочие не замедлили с ответом на вызов «Красного выборжца».

Рабочие крупнейших предприятий Союза заключали между собой договора на выполнение промфинплана текущего хозяйственного года. Создавались многочисленные ударные бригады и смены, которые показывали образцы высокой производительности труда.

Большевистская партия возглавила это замечательное народное движение. XVI партийная конференция приняла специальное обращение к рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза с призывом включиться в социалистическое соревнование.

В обращении было сказано, что соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой и что соревнованию должно стать постоянным методом социалистического строительства.

Рабочий класс откликнулся на призыв партии подлинным трудовым героизмом. Социалистическое соревнование еще более широкой волной разлилось по всему Советскому Союзу.

Буржуазная печать за рубежом клеветала на этот трудовой героизм масс в СССР, называя соревнование «очередной большевистской затеей».

В ответ на это тульские рабочие, выражая мнение всего рабочего класса СССР, писали в «Правде»: «...Соревнование мы считаем не как временную кампанию, а как систему нашего труда. Будьте спокойны, господа белогвардейские писатели, соревнование не сойдет со страниц наших газет, как не прекратится оно на фабриках и заводах. Классовый враг говорит, что соревнование это — очередная большевистская затея и минутная игра. Давайте превратим соревнование в мощное поступательное движение к социализму».

Уже первые шаги соревнования дали отличные результаты. Так, горняки Донбасса в марте 1929 года перевыполнили производственную программу по углю. Ударные бригады рабочих несколько раз пере-

Обложка книги товарища Сталина «Год великого перелома», 1929 г.

Музей революции СССР.

выполняли установленные нормы выработки. На строительстве Днепротэса и Сталинградского тракторного завода рабочие побили мировые рекорды по производительности труда. С фабрик и заводов соревнование перекинулось в деревню, в совхозы и колхозы.

В подъеме трудового энтузиазма, в мобилизации масс на борьбу за социалистическую организацию труда огромную роль сыграли развернутые партией критика и самокритика во всех звеньях партийного, советского, хозяйственного и профсоюзного аппарата.

В печати почти ежедневно появлялись многочисленные материалы, в которых наряду с показом достижений в области социалистического труда вскрывались недостатки в работе различных организаций. Пресса разоблачала бюрократов и подхалимов, дезорганизаторов производства, приспособленцев, переродившиеся элементы — всех, кто тормозил социалистическое наступление. Тогда же была проведена чистка советского аппарата, в которой активно участвовали массы трудящихся.

По решению XVI партийной конференции, была также проведена чистка рядов партии.

Все эти мероприятия вытекали из самого характера наступления социализма.

Производственное совещание.

Худ. Моравов.

Товарищ Сталин указывал, что для осуществления большевистского наступления надо было мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов, а также против бюрократизма, сковывавшего инициативу и творчество масс. Надо было организовать перестройку всей практической работы профсоюзных, кооперативных, советских и других массовых организаций, изгнать отсюда оппортунистические, тред'юнионистские и обюрократившиеся элементы. Наконец, надо было «укрепить и отточить партийные организации, изгнав отсюда элементы бюрократизма и перерождения; изолировать и отгеснить выразителей правого и «левого» уклонов от ленинской линии, выдвинув на первый план настоящих, стойких ленинцев»¹.

Эти мероприятия неизмеримо повысили и укрепили авторитет партии среди трудящихся масс. Рабочие целых цехов и заводов принимали решения, в которых заявляли о своем желании вступить в партию.

Громадный трудовой и политический подъем миллионов масс прежде всего сказался на темпе и размахе строительства социалистической промышленности.

По всей стране шло гигантское строительство: Днепрогэс, Сталинградский и Че-

лябинский, а затем и Харьковский тракторные заводы, заводы комбайнов, гигантский завод сельскохозяйственных машин в Ростове на Дону, десятки и сотни химических, металлургических и других заводов, новые шахты и доменные печи—таков далеко не полный перечень развернувшейся в 1929 году стройки.

После того как началось социалистическое соревнование, производительность труда быстро поднялась. Рабочие соревновались за повышение производительности труда в 1929 году на 17 процентов и за снижение себестоимости на 7 процентов.

В результате трудового подъема рабочего класса план первого года первой пятилетки был выполнен с превышением в ряде отраслей народного хозяйства. Так, продукция крупной промышленности возросла на 23,7% против 21,4%, намечавшихся по плану; мощность электростанций соответственно возросла на 20,3% против 14% по плану, грузооборот железных дорог — на 21% против 10% по плану. В связи с этим товарищ Сталин указывал, что оптимальный вариант пятилетки, который буржуазные писатели считали «недосягаемой фантастикой», который приводил в ужас правых оппортунистов, на деле превратился в минимальный вариант пятилетки. Успешное выполнение, а по ряду отраслей и перевыполнение плана первого

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 392. 10-е изд.

года пятилетка вызвало к жизни лозунг «Пятилетка в четыре года».

Решительное наступление на капиталистические элементы вызвало резкое обострение классовой борьбы в стране. Яростно сопротивлялось кулачество, которое еще в 1928 году пыталось организованно выступить против советской власти путем хитрой «забастовки». В ответ на эту «забастовку» партия и правительство провели ряд чрезвычайных мер, имевших целью сломить сопротивление кулачества и обеспечить стране достаточные резервы хлеба. В связи с этим начало развиваться ускоренными темпами колхозное движение.

В начале 1929 года, когда началась подготовка к выборам в советы, кулаки распространяли всевозможные провокационные слухи, запугивали середняков и бедняков, пускали в ход такие средства, как убийства и поджоги. Передко кулаки организовывали свои тайные «избиркомы» и выставляли своих кандидатов в советы.

Рабочий класс организовал немедленную помощь деревне. «Кулак пускает в ход все виды оружия, — писали уральские рабочие в «Правде». — Рабочий класс не может и не должен быть равнодушным свидетелем этого. Усиливающейся политической активности кулака, избранная рабочим классом должна противопоставить свою усиленную активность и поголовное участие в выборах в Советы. Мало того, рабочие обязаны организовать самую широкую помощь бедняцко-средняцким слоям деревни».

На убийства, поджоги и другие злодеяния кулаков рабочий класс отвечал решительным наступлением на кулачество, объединяя вокруг себя бедноту и укрепляя союз с середняком.

Одним из важнейших средств в укреплении союза рабочего класса с крестьянством в период начавшейся социалистической реконструкции явилась производственная смычка между городом и деревней. Рабочие шли в деревню не только с большевистским словом, но и с сельскохозяйственными машинами, оказывая помощь крестьянам в организации колхозов.

В результате всех этих мероприятий широко развернулась коллективизация крестьянских хозяйств. За время весенней посевной кампании количество колхозов выросло на 13 тысяч. Особенно бурными темпами начала расти коллективизация с лета 1929 года. В ряде районов (Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга, Урал) развернулась сплошная коллективизация. Целые села, волости, районы и округа шли в колхозы. В колхозы пошел середняк. В этом была основа коренного перелома в развитии сельского хозяйства СССР.

К осени 1929 года в некоторых районах наметки пятилетнего плана оказались далеко превзойденными.

«Какой пятилеткой можно сейчас охватить колхозное движение, — говорил товарищ Молотов на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 года, — когда деревня переворачивается вверх дном и действительно превратилась в клочущее море»¹. Действительно, к этому времени насчитывалось уже 60 тысяч колхозов, имевших 4262 тысячи гектаров посевной площади против 1390 тысяч гектаров в 1928 году.

О том, как быстро росли темпы коллективизации, свидетельствует следующий пример.

На Северном Кавказе к осени 1928 года в колхозы вступило 8% крестьянских хозяйств. И это считалось тогда огромным достижением. К осени же 1929 года в колхозах было 25—30% хозяйств.

От Северного Кавказа не отставали такие районы, как Нижнее Поволжье, Украина, Урал, Среднее Поволжье, ЦЧО. Налицо была реальная перспектива выполнения пятилетнего плана по коллективизации в течение ближайшего (1930) года.

Эти достижения в области коллективизации разбивали в прах утверждения правых капитулянтов о «деградации» сельского хозяйства, о том, что усиленный темп коллективизации вызовет разрыв союза рабочего класса с крестьянством и что наступлению на капиталистические элементы деревня оставит страну без хлеба.

«Все это рухнуло и рассеялось в прах, как старый буржуазно-либеральный хлам»², — писал товарищ Сталин.

В результате роста колхозов и совхозов и решительного наступления на капиталистические элементы был успешно преодолен хлебный кризис, угрожавший стране в 1927—1928 году.

Партия вела развернутое наступление социализма по всему фронту в напряженной международной обстановке. Иностранную империалисты при активной поддержке всех реакционных сил внутри и вне нашей страны пытались сорвать это наступление. С этой целью они организовали летом 1929 года военный конфликт Китая с Советским Союзом. Китайские милитаристы захватили Китайско-Восточную железную дорогу, которая принадлежала СССР. Белокитайские войска совершили нападение на наши дальневосточные границы. Советский народ единодушно требовал решительного отпора зарвавшимся авантюристам. По всей стране проходили массовые

¹ «Большевик» № 22 за 1929 год.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 271, 11-е изд.

Договор
Межцехового Социалистического
Соревнования рабочих, служащих
и техперсонала 7го и 26го цехов
завода „Красный Треугольник“.

Перед рабочим классом поставлена грандиозная задача в кратчайший срок пережить технику капиталистических стран.

Этот грандиозный план реконструкции народного хозяйства может быть выполнен только при участии широких рабочих масс.

Социалистическое соревнование - это Ленинский метод мобилизации сил рабочего класса.

Мы, рабочие 7го и 26го цехов, вступаем в межцеховое соревнование, объявленное в течение сов. № от октября 1929 г. по Октябрь 1929 года, выполняем следующие обязательства:

- 1) Снизить себестоимость изделий на 15%;
- 2) Повысить производительность труда на 25%;
- 3) Снизить накладные расходы на 10%;
- 4) Снизить процент брака по 7^{му} и 26^{му} цехам на 30%, исчисляя % брака по 7^{му} цеху в цеховых, по 26^{му} цеху в цехе.

- 5) Довести все элементы, тормозящие трудодисциплину до нуля.
- 6) Гарантировать выполнение производственной программы на 100%.
- 7) Довести среднюю посещаемость производственных собраний до конца операционного года до 50%.

Если сознательно участвовать рабочих и работниц, служаки, выполним поставленную задачу социалистического соревнования.

Вперед по пути Социалистического Соревнования!

Далой лодочей, прогульщицко, нямки!

Да здравствует сознательное отношение к производству!

Май 1929 г.

г. Ленинград

Цех № 26

Клеп
Сидоров
Трифан
Свиридов
Тришкин
Куликов
Сидоров
Алиев

Межцеховой договор социалистического соревнования и ударничества на заводе «Красный треугольник». Май 1929 г.

Музей революции СССР.

митинги и грандиозные демонстрации, выражавшие готовность советского народа пнуть отстоять неприкосновенность советских границ.

Советское правительство приняло решительные меры, и милитаристский наскок был ликвидирован. Доблестные части Красной Армии разгромили белокитайские войска.

В своих вражеских кознях против Советского Союза империалистически страны возлагали большие надежды на троцкистов и бухаринско-рыковскую свору.

Троцкисты, к тому времени разоблаченные уже как прямые контрреволюционеры, и правые, двурушнически прикрывавшие свои контрреволюционные намерения покаянными речами и заявлениями (и в то же время установившие организационные связи с троцкистами), выступали в защиту кулачества, против организации колхозов и совхозов.

Бухаринско-рыковская контрреволюционная группа, состряпавшая так называемую теорию затухания классовой борьбы и мирного вращания кулака в социализм, пыталась приостановить наступление на кулачество. Видя упадок кулацких хозяйств, правые поднимали вопль о якобы происходящей деградации сельского хозяйства.

Товарищ Сталин разоблачил тогда правых как кулацкую агентуру в партии. Он показал, что победа правых в партии подорвала бы революционные позиции проле-

тарната и создала бы благоприятные условия для восстановления капитализма.

Империалисты рассчитывали, что в связи с выступлением правых партия ослабеет и не сможет противостоять натиску вражеских сил. Но партия не только не ослабела, а еще больше окрепла в борьбе с бухаринско-рыковской группой. Партия разгромила правых реставраторов капитализма и с удвоенной энергией повела наступление на капиталистические элементы.

Партия уверенно держала курс на социалистическую реконструкцию народного хозяйства, «решительно преодолевая все и всякие трудности» (И. Сталин). Она добилась громадных успехов уже в первом году первой сталинской пятилетки. Год великого перелома сорвал все планы империалистов и их агентуры, рассчитывавших на провал социалистической индустриализации.

2

В статье «Год великого перелома» товарищ Сталин останавливается на трех важнейших моментах, имевших решающее значение для социалистического строительства: на решительном переломе в области производительности труда, в области строительства промышленности и в области строительства сельского хозяйства.

Товарищ Сталин указывает, что перелом в области производительности труда явился первым и основным достижением за истекший год.

Работа ударных бригад. Магнитострой. 1929 г.

Музей революции СССР.

Задачу повышения производительности труда Ленин и Сталин считали одной из коренных задач после завоевания политической власти рабочим классом. В брошюре «Очередные задачи советской власти», написанной в марте—апреле 1918 года, Ленин писал: «Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того, как решается в главном и основном задача:—экспроприировать экспроприаторов, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация»¹.

Ленин и Сталин неоднократно указывали, что капитализм разбил и преодолел феодализм, потому что он создал более высокие нормы производительности труда и сделал общество более богатым. Точно так же социализм неизбежно должен победить капитализм, потому что он способен дать более высокую производительность труда чем капиталистическая система и, следовательно, сделать общество несравненно более богатым.

Говоря о том, почему пролетариат может и обязательно должен победить буржуазию, Ленин писал: «пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом ис-

точник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»².

Конкретизируя и развивая мысли Ленина в условиях непосредственного строительства социализма в нашей стране, товарищ Сталин говорил, что без серьезного повышения производительности труда мы не только не сможем разрешить задач реконструкции, догнать и перегнать передовые капиталистические страны, но даже не сможем отстоять свое самостоятельное существование.

Для поступательного роста производительности труда Ленин считал необходимым прежде всего создать крупную промышленность, поднять культурный уровень трудящихся масс и как важнейшее условие экономического подъема масс повысить дисциплину труда, сделать труд более интенсивным, лучше его организовать. Важнейшим методом организации масс на борьбу за повышение производительности труда Ленин считал метод социалистического соревнования, которое стало возможным после того, как рабочий класс был освобожден от подневольной работы на эксплуататоров.

«Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 453.

² Ленин. Т. XXIV, стр. 336.

свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник...»¹.

Практика социалистического строительства блестяще подтвердила это гениальное предвидение Ленина. Именно благодаря развернувшемуся социалистическому соревнованию 1929 год ознаменовался тем решительным переломом в области производительности труда, о котором товарищ Сталин говорит в своей работе.

Характеризуя всемирноисторическое значение социалистического соревнования, товарищ Сталин в докладе на XVI съезде партии говорил, что оно впервые изменяет взгляды людей на труд, превращая его из тяжелого и зазорного бремени, каким он был при капитализме, в дело чести, славы, доблести и геройства. Этим прежде всего объясняются плаванию большие темпы роста производительности труда в СССР. Так, если в лучшие для капитализма годы в отдельных странах производительность труда подымалась на 4—6 процентов за год, то в СССР в 1929 году производительность труда была поднята на 16 процентов. В этом же году выработка одного рабочего в промышленности увеличилась (по сравнению с предыдущим годом) на 13 процентов. Общий рост производительности труда в первую пятилетку составил 41 процент.

Как известно, успешное выполнение второй сталинской пятилетки и рост производительности труда на 82 процента непосредственно связаны со стахановским движением.

Нам предстоит в течение ближайших 10—15 лет догнать и перегнать главные капиталистические страны по производству продукции на душу населения, чтобы создать такое изобилие продуктов, которое позволит перейти к высшей фазе коммунизма. В решении этой исторической задачи повышение производительности труда играет решающую роль. Достаточно сказать, что в третьей пятилетке прирост продукции за счет увеличения производительности труда должен составить 70 процентов к общему приросту продукции.

В борьбе за дальнейший рост производительности труда главную роль играет и будет играть стахановское движение, «ибо только трудовой подъем и трудовой энтузиазм миллионов масс может обеспечить тот поступательный рост производительности труда, без которого бессмыслима окончательная победа социализма над капитализмом»².

¹ Ленин Т. XXII, стр. 158.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 265. 11-е изд.

Подчеркивая исключительное значение социалистического соревнования для повышения производительности труда, товарищ Сталин в своей работе «Год великого перелома» указал среди других стимулов для развертывания творческой инициативы и трудового подъема масс и на борьбу с прогульщиками и разрушителями пролетарской трудовой дисциплины.

Ленин и Сталин со всей остротой ставили вопрос о борьбе за искоренение прогулов, за укрепление трудовой дисциплины.

Мы были бы смешными утопистами, говорил Ленин, если бы воображали, что обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся при переходе от капитализма к социализму, возможно без принуждения.

Только на высшей фазе коммунизма, когда бесплатный труд на пользу общества станет привычкой и первой жизненной потребностью человека, принуждение станет ненужным.

До тех же пор, пока существует платный труд и, следовательно, вознаграждение производится по количеству и качеству затраченного труда, принуждение является одной из необходимых мер воспитания социалистической дисциплины труда. Оно необходимо для защиты коренных интересов рабочего класса от лодырей, рвачей и всяких иных тунеядцев и дезорганизаторов производства. Вот почему Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года о переходе на 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений представляет собой документ решающего исторического значения.

Второе важнейшее достижение партии — перелом в области строительства промышленности — товарищ Сталин видит в успешном разрешении в основном проблемы накопления для строительства тяжелой промышленности, в ускоренных темпах развития производства средств производства и в создании предпосылок для превращения СССР в страну металлическую.

История всех отсталых в промышленном отношении капиталистических стран показывает, что без долгосрочных и крупных иностранных займов они не могли создать индустрии. Для страны социализма путь получения таких займов был закрыт. Капиталисты устраивали явную и тайную финансовую блокаду СССР в надежде на то, что мы не справимся собственными силами, сорвемся на вопросе о реконструк-

Организация первых колхозов. Украинская ССР. 1929 год.

Музей революции СССР.

ции тяжелой промышленности и пойдем к ним в кабалу. Поэтому проблема накопления являлась для нас особенно острой.

В разрешении этой проблемы огромное значение имели указания товарища Сталина, научно обосновавшего возможность индустриализовать нашу страну без внешних кабальных займов.

Еще в 1926 году в докладе активу Ленинградской организации о работе Пленума ЦК ВКП(б) товарищ Сталин поставил все основные вопросы, связанные с социалистическим накоплением, и дал на них исчерпывающие ответы.

Товарищ Сталин говорил, что пути индустриализации нашей страны и капиталистических стран диаметрально противоположны. Пути грабежа колоний, военных контрибуций, кабальных займов для нас закрыты, ибо они несовместимы с природой советской власти. Наш путь индустриализации — это путь собственных сбережений для промышленности, путь социалистического накопления. Источниками социалистического накопления являются такие факторы, как экспроприация помещиков и капиталистов в нашей стране, уничтожение частной собственности на землю, фабрики, заводы, аннулирование миллиардных царских долгов, по которым пришлось бы

платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов. Источниками социалистического накопления являются национализированная промышленность, которая дает нам известные прибыли, национализированная внешняя торговля и более или менее организованная внутренняя торговля, а также банковская система, дающая известную прибыль и питающая промышленность. «Наконец, мы имеем такое оружие, — указывал товарищ Сталин, — как государственная власть, которая распоряжается государственным бюджетом и которая собирает малую толику денег для дальнейшего развития народного хозяйства вообще, нашей индустрии в особенности»¹.

Все это представляло те необходимые источники, которые давали возможность создать резервы для развития крупной промышленности.

Товарищ Сталин показал, каким путем следует уберечь накопление от расхищения и распыления. Надо проводить строжайший режим экономии, правильно и разумно планировать промышленное строительство, сокращать, упрощать, удешевлять и оздоров-

¹ Ленин и Сталин «Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. III, стр. 60.

лать государственный и кооперативный аппарат, изгонять всякого рода излишества в управляющих органах, систематически бороться с воровством и с прогулами на фабриках и заводах, повышать производительность труда, укреплять трудовую дисциплину.

Такова была программная установка, данная товарищем Сталиным по вопросу о разрешении проблемы накопления. В настоящее время эта установка также является неизблемым законом для решения основной экономической задачи СССР.

В 1929 году партия успешно разрешила проблему накопления именно потому, что неуклонно проводила в жизнь указания товарища Сталина. В 1928—1929 году капитальные вложения в крупную промышленность составили свыше 1 600 миллионов рублей, а на 1929—1930 год запланировано было уже 3 400 миллионов рублей, причем на тяжелую промышленность — свыше 2 500 миллионов рублей.

Валовая продукция в 1928—1929 году выросла на 23 процента, при этом тяжелая промышленность дала рост на 30 процентов. В 1929—1930 году был запланирован рост валовой продукции на 32 процента, причем тяжелая промышленность должна была дать рост на 46 процентов.

Эти цифры убедительно свидетельствовали о том, что проблема накопления для построения тяжелой промышленности не представляла уже для партии непреодолимых трудностей и была в основном решена.

Однако товарищ Сталин предупреждал в своей статье «Год великого перелома», что задача построения тяжелой индустрии упирается не только в проблему накопления. Необходимо было решить кроме того проблему кадров. Надо было приобщить к социалистическому строительству десятки тысяч советски настроенных техников и специалистов и подготовить новых красных техников, специалистов из людей рабочего класса. Вопрос о кадрах товарищ Сталин поставил со всей остротой еще в 1928 году, в связи с шахтинским делом. Возвращаясь к этому вопросу снова в статье «Год великого перелома», товарищ Сталин подчеркнул, что проблема кадров является в обстановке технической реконструкции промышленности решающей проблемой социалистического строительства.

4

Третьим важнейшим достижением 1928—1929 хозяйственного года был перелом в области строительства сельского хозяйства. Коренной перелом в этой области состоял в том, что партии удалось по-

вернуть основные массы крестьянства от старого, капиталистического пути развития на путь социализма.

«Нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов»¹.

Перевод многомиллионной массы мелких отдельных крестьянских хозяйств на путь крупного, социалистического хозяйства представлял самую трудную и самую сложную задачу после завоевания власти пролетариатом. Но партия успешно решила эту задачу, потому что руководствовалась гениальными тактическими указаниями Ленина и Сталина, учивших проводить политику воспитания масс, последовательно подводя крестьянские массы к социализму через насаждение кооперативной общности, сперва низших форм кооперации — снабженческой и сбытовой, — затем высшей формы — производственно-колхозной.

Строго проводя в жизнь ленинский принцип добровольности при вступлении в колхозы, партия в корне пресекала левачьи попытки обгонять движение и декретировать развитие колхозов, равно как и попытки правых тащить партию назад. Поэтому-то партия сумела «превратить колхозное движение в действительно массовое движение самих крестьян»².

Товарищ Сталин объяснял успехи коллективизации также и тем, что партия, учтя потребность крестьян в новой технике, сумела организовать широкую помощь крестьянству машинно-тракторными станциями, прокатными пунктами и т. д. Еще в 1919 году Ленин говорил, что если бы мы сумели дать деревне 100 тысяч первоклассных тракторов, то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию», то есть за коммунизм. В 1928 году в деревню было направлено на 158 миллионов рублей сельскохозяйственных машин, а в следующем, 1929 году — втрое больше. Количество тракторов, которые до революции совершенно не употреблялись в сельском хозяйстве, достигло к этому времени 36 тысяч, а к весне 1930 года на полях совхозов и колхозов работало уже свыше 60 тысяч тракторов. «Крестьяне массами приходили в совхозы, в МТС, наблюдали за работой тракторов, сельхозмашин, выражали свой восторг и тут же выносили решение —

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 268.

² Там же, стр. 269.

«пойти в колхозы»¹. Так, благодаря новой технике, которой вооружила советская власть сельское хозяйство, в деревне складывались новые, социалистические производственные отношения.

Громадные успехи коллективизации товарищ Сталин объяснял далее тем, что это дело взяли в свои руки передовые рабочие, пославшие в деревню десятки тысяч лучших организаторов и пропагандистов. Эти рабочие оказались лучшими пропагандистами из всех существующих и возможных пропагандистов.

Только в 1928 году в деревню было послано 25 тысяч передовых рабочих, которые убедительно доказывали крестьянам преимущества крупного, обобществленного хозяйства перед мелким, раздробленным хозяйством, неспособным применять передовую технику.

Наконец, большое значение для организации крупных хозяйств совхозов и колхозов имел тот факт, что земля у нас была национализирована. Упразднению частной собственности на землю, отмена купли-продажи земельных участков, а следовательно, упразднение абсолютной земельной ренты, создавали все условия для организации крупных рентабельных хозяйств.

В речи на конференции аграрников-марксистов товарищ Сталин говорил, что советское крестьянство, но будучи связано с частной собственностью на землю, не питало той рабской приверженности к своему клочку земли, какая имеется у мелкого крестьянства Западной Европы. Там крестьянин годами копил деньги, чтобы купить клочок земли, поэтому он готов переносить всякие лишения, «впасть в дикость, лишь бы отстоять свой клочок земли — основу его индивидуального хозяйства»².

В нашей стране благодаря отсутствию частной собственности на землю крестьяне сравнительно легко переходили к коллективному хозяйству. В этом сказались великое революционное значение аграрных законов, принятых советской властью сразу же после установления диктатуры пролетариата.

Как известно, Ленин еще в годы первой русской революции 1905—1907 годов в ряде работ по аграрному вопросу гениально обосновал значение национализации земли.

Теоретические положения Ленина и легли в основу советских аграрных законов.

Говоря далее о повороте среднего крестьянства в сторону колхозов, товарищ Сталин оценивал этот поворот, как факт

всемирноисторического значения. Крестьяне, которых капиталисты рассматривают как материал, унаваживающий почву для капитализма, покидали хваленое знамя частной собственности и массами переходили на путь коллективизма. Это означало ликвидацию мелкотоварного хозяйства, представляющего самую глубокую питательную базу для возрождения капитализма. С переходом среднего крестьянства на путь колхозов рушилась последняя надежда врагов социализма на восстановление капиталистических порядков в СССР.

И не случайно в этот период капиталистические элементы внутри нашей страны совместно с троцкистско-бухаринским отребьем, при активнейшей поддержке империалистов всех стран пытались поднять на борьбу против наступающего социализма все темные силы старого мира.

Товарищ Сталин писал, что тот бешеный вой против большевизма, который полыхал цепью собак капитала вроде Струве, Гессена, Милюкова, Керенского, Дана, Абрамовича, неоспоримо свидетельствовал о том, что большевики одержали решающую победу на самом трудном фронте строительства социализма.

Так последовательно и решительно партия подвела массы к тому, чтобы дать «последний и решительный бой» капитализму, растущему из мелкотоварного производства.

В декабре 1929 года в речи на конференции аграрников-марксистов товарищ Сталин сформулировал новый лозунг партии — о переходе от политики ограничения и вытеснения кулацких элементов к политике ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Это был один из крупнейших поворотов во всей политике партии. Он вытекал из коренных изменений, происшедших в 1929 году в экономике и в соотношении классов нашей страны.

Раньше, когда еще не было спорных пунктов в деревне в виде широкой сети колхозов и совхозов, когда капиталистическое производство кулака невозможно было заменить социалистическим производством колхозов и совхозов, советская власть проводила меры ограничения кулачества. Кулацкие хозяйства облагались повышенным налогом, их принуждали пролавать хлеб государству по твердым ценам, ограничивались кулацкое землепользование и наем рабочей силы кулацкими хозяйствами. В 1929 году, когда колхозы и совхозы стали давать больше товарного хлеба чем кулацкие хозяйства в 1927 году, а середняк в основной своей массе пошел в колхозы, создались условия для перехода к политике ликвидации, уничтожения кулачества как класса. Кулаки были экс-

¹ «История ВКП(б)», стр. 284.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 281.

проприированы, так же как экспроприированы были в 1918 году капиталисты и помещики; около 30 миллионов гектаров земли и на миллиард рублей средств производства, экспроприированных у кулаков, перешли в руки колхозов.

Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации охарактеризована в «Кратком курсе истории ВКП(б)» как величайший революционный переворот, равнозначный по своим последствиям Октябрьскому перевороту 1917 года.

«Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке снизу со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»¹.

Эта революция одним ударом разрешила три коренных вопроса социалистического строительства: ликвидировала самый многочисленный эксплуататорский класс в нашей стране — кулачество, — представлявший оплот реставрации капитализма; перевела самый многочисленный класс трудящихся в нашей стране — крестьянство — с пути индивидуального хозяйства, рождающего капитализм, на путь социализма; наконец, дала советской власти социалистическую базу в самой обширной и жизненно необходимой, но в то же время и в самой отсталой области народного хозяйства.

В политике ликвидации кулачества как класса сказался величайший стратегический гений товарища Сталина.

* * *

1929 год — год великого перелома, год развернутого наступления социализма по всему фронту в Советском Союзе, — совпал с началом мирового экономического кризиса в капиталистических странах. Для капиталистического мира этот год явился также переломным от временной стабилизации к новому, глубочайшему экономическому кризису, потрясшему до основания всю капиталистическую систему. Кризис вызвал громадное обострение противоречий, присущих капитализму в его последней, империалистической стадии. Борьба за рынки сбыта, за сырье, за вывоз капитала, борьба за новый передел колоний и сфер влияния принимала все более острый характер. Все более неизбежной становилась новая империалистическая война.

В то время как в СССР на основе социалистического строительства была ликви-

рована безработица, повышался материальный и культурный уровень жизни рабочих и крестьян, — в капиталистических странах в геометрической прогрессии росла безработица и обнищание трудящихся. В СССР все больше развивалось плановое хозяйство, а в капиталистических странах увеличивался хаос, вызывавший невиданное разрушение производительных сил.

Свою работу «Год великого перелома» товарищ Сталин закончил вещными словами: «И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые»².

Это было сказано 11 лет тому назад. За это время страна наша превратилась в подлинно металлическую страну. В течение двух сталинских пятилеток завершена техническая реконструкция промышленности и сельского хозяйства. Социалистическая система хозяйства безраздельно господствует в нашей стране.

Построив в основном социализм, мы вступили в период завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В этих новых условиях товарищ Сталин поставил задачу — догнать и перегнать главные капиталистические страны также и в экономическом отношении в кратчайшие исторические сроки. СССР вступил в новую фазу исторического соревнования с капиталистической системой.

Работа товарища Сталина «Год великого перелома» подобно гигантскому прожектору осветила коренные задачи социалистического строительства в момент борьбы за первую сталинскую пятилетку. Эта работа полностью сохраняет свою актуальность в наши дни, когда мы боремся за победу третьей пятилетки. Поставленные тогда товарищем Сталиным важнейшие вопросы производительности труда, социалистического накопления, кадров, вопрос о путях социализма в деревне, и в настоящее время полностью сохраняют свое мобилизующее значение. От их успешного разрешения в первую голову зависит дальнейшее укрепление обороноспособности СССР и поступательное движение нашего 193-миллионного советского народа от социализма к коммунизму.

С. ТИТАРЕНКО

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 274.

¹ «История ВКП(б)», стр. 291—292.

Завещание Фридриха Энгельса по крестьянскому вопросу

(О работе Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии»)

Незадолго до своей смерти, в 1894 году, Энгельс выступил со своим замечательным произведением «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», в котором со всей остротой поставил перед рабочим классом всех стран важнейший вопрос — об отношении социалистических партий к крестьянству.

Основоположники коммунизма Маркс и Энгельс всегда уделяли исключительно много внимания вопросу о крестьянстве, рассматривая этот вопрос не изолированно, а как часть вопроса о диктатуре пролетариата, о путях к коммунистическому обществу.

Много блестящих страниц посвятили они анализу положения крестьянства в капиталистическом обществе. На богатом историческом материале они показали тяжелый процесс дифференциации крестьян-

ства при капитализме, процесс, принимающий различнейшие формы в различных конкретно-исторических условиях, но происходящий со всей неотвратимостью.

Говоря, например, об экономике французской деревни 50-х годов, Маркс показал, что в связи с дроблением крестьянских участков (парцелл) во Франции крестьянская парцелла служит лишь удобным предлогом для жестокой эксплуатации миллионов масс французского крестьянства, для выкачивания из них прибыли, процента и ренты и что буржуазный строй стал «вампиром, высасывающим кровь ее сердца и мозг ее головы и бросающим ее в алхимическую реторту капитала»¹.

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 334. Госполитиздат. 1940.

Маркс и Энгельс «дали основные наброски идеи гегемонии пролетариата» (Сталин).

Они неопровержимо доказали, что только пролетариат является классом, способным объединить вокруг себя широчайшие слои угнетенных и эксплуатируемых масс для борьбы за свержение капиталистического строя, за диктатуру пролетариата, за социализм. Они настойчиво подчеркивали огромную роль крестьянства как важнейшего союзника пролетариата в этой борьбе.

1

После поражения революции 1848—1849 годов, в годы жестокой реакции, Маркс подчеркивал, что в Германии, где буржуазно-демократическая революция осталась незаконченной, где перед рабочим классом стояла задача—«...сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти...»¹,—главное внимание рабочего класса должно быть устремлено на развертывание крестьянских движений.

Учитывая уроки революции 1848—1849 годов, Маркс указывал, что крестьяне «находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок»². В известном своем письме Энгельсу в апреле 1856 года Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно»³.

Являясь организатором и вождем I Интернационала, борясь против всех видов оппортунизма и сектанства, Маркс вел систематическую борьбу и против мелкобуржуазных, сектантских догм в вопросе о крестьянстве, об его судьбах, об его взаимоотношениях с пролетариатом.

Так например Маркс и Энгельс всегда вели самую непримиримую борьбу против Лассаля и лассальянцев, которые, идя на поводу у злейших поработителей крестьянства—пруссских юнкеров,—запгывая с Бисмарком, совершали «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии».

Маркс и Энгельс систематически разоблачали огромный вред реакционной лассальянской догмы о «сплошной реакцион-

ной массе», согласно которой крестьянство и все промежуточные средние слои составляют вместе с господствующими классами—буржуазией и помещиками—единую реакционную массу, а изолированный пролетариат в одиночестве противостоит всем этим классам. Эту догму позже сделали своим символом веры идеологи II интернационала.

В 1865 году в своем письме Марксу Энгельс, говоря о предстоящем совместном выступлении их в печати, писал: «...в такой преимущественно земледельческой стране, как Пруссия, низко нападать от имени промышленного пролетариата исключительно на буржуазию и наряду с этим ни единым словом не упоминать о патриархальной палочной эксплуатации сельского пролетариата со стороны крупного феодального дворянства»⁴.

В результате длительной борьбы против лассальянства и против сектантов из лагеря прудонистов, которые проповедывали сохранение и увековечение индивидуальной крестьянской собственности, на Базельском конгрессе I Интернационала было вынесено огромной принципиальной важности решение о необходимости обобществления земли и ее недр. Это постановление знаменовало решающую победу марксизма над оппортунизмом и сектантством всех разновидностей.

После того как была подавлена Парижская коммуна, нанеся «первый удар по капитализму», Маркс в своем гениальном произведении «Гражданская война во Франции» указывал, что именно Парижская коммуна, которая являлась правительством рабочего класса, «смелой борщицей освобождения труда», могла бы разрешить и крестьянский вопрос: «Коммуна имела полное право объявить крестьянам: «Наша победа—ваша надежда!»

Маркс с возмущением разоблачает здесь французских помещиков, которые «отлично понимали... что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание», и поэтому «...трусливо спешили окружить Париж полицейской блокадой...»⁵.

Одной из причин поражения Коммуны было то, что парижские рабочие, не имевшие своей революционной пролетарской партии, не сумели пробить себе дорогу к крестьянам, не сумели обеспечить себе поддержку со стороны крестьянских резервов. На протекшей в сентябре 1871

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 131. Госполитиздат. 1940.

² Там же, стр. 334.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 139.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 239.

⁵ К. Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 407, 408.

года Лондонской конференции I Интернационала Маркс на основе уроков Коммуны еще более настойчиво выдвигает перед рабочим классом задачу установления связи с крестьянством, установления единства интересов трудящихся города с интересами трудящихся деревни и вносит предложение — на очередном конгрессе Интернационала специально обсудить вопрос о работе среди крестьянства. Маркс и Энгельс систематически указывали рабочим всех стран, что именно пролетариат является классом, призванным возглавить широчайшие массы трудящихся и эксплуатируемых города и деревни в борьбе за свержение капитализма, что без союза с крестьянством невозможна победа рабочего класса.

После смерти Маркса Энгельс уже один продолжал огромную работу как по руководству международным рабочим движением, так и по дальнейшему развитию основ революционной марксистской теории. Работу эту Энгельс проводил в неустанной борьбе против всех оппортунистических уклонов, ошибок и шатавий. С особенной наглядностью обнаруживалась оппортунистическая опасность на примере еще игравшей в то время ведущую роль в международном рабочем движении германской социал-демократии. К этому времени политика Бисмарка, политика «кнута и пряника», окончательно обанкротилась. В 1890 году исключительный закон против социалистов в Германии был отменен. Благодаря умелому сочетанию нелегальной и легальной работы в 80-х годах германская социал-демократия сумела завоевать симпатии широких слоев рабочего класса.

Однако уже в начале 90-х годов, задолго до того, как реформист Бернштейн выступил со своей открытой попыткой ревизии марксизма, в германской социал-демократии подняли голову оппортунисты, начавшие проповедывать «мирно-спокойно-свободно-веселое «врастание» старого свиства в «социалистическое общество»¹.

Когда правительство Каприви, пришедшее к власти после отставки Бисмарка, широковещательно возвестило свой «новый курс», то оппортунисты типа Фольмара рассматривали это всерьез и тем самым помогали правительству сеять среди рабочих вредные иллюзии. Оппортунисты заявляли, что так как исключительный закон уже отошел в прошлое, социал-демократия должна отказаться от революционной борьбы и сконцентрировать свое внимание на парламентской деятельности. Этому способствовали и крупные избира-

тельные победы, одержанные к этому времени партией. На выборах в рейхстаг в феврале 1890 года германская социал-демократия получила 1427 тысяч голосов, т. е. вдвое больше чем на предыдущих выборах — 1887 года.

В погоне за новыми избирательными победами оппортунисты требовали приспособления политики партии к запросам и предрассудкам ее мелкобуржуазных попутчиков. Руководство германской социал-демократии не только не вело последовательной и решительной борьбы против оппортунистов, но неоднократно шло им на уступки в важнейших, коренных вопросах. Вот почему Энгельсу уже одному, без Маркса, приходилось часто со всей остротой и непримиримостью критиковать их оппортунистические ошибки, их примиренчество к оппортунистам, их колебания. Именно в эти годы Энгельс публикует, вопреки сопротивлению руководства германской социал-демократии, марксову «Критику Готской программы», замечательный документ, направленный против оппортунистических лассальянских положений программы, принятой на объединительном съезде 1875 года.

Опубликование «Критики Готской программы» Энгельс считал тем более актуальным, что здесь Маркс на основе опыта Парижской коммуны развил свое учение о диктатуре пролетариата, о путях к коммунизму, тогда как социал-демократические филистеры опопляли и извращали или же замалчивали это великое революционное учение, являющееся главным в марксизме. Именно в эти годы Энгельс выступает, далее, со своей критикой Эрфуртской программы, принятой на съезде 1891 года, в которой заслуженно упрекает оппортунистов в «забвении великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня», в «погоне за минутными успехами и борьбе из-за них без учета дальнейших последствий», в «принесении будущего движения в жертву настоящему».

Наряду с борьбой против правого оппортунизма Энгельс вел решительную борьбу против оппортунизма, маскировавшегося «левой» фразой, в частности против полуанархистской сектантской группки «молодых» в германской социал-демократии.

Большое внимание уделял Энгельс и французскому рабочему движению. К 90-м годам рабочее движение во Франции достигло значительных успехов. Рабочая партия во главе с Гедом и Лафаргом сумела много сделать для широкого распространения марксизма среди французских рабочих.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письма», стр. 303. Соцэкиз. 1931.

Политика буржуазных республиканцев, стоявших в то время у власти во Франции, вызывала большое недовольство не только среди рабочих, но и в широких слоях трудящихся города и деревни.

Вспыхнувший в 1892—1893 году «Панамский скандал» со всей наглядностью продемонстрировал широкое распространение подкупа, взяточничества, коррупции в правящих кругах Франции и вызвал волну возмущения по всей стране.

Происшедшие вскоре после этого, в 1893 году, выборы в палату депутатов принесли с собой значительные успехи социалистам.

Однако в то время французское рабочее движение было чрезвычайно раздроблено и распылено. мелкобуржуазные реформистские организации — POSSИБИЛИСТЫ, ЖОРЕСИСТЫ и т. п. — старались завоевать рабочий класс под свое влияние. Французская рабочая партия (ГЕДИСТЫ) сделала очень много для разоблачения с марксистских позиций мелкобуржуазной сущности этих оппортунистических течений, всегда встречая в этом всемерную поддержку со стороны Энгельса. Но Энгельсу нередко приходилось резко критиковать и самих гедистов за их ошибки, за неумение связаться с массами, за их сектантство. Гедисты начали сильно переоценивать значение парламентских успехов Рабочей партии. Увлечаясь мирной парламентской деятельностью, они все чаще выдвигали на первый план задачу привлечения на свою сторону мелкобуржуазных попутчиков и, вместо того чтобы обеспечить привлечение широких масс трудящихся на путь революционной пролетарской политики, все чаще шли на уступки предрассудкам мелкобуржуазных избирателей.

Оппортунистические ошибки гедистов, их излишнее увлечение парламентской деятельностью, с одной стороны, их сектантство — с другой, привели к усилению влияния анархо-синдикализма во французском профдвижении и к потере тех позиций, которыми Рабочая партия ранее располагала во французских синдикатах. Энгельс неуклонно вел борьбу против всех видов оппортунизма во французском социалистическом движении 90-х годов, так же как и в других партиях II интернационала.

Немалую роль в этой борьбе сыграло написанное Энгельсом в 1894 году произведение «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии».

* * *

В 80—90-х годах европейские страны переживали тяжелый аграрный кризис.

Вследствие конкуренции дешевого американского хлеба, в большом количестве хлынувшего в Европу, началось катастрофическое снижение цен на хлеб. Особенно тяжело от этого страдало крестьянство. В этой обстановке крестьянский вопрос приобретал особенно большую остроту и не мог не привлечь к себе внимания социалистических партий.

На Марсельском съезде французской Рабочей партии была принята аграрная программа, в которой выдвигался ряд требований для облегчения положения мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Для безземельных сельскохозяйственных рабочих эта программа требовала минимума заработной платы, установленного профсоюзами и общинными советами; запрещения продажи общинной земли; пенсий для стариков и инвалидов и т. д.; для мелких крестьян выдвигались требования приобретения общинами сельскохозяйственных машин для сдачи их по себестоимости в наем крестьянам; учреждения крестьянских кооперативных товариществ; снижения арендных цен; бесплатного сельскохозяйственного среднего образования и т. д.

Характеризуя эти требования марсельской аграрной программы, Энгельс указывает, что они идут не очень далеко, что часть из них уже осуществлена в некоторых капиталистических странах, остальные также могут быть осуществлены без особого ущерба для существующего строя.

При помощи этой программы французская Рабочая партия сумела привлечь к себе значительные слои крестьян и добиться ряда крупных избирательных успехов на выборах в палату депутатов в августе 1893 года. Однако эти избирательные успехи послужили для французской Рабочей партии исходным пунктом ряда недопустимых уступок мелкобуржуазным попутчикам. На происходившем в сентябре 1894 года Нантском съезде партии были приняты добавления к аграрной программе, означавшие оппортунистическое извращение марксизма. Вместо того чтобы разъяснить крестьянам их обреченность при капиталистическом строе и показать им наряду с этим историческую необходимость перехода к общественному производству, разъяснить им, что только под руководством пролетариата, только на пути пролетарской революции может быть достигнуто освобождение широчайших масс трудящихся города и деревни из-под гнета капиталистов и помещиков, французские социалисты пошли по ложному пути, обещая крестьянам сохранить в условиях капиталистического строя их ответственность от гибели.

В теоретической мотивировке к добавлениям, принятым на Нантском съезде, говорилось, что несмотря на неизбежность гибели мелкой крестьянской собственности при капитализме, «социализм не должен эту гибель ускорять, так как его задача состоит весь не в том, чтобы отделить собственность от труда, а, наоборот, в том, чтобы соединить в одних и тех же руках оба эти фактора всякого производства, разделение которых ведет к рабству и нищете пролетаризированных работников» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 447).

Более того: в своих добавлениях к аграрной программе французская Рабочая партия зашла еще дальше: она обещала свою поддержку не только живущим своим трудом крестьянам, но и капиталистическим элементам деревни в лице арендаторов, эксплуатирующих чужой труд.

«Целесообразно также, — говорилось в этом документе, — распространить эту защиту и на тех производителей, которые под именем арендаторов или издольщиков обрабатывают чужую землю и которые, даже когда они эксплуатируют наемных рабочих, в некоторой мере вынуждены к этому эксплуатацией, тяготеющей над ними самими» (там же).

Эти оппортунистические установки в крестьянском вопросе, выдвинутые французской Рабочей партией, немедленно нашли живой отклик и среди германских оппортунистов. Фольмар выступил на происходившем в октябре 1894 года Франкфуртском партийном собрании германской социал-демократии с подобными же рецептами, выдвинув ряд мероприятий для «спасения» крестьянства в рамках капиталистического строя от тех бедствий, которым оно подвергается. В резолюции Франкфуртского съезда германской социал-демократии говорилось, что «бедственное положение крестьян и сельских рабочих должно быть облегчено радикальной реформаторской деятельностью. Ближайшая задача нашей партии состоит в том, чтобы создать особую аграрно-политическую программу, которая объясняла бы крестьянам и сельским рабочим... особенно полезные ближайшие требования Эрфуртской программы и, кроме того, дополняла бы их».

Задача эта была возложена на избранную на съезде аграрную комиссию.

В своем выступлении на Франкфуртском съезде германской социал-демократии Фольмар прямо сослался на пример нантских постановлений и имел даже наглость заявить, что последние «встретили прямое одобрение Фридриха Энгельса».

Как только это стало известно Энгельсу, он выступил с публичным протестом

против подобных наглых инсинуаций. В своем письме в редакцию газеты «Vorwärts» Энгельс писал:

«...Против правильно намеченных мер, имеющих целью сделать для мелких крестьян их неизбежную гибель менее болезненной, принципиально ничего возразить нельзя; но если идут дальше, если желают навеки сохранить мелкого крестьянина, то тут уж, по-моему, стремятся к экономически невозможному, жертвуют принципом, впадают в реакционность...»¹.

В этом же письме Энгельс заявлял, что считает необходимым выступить со статьей в «Neue Zeit», с изложением и обоснованием своей точки зрения по этому важному вопросу.

Такова в кратких чертах обстановка, в которой появилось произведение Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии».

2

Уже в вводной части этой работы Энгельс раскрывает огромное значение крестьянского вопроса.

«Буржуазные и реакционные партии, — пишет он, — крайне удивляются тому, что в настоящее время внезапно у социалистов встал повсюду на очередь крестьянский вопрос. Им следовало бы собственноручно удивляться тому, что это не произошло уже давно. От Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянин является весьма существенным фактором населения, производства и политической силы» (Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 441).

Энгельс разрушает вредную оппортунистическую легенду о том, что крестьянство как таковое неизбежно является реакционной силой. Правда, буржуазия нередко удавалось натравить крестьян против революционных рабочих. Так было, например, во Франции во время революции 1848 года, когда французской буржуазии удалось настроить крестьян против рабочих, изображая последних сторонниками «всеобщей дележки», угрожающими крестьянской собственности. Реакционное голосование французских крестьян смело неслышными социалистическими порывы февральской революции. «Крестьянин, хотевший, чтобы его оставили в покое, извлек тут из кладезя своих воспоминаний легенду о крестьянском императоре Наполеоне и создал Вторую империю. Все мы знаем, чего стоил французскому народу один этот подвиг крестьянства; от последствий этого подвига страдает француз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 436.

ский народ и по сю пору» (там же). Но с тех пор многое изменилось. В капиталистических странах выросли социалистические партии. Перед рабочим классом все ближе вырисовывается перспектива завоевания политической власти. Рабочий класс не может, однако, завоевать власть без привлечения на свою сторону крестьянства. «Но, чтобы завоевать политическую власть... партия должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне» (там же, стр. 442).

Энгельс подчеркивает, что социалистическая партия, давно открывшая волчий облик под овечьей шкурой крупного помещика, который навязывается в друзья крестьянину, не может спокойно оставлять обреченного на гибель крестьянина в руках его жезлантитников.

«И вот — мы в центре крестьянского вопроса», — этими словами заканчивает Энгельс вводную часть своей работы.

Энгельс напоминает о необходимости дифференцированного подхода к разным составным частям сельского населения и дает замечательный марксистский анализ положения отдельных слоев крестьянства. Особенно важен вопрос об отношении к мелкому крестьянству.

«Под мелким крестьянином, — говорит Энгельс, — мы понимаем здесь собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью» (там же, стр. 443).

Яркими штрихами рисует Энгельс положение этого слоя в условиях капитализма: освобожденный от феодальных повинностей мелкий крестьянин был освобожден одновременно от прав на общинные земли и лишен этим самым возможности содержать свой рабочий скот без покупки кормов. Конкуренция капиталистической промышленности разрушает подсобные промысла, которые помогали ему прокормить семью.

«И вот крестьянин падает все глубже и глубже. Налог, неурожай, разделы между наследниками, судебные процессы гонят одного крестьянина за другим к ростовщiku, задолженность распространяется все шире и становится для каждого в отдельности все тяжелее, — одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели. Он — будущий пролетарий» (там же, стр. 444).

Энгельс показывает две души этого крестьянина. С одной стороны, в качестве будущего пролетария он должен быть восприимчивым к социалистической пропа-

ганде. Но с другой, — этому нередко мешает величие у него в плоть и кровь чувство собственности.

«Чем тяжелее становится для него борьба за его клочок земли, подвергающийся стольким опасностям, тем с более упорным отчаянием цепляется он за него, тем более склонен он видеть в социал-демократе, говорящем ему о передаче земельной собственности в руки всего общества, столь же опасного врага, как в ростовщике и адвокате» (там же, стр. 444—445).

И вот важнейший вопрос: с чем должна социал-демократия прийти к этому слою крестьянства, каковы должны быть ее требования в крестьянском вопросе, «что может она предложить гибнущему мелкому крестьянину, не изменяя самой себе»?

Энгельс отмечает, что принятая на Марсельском съезде французской Рабочей партии первая аграрная программа, требования которой в интересах крестьян носят ограниченный рамками буржуазного общества характер, дает все же известную практическую точку опоры. Программа эта заслуживает тем больше внимания, что она исходит из классической страны мелкого крестьянского хозяйства. Но Энгельс обрушивается с самой резкой, беспощадной критикой на добавления, внесенные в эту программу на Нантском съезде, опрокидывая одно за другим все антимарксистские положения теоретической мотивировки нантских добавлений.

В теоретической мотивировке в Нантской программе говорилось, что «производители могут быть свободны лишь постольку, поскольку они обладают средствами производства».

Энгельс отмечает прежде всего абсолютную неполноту и ничтожность такого определения: «...то положение французской программы, что предпосылкой для свободы производителей является владение средствами производства, нужно тут же дополнить тем, что владение средствами производства возможно только в двух формах — либо в форме индивидуального владения... либо же в форме коллективного владения...» (там же, стр. 447).

При этом Энгельс наносит беспощадные удары по всем реакционным попыткам идеализации и «увеличения» индивидуального мелкого производства, напоминая, что индивидуальное владение в виде явления, общего для всех производителей, не существовало ни когда и нигде, что промышленный прогресс ведет к гибели индивидуального владения и что «... социализм заинтересован вовсе не в его поддержке, а в его устранении, так как там,

где и постольку оно существует, становится невозможным коллективное владение» (там же, стр. 448).

Энгельс разоблачает реакционные теории, будто принадлежность средств производства отдельному производителю обеспечивает последнему «настоящую свободу». Можно ли говорить о «свободе» мелкого крестьянина, тогда «как сам он, так и его дом, его двор, его поле принадлежат ростовщику», когда «его существование более печально, чем существование пролетария...?» (там же).

Энгельс решительно выступает против растаскаемых в Нантской программе обещаний сохранить и защитить собственность мелкого крестьянина, воспрепятствовать пролетаризации крестьянина.

«Вана попытка защитить собственность мелкого крестьянина защищает не его свободу, а лишь особую форму его рабства; она затягивает такое состояние, в котором он не может ни жить, ни умереть» (там же).

Энгельс категорически отвергает выдвинутый в Нантской программе аргумент о необходимости не отделять собственность от труда, а «соединить в одних и тех же руках оба эти фактора всякого производства». В такой общей форме, заявляет Энгельс, это не является задачей социализма, задача социалистов «состоит только в передаче средств производства производителям в коллективное владение» (там же, стр. 449).

Как только мы упустим это из виду, предостерегает Энгельс, это приведет нас к ошибочному предположению, будто социализм имеет своей задачей «превратить современную мнимую собственность мелкого крестьянина на его поле в действительную, т. е. мелкого арендатора сделать собственником, а обремененного долгами собственника освободить от долгов. Социализм, разумеется, заинтересован в том, чтобы эта ложная видимость крестьянской собственности исчезла, но не таким способом» (там же).

С особенно большим возмущением Энгельс говорит о выдвинутом в Нантской программе требовании защиты арендаторов, эксплуатирующих наемных рабочих.

«Социализм, — пишет Энгельс, — специально направлен против эксплуатации наемного труда. А здесь объявляется настоящим долгом социализма защищать французских арендаторов, «эсплоатирующую наемных рабочих» — так и сказано!» (там же).

Если со стороны партии было бы просто нелепо подавать парцелльным крестьянам надежду на продолжение их существования в качестве парцелльных кре-

стьян, то обещать это крупным и средним крестьянам граничит с прямой изменой. «Их батраки, батрачки и помещики интересуют нас, разумеется, гораздо больше, чем они. Если эти крестьяне хотят, чтобы им гарантировали дальнейшее существование их хозяйства, то этого мы никак не можем им предложить» (там же, стр. 458).

«Как легко и приятно катиться вниз, раз уж попал на наклонную плоскость! — восклицает Энгельс. — А что, если крупный и средний немецкий крестьянин придет к французским социалистам и попросит их похлопотать у Правления германской партии о том, чтобы Германская социал-демократическая партия дала ему защиту в деле эксплуатации его батраков и батрачек, ссылаясь при этом на «тяготеющую над ним самим эксплуатацию» со стороны ростовщика, сборщика податей, спекулянта хлебом и торговца скотом...» (там же, стр. 450).

Энгельс умело вскрывает те глубокие противоречия, в дебрях которых запутались авторы нантских предложений; он показывает, что практические предложения этой аграрной программы никак не отвечают на вопрос, как же, собственно, французской Рабочей партии удастся спасти обреченную на гибель собственность мелких крестьян.

Энгельс одобряет инициативу французских социалистов, уделявших значительное внимание крестьянскому вопросу; «...против воли мелкого крестьянина никакой прочный политический переворот во Франции невозможен» (там же, стр. 453). — подчеркивает Энгельс, однако тут же отмечает, что французские социалисты взяли за дело неправильно. Выработывая добавления к аграрной программе, они исходили из стремления привлечь мелкого крестьянина на свою сторону немедленно, чуть ли не на ближайших выборах, и в этих целях пошли на весьма рискованные широкие обещания; для обоснования их они пустили в ход еще гораздо более рискованные теоретические соображения.

Безосновательно критикуя французских социалистов за их «интервентивские» рецепты в крестьянском вопросе, Энгельс одновременно настойчиво подчеркивает, что пролетарские партии не только не должны игнорировать вопроса о привлечении крестьянства на сторону пролетариата, а должны уделять этому вопросу самое большое внимание. Но пропаганду среди крестьянства нужно вести соответственно законам экономического развития, а не вопреки им.

«Долг нашей партии—всегда и везде разъяснять крестьянам абсолютно безнадежность их положения, пока царит капитализм, абсолютную невозможность сохранить за ними их парцелльную собственность как таковую, абсолютную уверенность, что капиталистическое крупное производство так же раздавит их бесчисленное устарелое мелкое производство, как железнодорожный поезд—ручную тачку. Если мы будем делать так, мы будем действовать соответственно неизбежному экономическому развитию, а оно уже прочистит крестьянам мозги для понимания наших слов» (там же, стр. 457).

Разрабатывая вопрос об отношении пролетарской партии к крестьянству, Энгельс пошел дальше и вывинул проблему огромной значимости—о взглядах пролетариата на дальнейшие судьбы мелкого крестьянства.

Мы, говорит Энгельс, «стоим решительно на стороне мелкого крестьянина; мы предпримем все сколько-нибудь возможное для того, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решается, и даже дать ему отсрочку, чтобы подумать на своей парцелле, если он не может еще принять этого решения. Мы сделаем это не только потому, что считаем возможным переход живущего своим трудом мелкого крестьянина на нашу сторону, но также и в прямом интересе партии. Чем больше число крестьян, которых мы избавим от действительного перехода в пролетариат, которых мы сможем привлечь на свою сторону еще как крестьян, тем скорее и легче совершится общественный переворот. Нам не к чему ждать этого переворота до тех пор, пока капиталистическое производство везде разовьется до крайних своих последствий, пока последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падут жертвой крупного капиталистического производства. Материальные жертвы, которые для этого придется принести из общественных средств в интересах крестьян, с точки зрения капиталистической экономики могут казаться просто выброшенными деньгами, но на деле это будет превосходное употребление капитала, потому что в издержках всей общественной реорганизации в целом эти жертвы сэкономят, может быть, в десять раз большие суммы» (там же, стр. 456—457).

Товарищ Сталин, говоря о крестьянстве после укрепления советской власти, специально указывает на эти замечательные высказывания Энгельса:

«Так говорил Энгельс, имея в виду западное крестьянство. Но разве не ясно, что сказанное Энгельсом нигде не может

быть осуществлено с такой легкостью и полнотой, как в стране диктатуры пролетариата? Разве не ясно, что только в Советской России могут быть проведены в жизнь теперь же и полностью и «переход на нашу сторону самостоятельно работающего мелкого крестьянина», и необходимые для этого «материальные жертвы», и нужная для этого «щедрость по отношению к крестьянам», что эти и подобные им меры в пользу крестьян уже проводятся в России? Как можно отрицать, что это обстоятельство, в свою очередь, должно облегчить и двинуть вперед дело хозяйственного строительства Советской страны?»¹.

Позднее, в своей речи на конференции аграрников-марксистов, товарищ Сталин, снова ссылаясь на это высказывание Энгельса, подчеркивает, что Энгельс здесь подходит очень осмотрительно к вопросу о переводе индивидуального крестьянского хозяйства на рельсы коллективизма. Это объясняется тем, что Энгельс исходил из факта наличия частной собственности на землю, из того, что у крестьянина есть «свой клочок» земли, с которым ему так трудно расстаться.

«Можно ли сказать, что у нас в СССР имеется такое же положение? Нет, нельзя этого сказать. Нельзя, так как у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству. Нельзя, так как у нас имеется национализация земли, облегчающая дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизма»².

В этом своем замечательном труде, являющемся как бы завещанием пролетарским партиям в вопросе о крестьянстве, Энгельс развертывает широкую программу действий ставшего у власти пролетариата по отношению к крестьянству. Он высказывает здесь мысли, которые звучат как великие предвидения, как гениальный прогноз. «...когда мы овладеем государственной властью,—пишет здесь Энгельс,—мы не будем думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или без него), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частное владение перевести в товарищеское, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И то-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 43. 11-е изд.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 449. 9-е изд.

гда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы показать мелкому крестьянину те выгоды, которые ему должны бы быть ясны уже и теперь» (там же, стр. 454—455).

Итак, Энгельс в своей работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» не только показывает рабочему классу всю важность крестьянского вопроса как вопроса о союзниках пролетариата, не только раскрывает перед пролетарскими партиями линию их поведения в отношении отдельных слоев крестьянства, не только со всей резкостью и остротой обрушивается против всяких оппортунистических извращений в крестьянском вопросе, но и развертывает широкую программу действий пролетариата в этой области после того, как он завоеует политическую власть.

Вскоре после того, как была написана эта работа, Энгельса не стало. После смерти великого, пламенного революционера, ближайшего друга и соратника Маркса, оппортунисты в партиях II интернационала подняли голову. Указания Маркса и Энгельса по крестьянскому вопросу были ими извращены или же сознательно замалчивались. Партии II интернационала относились довольно равнодушно к крестьянскому вопросу. Товарищ Сталин указывает, что «крестьянский вопрос является частью общего вопроса о диктатуре пролетариата» и что «Равнодушное, а то и прямо отрицательное отношение к крестьянскому вопросу со стороны партий II Интернационала... объясняется прежде всего тем, что эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти; а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции.—для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, неактуальным»¹.

Ленин, великий продолжатель дела Маркса и Энгельса, не только рассказал массам о скрываемых оппортунистами II интернационала указаниях Маркса и

Энгельса по крестьянскому вопросу, но развил данные основоположниками научного коммунизма основные наброски идеи гегемонии пролетариата «в стройную систему гегемонии пролетариата, в стройную систему руководства пролетариата трудящимися массами города и деревни не только в деле свержения капитализма и феодализма, но и в деле социалистического строительства при диктатуре пролетариата»².

Уже в 1894 году, в том же году, когда был опубликован «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа», разоблачая реакционную сущность народничества, указал на необходимость революционного союза рабочих и крестьян, подчеркнув, что «русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»³.

Ленинское учение о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, ленинский кооперативный план являются дальнейшим развитием положений великих основоположников марксизма и важнейшими элементами новой, ленинско-сталинской теории социалистической революции.

Товарищ Сталин развил далее марксистско-ленинское учение о гегемонии пролетариата. Исходя из кооперативного плана Ленина, товарищ Сталин теоретически разработал вопрос о путях коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Под руководством великого Сталина, в борьбе против всех врагов партии, в борьбе против всех оппортунистических извращений партийной линии большевистская партия выполнила великие заветы основоположников коммунизма, разрешила историческую задачу, задачу переделки индивидуального, основанного на частной собственности крестьянского хозяйства в крупное, коллективное, социалистическое хозяйство.

Е. РУБИНШТЕЙН

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 171. 10-е изд.

³ Ленин. Т. I, стр. 193.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 36. 11-е изд.

Воспоминания о Фридрихе Энгельсе

Фридрих Лесснер — одна из наиболее обязательных фигур из числа тех непосредственных помощников и соратников Маркса, которые оставались ему верны на протяжении десятилетий революционной работы в «Союзе коммунистов» и I Интернационале. Немецкий рабочий, портной, Лесснер в возрасте 22 лет бежал из Германии в Англию, в Лондон, где примкнул к местной общине «Союза коммунистов». С тех пор имя Лесснера неизменно фигурирует в составе немногочисленной группы немецких рабочих, примыкавших в эмиграции к Марксу.

В 1848 году Лесснер переезжает из Лондона в Кельн, где Маркс издавал тогда «Новую рейнскую газету». После разгрома революции, удушения «Новой рейнской газеты» и высылки Маркса за пределы Пруссии Лесснер остается в Германии в числе тех немногих рабочих-коммунистов, которые впервые в истории человечества строят под руководством Маркса и Энгельса нелегальную партийную организацию рабочего класса. В 1851 году Лесснер был арестован в Майнце и предстал перед прусским судом в числе обвиняемых по знаменитому кельнскому процессу коммунистов.

Из тюрьмы он вышел лишь в 1856 году. Лесснер отправляется в Лондон, где, занимаясь своим портновским ремеслом, продолжает работу в Немецком коммунистическом рабочем просветительном обществе. Он сближается с Марксом и Энгельсом, которые высоко ценят этого скромного самоотверженного и беззаветно преданного делу рабочего класса бойца.

Воспоминания Лесснера о Марксе, опубликованные по-русски в «Историческом журнале»¹, являются очень ценным источником для изучения биографии Маркса. В настоящем номере публикуются (впервые на русском языке) воспоминания Лесснера об Энгельсе. По-немецки они были напечатаны в № 18 «Die Hütte» за 1902 год (стр. 539—541).

Мемуарная литература об Энгельсе до крайности скудна. Бесхитростный, проникнутый искренним чувством любви и преданности к Энгельсу, рассказ Лесснера поможет читателю ярче представить себе могучую фигуру человека, о котором Ленин писал, что его имя справедливо ставят рядом с именем Маркса, как имя одного из основоположников революционной теории.

Лесснер писал свои воспоминания в возрасте 76 лет, и в них вкрались отдельные неточности (например, Вильгельм Вольф приезжал в Лондон не на II конгресс «Союза коммунистов», как пишет Лесснер, а на I конгресс в шоне того же 1847 года). Зато эти воспоминания содержат немало таких штрихов, которые помогут биографу Энгельса полнее воссоздать облик гениального борца и мыслителя.

Воспоминания печатаются с незначительными сокращениями.

М. ЗОРКИЙ

¹ «Исторический журнал» № 2 за 1938 год, стр. 54—67.

* * *

Да будет мне дозволено, прежде чем я закрою свои глаза навеки, поделиться воспоминаниями о своем многолетнем знакомстве и дружбе с великим бойцом Фридрихом Энгельсом. Хотя о нем после его смерти писалось и говорилось немало, я все же считаю себя вправе рассказать о своих отношениях с Энгельсом, завязавшихся еще в 1847 году. Мне вряд ли это удастся сделать так обстоятельно, как я бы того желал.

Прошло полстолетия с тех пор, как я познакомился с Энгельсом. Мой преклонный возраст является помехой, перо в моей руке не движется так уверенно по бумаге, как мне бы того хотелось; но я надеюсь, что недостатки моего рассказа будут мне прощены.

Мое первое знакомство с Фридрихом Энгельсом, как и с Карлом Марксом, приходится на замечательное время — осень 1847 г. в Лондоне. Дело было в Коммунистическом рабочем обществе, единственном обществе той поры, которое существует до настоящего времени и по сей день служит современному рабочему движению¹. Наше

¹ Писалось в 1902 году. Немецкое коммунистическое рабочее просветительное общество было основано в Лондоне в 1840 году. В 1847—1850 годах и с конца 50-х до конца 70-х годов находилось под решающим влиянием Маркса. В конце XIX века потеряло значение, превратившись в простой клуб. — Ред.

знакомство состоялось во время того достопамятного съезда, когда было основано современное интернациональное рабочее движение. Маркс, Энгельс, Вильгельм Вольф приехали вместе с бельгийцем Тедеско из Брюсселя в Лондон, чтобы здесь договориться о принципах и о тактике новой организации. Теперь известно всему миру, что на этом конгрессе было поручено Марксу и Энгельсу выработать «Коммунистический манифест»¹.

К тому времени я уже слышал и о Марксе и об Энгельсе. Во-первых, я читал «Немецкую Брюссельскую газету», которая издавалась в 1846—1848 гг. Книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», первое издание которой вышло в 1845 г., проладалась в Коммунистическом рабочем обществе в Лондоне. Это была первая книга, которую я приобрел и откуда я впервые почерпнул представление о рабочем движении. Вторая книга, по которой я тогда учился, была книга Вейтлинга «Гарантии свободы».

Приезд Маркса и Энгельса в Лондон произвел огромное впечатление как на членов Коммунистического рабочего общества, так и на членов «Союза коммунистов». С этим съездом связывались большие надежды, и эти надежды не только не были обмануты, но в действительности были далеко превзойдены. Появление «Коммунистического манифеста», которое произошло в результате этого исторического съезда, было тому первым подтверждением.

Энгельс по своей внешности очень отличался от Карла Маркса. Энгельс был высок и строен, его движения были быстры и уверенны, его язык — лаконичен и решителен; он держался всегда очень прямо, что придавало ему сходство с военным. Это был очень жизнерадостный человек; каждая его шутка была меткой; всякий, кто с ним общался, должен был тотчас же составить себе впечатление, что перед ним необыкновенно одаренный человек.

В общении с чужими людьми Энгельс был сдержан. Эта сдержанность стала еще более заметной в поздние годы. Но всякий, кто имел возможность ближе познакомиться с Энгельсом, в нем души не чаял. Энгельс был чужд притворству. Он немедленно обнаруживал, рассказывают ли ему небылицы или сообщают правду без всяких прикрас. Энгельс очень хорошо знал людей.

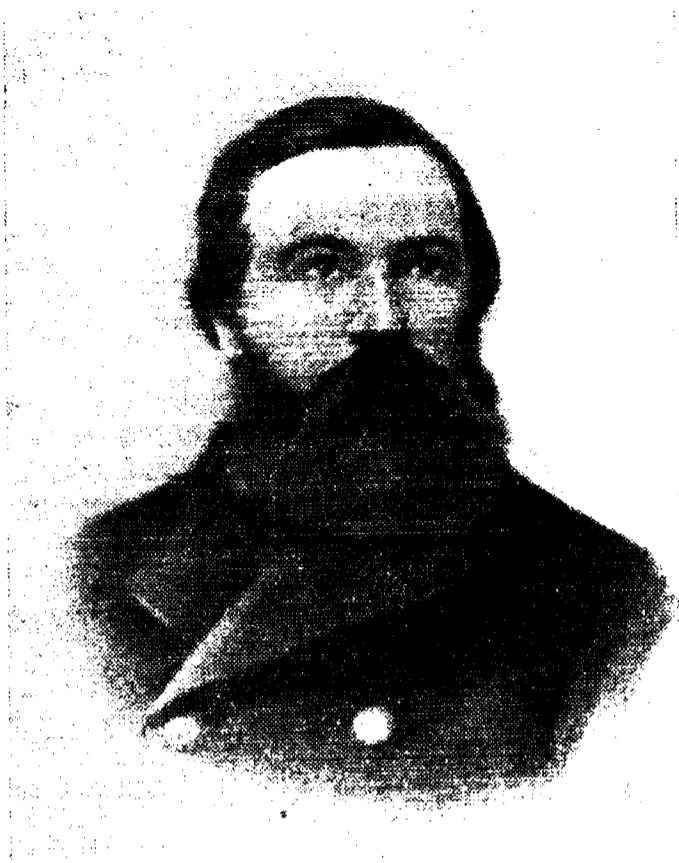
¹ Речь идет о II конгрессе «Союза коммунистов» (ноябрь — декабрь 1847 года). Энгельс приехал на конгресс не из Брюсселя, а из Парижа. — Ред.

Портрет Энгельса был бы неполным, если бы я не привел здесь слова его английского друга Джорджа Джулиана Харни, редактора чартистского органа «Северная звезда». Харни, который знал Энгельса с 1843 г., писал после смерти Энгельса: «Он был моим другом, и мы вместе работали больше полувека. В 1843 г. он приехал из Бредфорда в Лидс и разыскал меня в редакции «Северной звезды»... Я увидел высокого, крепкого молодого человека с юношеским, почти мальчишеским лицом. Его английский язык уже в то время был, несмотря на немецкое происхождение и воспитание Энгельса, безупречным. Он рассказал мне, что он является постоянным читателем «Северной звезды» и следит за чартистским движением. Так началась наша дружба, длившаяся 52 года... Энгельс, обремененный множеством работ, всегда находил время, чтобы вспомнить о своих друзьях, дать им совет или помочь, когда нужно было. Его необъятные знания и его влияние никогда не делали его высокомерным; напротив, в возрасте 75 лет он был так же скромен и так же готов был признать значение работы других, как тогда, когда ему было 22 года. Он был необычайно гостеприимен, охотно смеялся, и смех его был заразителен. Он умел быть душевной дружеской беседы. Ближе встречаясь с приверженцами Оуэна, с чартистами, тред-юнионистами и социалистами, Энгельс мастерски создавал такую обстановку, в которой каждый из них чувствовал себя легко и приятно».

* * *

Мое более близкое знакомство с Энгельсом и Марксом состоялось в Кельне, куда я переехал из Лондона в конце июня 1848 года. В Кельне я познакомился с членами редакции «Новой Рейнской газеты». Мое тогдашнее имя было «Фридрих Карстенс». Энгельс знал, что я — портной, и наименовал меня своим «лейб-портным». Тем не менее, моя работа для него ограничилась ремонтом и починкой его гардероба. Ни Маркс, ни Энгельс не тратились на одежду, их денежные дела в ту пору были отнюдь не блестящи...

Я был еще тогда очень молод; мне никогда не было по праву выдвигаться на первый план. Поэтому мы встречались чаще всего на народных собраниях или других заседаниях, где приветствовали друг друга, как боевые товарищи. Хотя мы встречались в Кельне в течение непродолжительного времени, но я уже тогда сумел очень высоко оценить этих двух замечательных людей и ожидал от них очень многого в будущем.

Фридрих Энгельс. 1865 год.

«Коммунистический манифест» не оставил ни малейших сомнений относительно того, с какой глубиной они постигли современное общество; популярный, яркий литературный стиль помог тому, что их идея противоположности классов стала доступной любому рядовому рабочему. Но в «Новой Рейнской газете» Маркс и Энгельс наглядно доказали, что они вооружены не только знаниями, но и твердой волей.

Черно-белая реакция¹ скоро обнаружила, с какими несравненными противниками она столкнулась в их лице, и из кожи лезла вон, чтобы доконать «Новую Рейнскую газету». Когда это не удалось, она прибегла к еще более наглým насильственным мерам, чтобы уничтожить газету. Были затеяны два процесса: первый — 7-го февраля, второй — 8-го февраля, направленные против комитета рейнских демократов². Я с величайшим интересом присутствовал на обоих судебных заседаниях. Было наслаждением видеть и слышать, с каким огромным превосходством и глубокими знаниями Маркс и Энгельс сражались против черно-белой реакции. Даже враги не могли скрыть своего восхищения этими двумя людьми!

После насильственного уничтожения «Новой Рейнской газеты» и противозакон-

¹ Лесснер имеет в виду прусскую контрреволюцию. — Р е д.

² Первый из процессов (7 февраля 1849 года) был направлен против редакции «Новой рейнской газеты», второй — против Маркса, Шапнера и Шнейдера. — Р е д.

ной высылки Карла Маркса члены редакции рассеялись в разные стороны. Маркс переехал в Париж; Энгельс же отправился в Пфальц, где только что вспыхнуло движение за имперскую конституцию³. Деятельность Энгельса в Пфальце отражена в его статье о кампании за имперскую конституцию, напечатанной в политико-экономическом обозрении, которое Карл Маркс редактировал в 1850 году⁴.

После поражения революции в Бадене Энгельс со многими другими борцами вынужден был бежать в Швейцарию. Там он пробыл недолго и вскоре отправился в Лондон, где в то время уже находился Маркс и большое число эмигрантов из Германии.

В Лондоне начались для Энгельса, как и для Маркса с его семьей, очень тяжелые времена. Элеонора Маркс описала эту суровую пору жизни Маркса и Энгельса в одной из статей.

К этому времени относится деятельное участие Маркса, Энгельса, Либкнехта, Вильгельма Вольфа и других в Коммунистическом обществе, в котором в то время было немало политических эмигрантов разных направлений. Их оценка политических событий недавнего прошлого, их взгляды на будущее расходились между собой; эмигрантская жизнь содержала крайне много неприятного; естественно, что вскоре возникли трения.

После воссоздания «Союза Коммунистов», организованного Марксом, Энгельсом и другими товарищами, обнаружились острые расхождения, главным образом по вопросу о тактике рабочей партии, между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Виллихом, Шапнером и их группой, — с другой стороны. Эти расхождения привели к разрыву. Причины этого разрыва ясно и открыто указаны Карлом Марксом в его «Разоблачениях о Кельнском процессе коммунистов»⁵.

К тому же времени относится также издание уже упомянутого политико-экономического обозрения «Новой Рейнской газеты», редактированного Карлом Марксом; в этом обозрении Энгельс поместил работу о баденской революции и «Крестьянскую войну в Германии»⁶.

³ Демократическое движение весны и лета 1849 года. В южногерманских государствах оно приняло форму революционного восстания. Энгельс сражался в рядах революционной армии. — Р е д.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 401—489. — Р е д.

⁵ Маркс и Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 503—558. — Р е д.

⁶ Там же, стр. 113—198. — Р е д.

В 1850 году Энгельс был вынужден покинуть Лондон и перебраться в Манчестер, где он поступил на службу на хлопчатобумажную фабрику, совладельцем которой был его отец. Лишь в самом конце 60-х годов он приобрел возможность расстаться с Манчестером, чтобы посвятить все свое время совместной работе с Карлом Марксом.

В Манчестере Энгельс встречался чаще всего с Вильгельмом Вольфом, Самюэлем Муром и Карлом Шорлеммером. От времени до времени он приезжал в Лондон, чтобы видиться с Марксом, или же Маркс ездил в Манчестер; но это происходило не часто, встречи эти были непродолжительными. Тем более оживленным был обмен письмами: Энгельс и Маркс сотрудничали в немецкой еженедельной газете «Das Volk» («Народ»), которую мы основали в Лондоне в 1859 году в противовес газете Кинкеля¹.

В 1859 году я написал Энгельсу, и в этом письме, между прочим, просил его прислать мне свою фотографию. Энгельс прислал мне ее в виде приложения к замечательному письму, которое я здесь охотно привел бы; но, несмотря на очень долгие поиски, мне не удалось его разыскать...

* * *

Весной 1870 года Энгельс со своей женой переехал в Лондон и поселился неподалеку от Маркса в его знаменитой квартире поблизости от Примроз-Хилл, где он прожил почти до самой смерти.

Вспыхнула франко-прусская война (1870 г.), которая поглотила все интересы и почти все время Энгельса. Его статьи в «Pall-Mall Gazette», которые принесли ему прозвище «Генерала», свидетельствовали об его военных познаниях. Он предсказал много поражений французской армии. Еще тогда, когда германские войска концентрировались против французской северной армии, Энгельс предсказал на страницах «Pall-Mall Gazette», что, если Мак-Магону не удастся прорваться со своей армией в Бельгию, железное кольцо германских корпусов сожмется вокруг него и вынудит его к капитуляции в Седанской ложбине. Это и произошло две недели спустя.

После поражения Парижской коммуны в 1871 г. положение в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих стало очень острым и трудным, в особенности для Маркса и Энгельса; на их долю выпало еще больше работы, чем прежде, так

¹ Готфрид Кинкель — немецкий буржуазный демократ, издававший в то время в Лондоне газетку под названием «Германн». — Р е д.

как в Лондон прибыло большое число членов Интернационала — эмигрантов Коммуны. Здесь следует особо упомянуть венгерского товарища Лео Франкеля. Он был членом правительства Коммуны, и ему удалось пробраться через расположение прусских частей под видом торговца ситчиками. Франкель был одним из немногих, кто имел совершенно ясное представление о цели и средствах рабочего движения.

Франкель после амнистии вернулся в Париж, где он продолжал свою пропаганду. Он умер несколько лет тому назад в Париже. Я потерял в нем личного друга, а партия — одного из лучших товарищей. Его имя не будет забыто.

Эмигранты Коммуны, которые принадлежали к различным направлениям, боролись между собой и возлагали друг на друга ответственность за поражение. Обманутые надежды, а также пужда, в тиски которой они попали, толкнула многих из них к взаимной грызне. Подлые нападки капиталистической прессы; царившее всюду непонимание Коммуны и ее значения; печальной памяти выходки анархистов — все это, казалось, соединилось для того, чтобы сжить со света Интернационал.

Перенесение Генерального Совета в Нью-Йорк в соответствии с решением Гаагского конгресса² предоставило Марксу и Энгельсу больше времени для их занятий по экономическим вопросам. Маркс мог целиком посвятить себя своему великому произведению — «Капитал». На Энгельса легла вся тяжесть работы по Интернационалу. Переводы «Коммунистического манифеста» и других произведений, поступавшие к нему для просмотра и редакции, равно как и целая серия статей, в которых он освещал текущие вопросы, не говоря уже о брошюрах на политические темы. — все это занимало львиную долю его времени. Если Энгельс, тем не менее, оставил нам сверх этого множество научных работ, то это свидетельствует лишь о том, какой любовью к работе и какой работоспособностью отличался наш старший друг.

В 1878 году Энгельса постиг тяжелый удар: его жена, Ирланка, которая принимала горячее участие в феминистском движении, умерла в результате воспаления брюшины. У Энгельса не было детей, и потеря жены была для него большим горем.

Заведенный порядок жизни Энгельса расстроился, он был выбит из колеи. Затем настали печальные времена в семье Маркса: болезнь Маркса, болезнь его жены и дочери, смерть и той и другой. В марте 1883 года я получил — правда, уже не не-

² Гаагский конгресс I Интернационала состоялся в сентябре 1872 года. — Р е д.

ожиданное, но от этого не менее прискорбное — известие о смерти Маркса. Энгельс мне прислал следующее письмо:
«Лондон, 15 марта 1883 г.

Дорогой Лесснер! Наш старый Маркс вчера в 3 часа тихо уснул навеки. Непосредственная причина смерти — вероятно, внутреннее кровоизлияние.

Похороны состоятся в субботу в 12 час. Тусси¹ просит тебя присутствовать на них.

Очень спешу.

Твой Ф. Энгельс».

* * *

После смерти Маркса Ленхен Демут², делавшая с семьей Маркса со времени замужества госпожи Маркс все радости и горести, взяла в свои руки домашнее хозяйство Энгельса. Она умерла 4 ноября 1890 г. Эта потеря была для Энгельса очень чувствительной. К счастью, вскоре после этого г-жа Луиза Каутская, ныне г-жа Фрейбергер, решила переехать из Вены в Лондон, чтобы принять на себя заведывание домашними делами Энгельса. Энгельс до самой смерти имел в ее лице хорошую помощницу. Луиза Фрейбергер в течение долгих лет принимала большое участие в международном рабочем движении.

Кто не знает того, какое деятельное участие принял Энгельс в движении новых тред-юнионов! Как он энергично поддерживал движение за 8-часовой рабочий день, хотя он сам зачастую работал по 16 часов в сутки до поздней ночи! Как он активно участвовал во всех первомайских праздниках и, не взирая на свой возраст, взбирался на платформы, которые служили трибуной для ораторов! И кто из друзей Энгельса забудет первомайские вечеринки, которые следовали обычно за этими собраниями...

Я был членом Коммунистического общества, был членом Социал-демократической Федерации, принимал участие в основании Независимой рабочей партии: Энгельс всегда рад бывал меня видеть у себя, так как я мог рассказать ему о настроении в этих различных организациях. Тем, кто общался с Энгельсом, было давно известно, что он во многих пунктах не согласен с тактикой Социал-демократической Федерации. Если бы Энгельс жил до сих пор, он бы еще менее одобрил ее теперешнюю тактику.

¹ Дочь Маркса (Элеонора). — Р е д.

² Домашняя работница и друг семьи Маркса. — Р е д.

Бодрость и неутомимость Энгельса не покидали его до самой смерти. Общеизвестно, что он был блестящим знатоком языков. Он владел в совершенстве десятью языками. В возрасте свыше 70 лет он начал изучать норвежский язык, чтобы иметь возможность читать в подлиннике Ибсена и Килланда.

Энгельс, как и Маркс, редко выступал на публичных собраниях. Последнее публичное выступление Энгельса состоялось в 1893 г. Он выступал на цюрихском конгрессе³, в Вене и Берлине. Прием, оказанный ему в Цюрихе, стихийные громовые овации, которыми его встречали, его очень поразили, как он мне потом не раз рассказывал. Его поездка в Австрию, Германию и Швейцарию была триумфальным шествием наших идей, и Энгельс очень сожалел, что Марксу не было дано вместе с ним увидеть новое поколение немецких рабочих.

Поведение Энгельса оставалось до конца неизменно выдержанным и решительным. Во всех своих действиях он был прост и откровенен. О чем бы его ни спросили, он всегда давал короткий и убедительный ответ. Энгельс всегда открыто высказывал свое согласие или несогласие с тем или иным мнением.

Энгельс напрямик заявил о том, что он не одобряет некоторых явлений в жизни партии, с которыми он не был согласен⁴. Шатания и компромиссы ему были не по душе.

Он принимал у себя множество людей, его очень охотно посещали как партийные товарищи, так и посторонние. Когда в конце восьмидесятых годов редакция «Социал-Демократа» переехала из Цюриха в Лондон, число посетителей очень выросло. Энгельс оставался неизменно гостеприимным.

После смерти Маркса я стал чаще бывать у Энгельса; его доверие ко мне было так же велико, как то, которое мне дарил Маркс. В те дни, когда у Энгельса толпилось особенно много посетителей, я заходил к нему реже. Но в таких случаях Энгельс немедленно меня спрашивал, почему я так редко показываюсь.

* * *

Летом 1895 г. Энгельс поехал в последний раз лечиться в Истбери, но вернулся

³ Цюрихский конгресс II интернационала состоялся в августе 1893 года. Речь Энгельса на конгрессе помещена в Сочинениях. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 368. — Р е д.

⁴ Лесснер имел в виду оппортунистические ошибки и шатания в рядах германской социал-демократии 70—90-х годов. — Р е д.

оттуда в конце июля без улучшения здоровья. Об этом мне сообщила в письме Тусси, которая была очень встревожена. Я решил в течение некоторого времени не беспокоить его своим посещением. Я боялся его возбудить своим присутствием, так как Энгельс и без того легко возбуждается. Вот почему мне не довелось больше увидеть живым нашего великого друга Энгельса после его возвращения в Лондон.

Вечером 5 августа Бернштейн сообщил мне, что если я хочу увидеть нашего друга Энгельса, я должен это сделать немедленно, так как он очень плох. Я все же не имел никакого представления о том, что смерть так близка. Я решил посетить его на другой день, 6-го августа, в самый ранний утренний час... Как был велик мой ужас, когда я первой же почтой получил от госпожи Луизы Фрейбергер известие, что наш друг умер 5-го августа между 11 и 12 часами вечера!

Не могу передать словами, какое впечатление на меня произвела эта ужасная, потрясающая весть. Я немедленно отправился на квартиру Энгельса и нашел его мертвым в его постели — точно так же, как 15 марта 1883 г. я, придя на квартиру Маркса, увидел его мертвым.

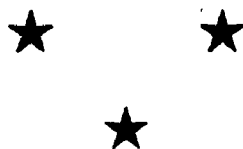
Госпожа Луиза Фрейбергер, которая меня проводила в комнату Энгельса, была так подавлена, что лишь с большим трудом могла рассказать мне о последних часах жизни Энгельса.

Энгельс завещал развеять после его смерти его прах в открытом море. Воля Энгельса была выполнена 27 августа Элеонорой Маркс, доктором Э. Эвелингом, Э. Бернштейном и мною. Мы отправились в Петберн, излюбленное место летнего отдыха Энгельса. Там мы наняли лодку с двумя гребцами и отвезли урну с прахом нашего незабвенного друга примерно на расстояние в две английские мили от берега. Невозможно передать на бумаге те чувства, которые вызвала во мне эта поездка...

Маркса и Энгельса уже давно нет среди живых; но их дело живет. Миллионы рабочих всех стран, ряды которых множатся с каждым днем, доказывают, что принципы и тактика Маркса и Энгельса понятны и признаны. Это доставляет мне величайшее удовлетворение, и вместе с миллионами пролетариев я восклицаю:

«Близкое будущее принадлежит социалистическому движению!»

Лондон, июнь 1902 г.

Первый кризис Временного правительства (20—21 апреля 1917 года)*

1

Победа буржуазно-демократической революции в России в феврале — марте 1917 года поставила у власти на место свергнутого царского правительства Временное правительство буржуазии и обуржуазившихся помещиков. 2 марта Николай II подписал манифест об отречении от престола. «До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках другого, нового, класса, именно: буржуазии»¹.

Русские рабочие и крестьяне, восставшие против царского самодержавия и одержавшие над ним победу, не сумели, однако, в силу своей недостаточной классовой организованности сразу же закрепить эту победу, создать свое собственное правительство. Буржуазия и помещики оказались лучше организованными и поспешили создать свой орган власти.

«Питерские рабочие и солдаты, — писал Ленин, — как и рабочие и солдаты всей России, самоотверженно бились против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за мир против империалистской войны. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой войны, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстранивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму»².

Еще 27 февраля 1917 года либеральные депутаты IV государственной думы, договорившись с лидерами соглашательских партий эсеров и меньшевиков, создали так называемый Временный комитет Государственной думы для «водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждения-

ми и лицами»³. Этот Комитет 2 марта совместно с эсеро-меньшевистскими лидерами исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов сформировал Временное правительство под названием «первого общественного кабинета министров». В состав его вошли: председатель совета министров и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов, министр иностранных дел П. Н. Милюков (кадет), военный и морской — А. И. Гучков (октябрист), путей сообщения — Н. В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности — А. И. Коновалов (прогрессист), финансов — М. И. Терещенко, просвещения — А. А. Мануйлов (кадет), обер-прокурор синода В. Н. Львов, министр земледелия А. И. Шипилов (кадет), юстиции — А. Ф. Керенский (трудовик), государственный контролер И. В. Голнев.

По рядом с этим правительством буржуазии и капиталистических помещиков в ходе буржуазно-демократической революции в стране возникла, по существу, вторая власть — советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 27 февраля (старого стиля) в Петрограде был образован Совет рабочих депутатов, 28 февраля Совет обратился с воззванием «К населению Петрограда и России», в котором говорилось:

«Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Вчера 27 февраля в столице образовался Совет Рабочих Депутатов — из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп.

Совет Рабочих Депутатов, заседающих в Государственной Думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил в борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России.

Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда.

Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, обра-

* Везде, где нет указаний на новый стиль, даты даны по старому стилю.

¹ Ленин, Т. XX, стр. 100.

² Там же, стр. 17.

³ «История гражданской войны в СССР», Т. I, стр. 70. Изд. «ИГВ», 1935.

звать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами.

Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права»¹.

По примеру Петрограда советы рабочих и солдатских депутатов стали создаваться по всей стране. Несколько позднее возникли советы крестьянских депутатов.

Возникновение советов имело решающее значение для закрепления успехов революции² и для ее дальнейшего развития. По своему классовому содержанию советы были революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. «Совет рабочих и солдатских депутатов являлся органом союза рабочих и крестьян против царской власти и вместе с тем — органом их власти, органом диктатуры рабочего класса и крестьянства»³. Советы рабочих и солдатских депутатов были органами борьбы за диктатуру пролетариата.

Созданные массами и опирающиеся на широчайшие трудящиеся массы, советы в первые же дни февральско-мартовской революции могли взять в свои руки всю власть. В стране не было в тот момент силы, которая могла бы помешать рабочим и крестьянам, организованным в советы, создать свое собственное правительство, ибо советы поддерживались всеми трудящимися и опирались на вооруженный народ. Но руководство в советах захватили соглашательские партии эсеров и меньшевиков, договорившиеся с буржуазией о создании буржуазного правительства. Советы добровольно отдали власть в руки буржуазии.

В своей декларации Временное правительство обещало провести ряд демократических реформ (амнистия по политическим и другим делам, свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, отмена верноподданнических и национальных ограничений, подготовка созыва Учредительного собрания, замена полиции народной милицией, выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и т. д.). Однако Временное правительство ни словом не обмолвилось о том, какую политику будет оно проводить в земельном вопросе и как оно относится к требованию масс немедленно прекратить империалистическую войну.

Несмотря на это исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов поспешил призвать массы к под-

держке этого правительства. Исполком заявил, что «в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, — демократия должна оказать ей свою поддержку»⁴.

Так сложилось двоевластие — одна из основных особенностей февральской революции в России.

Как только самодержавие было свергнуто и были созданы советы, Ленин поставил перед партией большевиков и рабочим классом задачу борьбы за ликвидацию двоевластия и за переход всей власти в стране к советам. Для того, однако, чтобы власть перешла к советам, надо было, чтобы не только передовые рабочие, но и весь народ понял, что Временное правительство — правительство буржуазии, которое не может и не хочет удовлетворить главные требования народа: требования мира, земли, свободы. А между тем меньшевики и эсеры затемняли сознание трудящихся, поддерживали в массах доверие к Временному правительству, призывали к войне до победного конца, внушали массам вредные иллюзии, будто это правительство добьется мира, и этим укрепляли влияние буржуазии.

Будучи в меньшинстве в советах в первые месяцы после падения монархии, большевики разъясняли контрреволюционный характер Временного правительства, разоблачали предательство эсеров и меньшевиков, терпеливо, настойчиво разъясняли массам, что добиться мира, хлеба и свободы невозможно без замены Временного правительства правительством советов. Большевики боролись за влияние внутри советов. «Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, как органом революционной власти народа, — вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы»⁵, — писал в «Правде» товарищ Сталин.

На этом этапе революции в силу ряда особых условий, в которых происходило ее развитие (реальная сила находилась в руках советов), переход всей власти к советам мог совершиться мирно. В этих условиях разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами означал бы образование советского правительства из меньшевиков и эсеров. Мирно могло происходить и даль-

³ «Известия» № 4 от 3 марта 1917 года, стр. 1.

⁴ Ленин — Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 11. Партиздат. 1937.

¹ «Известия Петроградского совета» № 1, от 28 февраля 1917 года, стр. 1.

² «История ВКП(б)», стр. 171.

нейшее превращение меньшевистско-эсеровских советов в большевистские, путем пере выборов. Ленин не раз отмечал, что возможность мирного развития революции, крайне редкая в истории классовой борьбы, должна быть использована пролетариатом и его партией. Но по вине эсеров и меньшевиков эта возможность мирного развития революции, как известно, была упущена.

2

Внешняя и внутренняя политика Временного правительства в первые же дни революции целиком подтвердила его характеристику как контрреволюционного, империалистического правительства, которую ему дал Ленин, получив в Швейцарии первые известия о революции в России. Временное правительство многими нитями было связано со свергнутой монархией. В его состав вошли лица, которых буржуазные партии (совместно с племени «дружественных» России Англии и Франции готовившие до революции дворцовый переворот) намечали в министры.

Временное правительство не только боролось против передачи земли народу, против коренного разрешения национального вопроса, против 8-часового рабочего дня, но даже попыталось сохранить в России монархию. Эта попытка встретила решительный отпор масс и сразу посеяла глубокое недоверие к Временному правительству среди рабочих и передовых солдат. Когда вождь кадетской партии П. Н. Милюков на многочисленном митинге в Екатерининском зале Государственной думы 2 марта заявил, что власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу, а наследником будет Алексей, весь зал, охваченный негодованием, долго не давал Милюкову говорить. «Да здравствует республика!», «Долой династию!» — кричали собравшиеся рабочие и солдаты. Многие присутствовавшие выражали свое негодование по поводу захвата власти Временным правительством. «Кто вас выбрал?» — спрашивали Милюкова.

Многие рабочие и солдатские организации, находившиеся под влиянием большевиков, выносили резолюции, в которых выражали недоверие Временному правительству, требовали перехода власти к советам. Так например митинг солдат и рабочих в количестве свыше тысячи человек, происходивший в первых числах марта в здании Сампсониевского братства, единогласно постановил: «1) Вся власть до созыва Учредительного собрания должна быть сосредоточена в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, как единственно революционного правительства. 2) Армия и

население должны исполнять только распоряжения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и считать распоряжения Исполнительного Комитета членов Государственной Думы недействительными. 3) Все чиновничество и офицерство, служившее старому режиму, должно быть обезврежено и устранено от управления. Точно так же должны быть устранены от управления страной и городом все лица и организации, которые не солидарны с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов»¹. На другом митинге рабочих и солдат 3 марта была принята резолюция, требовавшая, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов немедленно устранил Временное правительство либеральной буржуазии и объявил себя Временным революционным правительством, так как Временное правительство не является действительным выразителем народных интересов и «недопустимо давать ему власть над восставшей страной, хотя бы и на время»².

Однако доверие масс к Временному правительству еще не было целиком подорвано. Подобных резолюций было еще не много. Голоса сознательных пролетариев тонули в хоре крайне многочисленных мелкобуржуазных слоев населения, впервые участвовавших в политической жизни, неорганизованных и легко подававшихся влиянию меньшевиков и эсеров.

«Россия сейчас имеет миллионы и десятки миллионов, политически слепые десяти лет, политически забытые ужасным гнетом царизма и каторжной работой помещиков и фабрикантов, и р-о-с-и-у-л-и-е-ь и л-о-т-я-н-у-л-и-е-ь к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большею частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и массовыми рабочими. Россия наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»³.

Мелкая буржуазия, служащие, студенчество и наименее сознательная, наименее устойчивая и наименее классово выдержанная часть пролетариата под влиянием агитации меньшевиков и эсеров поддерживали Временное правительство. Так например служащие Русского акционерного общества Соединенных механических заводов, «со-

¹ «Правда» № 2 от 7 марта 1917 года, стр. 2.

² «Правда» № 4 от 9 марта 1917 года, стр. 3.

³ Ленин. Т. XX, стр. 114—115.

бравшись (6 марта 1917 года) и обменявшись мнениями по поводу прошедшей перемены государственного строя», постановили: «оказать всемерную поддержку Временному Правительству и Совету Рабочих и Солдатских Депутатов в их ответственной работе по созданию новой организации страны и созыву Учредительного собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного (без различия пола) голосования»¹.

Офицерство, как общее правило, резко враждебно относилось к советам и было настроено контрреволюционно. Именно поэтому оно поддерживало Временное правительство.

Совет офицерских депутатов Петрограда и его соратников, Бастилийского флота и отдельного корпуса пограничной стражи в своей резолюции писал:

«Довести войну с германским империализмом до победоносного конца и бороться с контрреволюцией, откуда бы она ни шла... Довериться Временному Правительству впредь до решения Учредительного Собрания...»².

Доверчивое отношение к Временному правительству в первые месяцы революции еще было и в деревне, которая прежде всего противостоит Временное правительство свергнутому царскому правительству. Характерна резолюция крестьян 8 деревень Повоторянского уезда, Дорской волости, принятая «по случаю радостного известия о победе над нашим злейшим врагом, деспотическим монархическим правительством», в которой крестьяне приветствовали Временное правительство.

Деятельность Временного правительства, противоречившая обещаниям, данным в декларациях и заявлениях отдельных его членов в первые дни революции, быстро разрушала доверие масс к Временному правительству вопреки стараниям лавеев буржуазии — эсеров и меньшевиков. Историческая заслуга большевиков заключается в том, что они своими разоблачениями Временного правительства способствовали быстрому излечению масс от вредных иллюзий.

«Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, не может — даже если бы они искренно хотели этого — дать ни мира, ни хлеба, ни свободы»³, — писал Ленин в своем первом «Письме из далека».

¹ «Известия» № 9 от 8 марта 1917 года, стр. 5.

² «Известия» № 17 от 17 марта 1917 года, стр. 3.

³ Ленин Т. XX, стр. 19.

Наиболее остро стоял вопрос о прекращении империалистической войны, которая принесла трудящимся массам неисчислимые бедствия. Как известно, февральская революция победила под лозунгами: «Долой царя!», «Долой империалистическую войну!» Требование заключения мира настолько категорически выдвигалось народом, что Временное правительство в первые дни не решалось заявить открыто о своем намерении продолжать войну. Туманными обещаниями оно пыталось успокоить массы и создать впечатление, что оно само является сторонником быстрого заключения мира. Соглашательские партии меньшевиков и эсеров всеми мерами поддерживали в народе иллюзии, что Временное правительство будет проводить политику мира. 15 марта меньшевикско-эсеровский исполком Петроградского совета опубликовал воззвание «К народам всего мира», в котором от имени «российской демократии» заявлял о том, что он «будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов», и призывал народы Европы «к совместным решительным выступлениям в пользу мира»⁴. Поскольку Совет поддерживал Временное правительство, это воззвание сеяло в массах обман не только о мнимой борьбе меньшевиков и эсеров за мир, но и насчет лживых обещаний Временного правительства закончить с войной.

Обещание меньшевиков и эсеров противодействовать захватническим планам российских империалистов было беспрометным, поскольку в их воззвании, как и во всех прочих заявлениях, не было ни слова о том, что Временное правительство является правительством буржуазии и помещиков и проводит, как и правительства других стран, участвующих в войне, империалистическую, захватническую политику.

Мир это правительство не могло дать потому, что оно по самой своей природе было правительством империалистической буржуазии и не отказывалось от захватнических планов царизма, начавшего войну. Временное правительство было тесно связано с империалистическими правительствами Англии и Франции путем тайных договоров, заключенных еще царским правительством. В этих договорах России были обещаны Константинополь, выход в Средиземное море и другие территориальные приобретения.

Политика Англии и Франции сводилась к тому, чтобы всемерно использовать Рос-

⁴ «Известия» № 15 от 15 марта 1917 года, стр. 1.

Рабочая демонстрация в Петрограде. Апрель 1917 года.

Рисунок Павлова.

сию в борьбе с Германией. Союзники оказывали давление на Временное правительство, заставляя его гнать на фронт русских рабочих и крестьян так же, как это делал Николай II. Развивавшееся в русском рабочем классе и крестьянстве движение за мир, которому партия большевиков давала четкие лозунги, сильно беспокоило правительственные круги Англии и Франции. Английские империалисты, привыкшие загребать жар чужими руками, пытались всеми средствами не допустить выхода России из войны, и Временное правительство пошло им в этом навстречу. Тайно от народа оно заверило империалистические правительства Англии и Франции, что будет продолжать войну до полного разгрома Германии.

Временное правительство в тесном сотрудничестве с союзниками держало курс на использование революции для войны до победного конца. Оно всеми мерами пыталось удержать солдата на фронте, сохранить палочную дисциплину и не допустить демократизации армии. Однако по революционному почину солдатских масс в воинских частях стали создаваться выборные солдатские организации — комитеты. Еще 1 марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов под давлением масс вынужден был опубликовать исторический приказ № 1 о немедленном избрании комитетов из представителей от нижних чинов во всех ротах, батальонах, пол-

ках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода и о выборе по одному представителю от роты в Совет рабочих депутатов.

«3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям совета рабочих и солдатских депутатов»¹, — говорилось в приказе № 1.

Однако по настоянию меньшевиков и эсеров в том же приказе подчеркивалось, что солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов пытался уменьшить его революционное значение рядом других своих постановлений. Помогая на деле буржуазному Временному правительству в подготовке наступления на фронте, меньшевикско-эсеро-эсеровский Петроградский совет в своем воззвании от 3 марта призвал солдат «ради успехов революционной борьбы» проявлять терпимость по отношению к офицерам. 5 марта Совет снова опубликовал воззвание, в котором также призывая солдат отказаться от выступлений против

¹ «История гражданской войны в СССР». Т. I, стр. 79.

командного состава армии и поддерживать офицерство.

Всероссийское совещание советов (29 марта — 3 апреля), руководимое соглашательскими партиями, призывало «демократию России мобилизовать все живые силы страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла»¹.

В проведении своей империалистической политики Временное правительство опиралось не только на буржуазию и помещиков, но и на мелкую буржуазию и трудящихся, зараженных идеями оборончества. Революционное или добросовестное оборончество Ленин называл «Самым крупным, самым ярким проявлением мелко-буржуазной волны, захлестнувшей «почти все»...»².

Добросовестное оборончество являлось плодом обмана со стороны буржуазии и ее меньшевистско-эсеровской агентуры широких масс трудящихся, на деле не заинтересованных в захватнической политике буржуазии и искренно полагающих, что Временное правительство действительно отказалось от аннексий.

Только партия большевиков открывала народу правду, разоблачала действительную политику правительства и обман соглашательских партий и неустанно разъясняла, что борьба за мир, как и борьба за хлеб и свободу, упирается в борьбу за власть.

«Нельзя выскочить из империалистской войны, — писал Ленин, — нельзя добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к другому классу, к пролетариату»³.

Ход событий полностью подтвердил правильность этих строк, написанных Лениным 10 апреля 1917 года: Россия вышла из империалистической войны лишь после перехода власти к пролетариату, в результате настойчиво проводимой советским правительством политики мира.

4

Именно по вопросу о войне и мире возник первый кризис первого Временного правительства, кризис, за которым последовал ряд новых кризисов, из которых каждый приближал день окончательного крушения буржуазного господства в России.

18 апреля 1917 года (по новому стилю 1 мая), когда рабочие России, торжествуя свою историческую победу над царизмом, впервые открыто грандиозной демонстрацией отметили свой международный пролетарский праздник, Времен-

¹ «Известия» № 46 от 21 апреля 1917 года, стр. 2.

² Ленин. Т. XX, стр. 117.

³ Там же, стр. 118—119.

Гучков.

Карикатура Ефимова.

ное правительство по настоянию союзников в ноте министра иностранных дел Миллюкова открыто заявило то, что до того заявляло в секретной переписке, а именно, что оно будет продолжать войну против Германии до победного конца и соблюдать договоры царского правительства с Англией и Францией.

В ноте говорилось: «Проникнутые... новым духом освобожденной демократии, заявления Временного правительства, разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлечет за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, — всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого. Это стремление стало более действенным, будучи сосредоточено на близкой для всех очередной задаче — отразить врага, вторгнувшегося в самые пределы нашей родины. Само собой разумеется, как это и сказано в сообщаемом документе, Временное правительство, ограждая права нашей родины, будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников»⁴.

Нота Миллюкова вызвала первый кризис Временного правительства, непосредственным результатом которого явился уход из

⁴ «Рабочая газета» № 35 от 20 апреля 1917 года.

правительства автора ноты Миллюкова и военного министра Гучкова и образование коалиционного правительства.

Когда содержание ноты Миллюкова стало известно на фабриках и заводах Петрограда и в воинских частях, стихийно начались массовые выступления рабочих и солдат на улицах столицы против Временного правительства. Рабочие и солдаты на митингах резко осуждали ноту Миллюкова, принимали резолюции протеста против империалистической политики Временного правительства, требовали перехода всей власти к советам.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов поспешил принять решение, целью которого было спасти власть буржуазного Временного правительства. Собравшись 20 апреля на экстренное заседание, совет призвал массы «не принимать никаких решений по поводу ноты Миллюкова от 18 апреля впредь до окончательного выяснения Исполнительным Комитетом положения вещей при личном обмене мнений с Советом министров...»¹.

Но рабочие и солдаты повсюду, на заводах, в казармах, выносили многочисленные резолюции с требованиями к Совету рабочих и солдатских депутатов взять в свои руки власть.

Вот некоторые из таких резолюций.

Рабочие завода «Русский Рено» постановили: «Мы, рабочие завода «Русский Рено», на экстренном общем собрании 20 апреля, в 4 часа дня, обсудив данный политический момент, вызванный нотой Временного правительства, признающей империалистическую политику, — требуем самым категорическим образом немедленной передачи власти Временным правительством Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, и заявляем, что такую власть будем поддерживать всеми силами»².

Солдаты финляндского радиотелеграфного дивизиона в своей резолюции написали: «Временное правительство никогда не откажется от аннексий и конфискуций, оно представляет класс капиталистов и помещиков. Оставшись у власти, оно будет только тормозить дело мира и свободы, а потому призываем Совет С. и Р. Д. взять всю власть в свои руки. Мы же, солдаты, поддержим Совет С. и Р. Д. в этом. Да здравствует единая власть Совета С. и Р. Д.! Да здравствует мир между свободными народами!»³.

Более умеренные резолюции потребовали лишь удаления из состава правительства

Миллюкова, подписавшего ноту от 18 апреля. Собрание матросов 2-го Балтийского флотского экипажа, происходившее 21 апреля, в своем постановлении заявило, что трудящемуся народу необходим мир, и потребовало от исполкома Петроградского совета немедленного принятия решительных шагов к отставке министров Миллюкова и Гучкова, а от Временного правительства — отказа от ноты Миллюкова и опубликования тайных договоров.

Некоторые организации, находившиеся под влиянием эсеров и меньшевиков, высказывались за создание коалиционного правительства. Комитет запасного броневое-автомобильного дивизиона постановил довести до сведения Временного правительства, что, по его мнению, необходимо образовать коалиционное правительство с участием представителей социалистических партий. Общее собрание выборных запасного батальона гвардии Петроградского полка, «глубоко возмущенное нотой министра иностранных дел Миллюкова», постановило предоставить исполнительному комитету Петроградского совета «разобрать детально это дело и вынести надлежащее решение, обещая всеми мерами, вплоть до выступления с оружием в руках поддержать Совет Р. и С. Д. по первому его призыву, впредь же до такого решения воздержаться от каких-либо публичных выступлений по этому вопросу, дабы не вносить дезорганизации в дело охранения молодой свободы России»⁴.

Революционные выступления, вызванные нотой Миллюкова, произошли не только в столице, они перекинулись во все города и в деревню. Со всех концов страны поступали сообщения о том, что движение повсюду приняло массовый размах и шло под знаком возмущения Временным правительством, а заодно и меньшевиками и эсерами и роста популярности большевистских лозунгов. О росте влияния большевиков в деревне говорит следующая резолюция:

«Мы, крестьяне Ружинской волости Режицкого уезда, Витебской губернии, на съезде 22 апреля к. г. обсудив современное положение, считаем, что Временное правительство не стоит на страже интересов рабочего и крестьянского люда, а представляет правительские интересы буржуев и помещиков, а потому считаем единственным и действительным правительством Петроградский Совет Р. и С. Д. Приветствуем рабочую газету «Правду» как настоящую выразительницу рабочего народа»⁵.

⁴ «Известия» № 48 от 23 апреля 1917 года, стр. 5.

⁵ «Правда» № 43 от 29 апреля (11 мая) 1917 года, стр. 4.

¹ «Известия» № 46 от 21 апреля 1917 года.

² «Правда» № 43 от 28 апреля (11 мая) 1917 года, стр. 4.

³ «Правда» № 44 от 29 апреля (12 мая) 1917 года, стр. 3.

Демонстрация революционных частей петроградского гарнизона в апрельские дни.

Петроград. 1917 год.

5

Трудящиеся города и деревни вышли на улицы и мощными демонстрациями заявили о своей силе и воле к борьбе.

Движение началось стихийно, по инициативе народных низов. Партия большевиков приняла все меры к тому, чтобы организовать это стихийное движение, направить его по правильному, революционному пути и избежать напрасного кровопролития.

ЦК большевиков 21 апреля (4 мая) принял резолюцию, написанную Лениным, в которой предложил партийным агитаторам и организаторам опровергнуть гнусную ложь капиталистов и буржуазных газет о том, что большевики якобы готовят гражданскую войну. Этой клеветой буржуазные газеты пытались запугать мелкую буржуазию, начавшую отходить от Временного правительства. Чтобы выявить действительную волю народа, большевики предлагали «устроить народное голосование по всем районам Петрограда и его окрестностям по вопросу об отношении к ноте правительства, о поддержке той или иной партии, о желательности того или иного Временного Правительства».

Партия призвала «тех рабочих и солдат, которые признают, что Совет Рабочих и

Солдатских Депутатов должен переменить свою политику и отказаться от политики доверия и соглашения с правительством капиталистов, перевыбрать своих депутатов в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, послав туда только таких людей, которые будут стойко проводить вполне определенное мнение, согласно с действительной волей большинства»¹.

Партия призвала массы к мирной демонстрации, так как считала призыв к свержению Временного правительства и к переходу всей власти к советам еще преждевременным.

ЦК большевиков резко осудил небольшую группу членов Петроградского комитета партии, руководившуюся Богатыревым, которая выставила во время демонстрации лозунг немедленного свержения Временного правительства. Этот несвоевременный «левый», авантюристический лозунг, противоречивший тогдашней установке партии на мирное развитие революции, мешал успешной борьбе партии за завоевание большинства в советах.

Этот лозунг был провокационным, ибо для победы не были еще организованы достаточные силы, а контрреволюция только ждала благоприятного момента, чтобы по-

¹ Ленин. Т. XX, стр. 216, 217.

топить в крови революцию. Широкие массы, большинство народа еще не были завоеваны большевиками, лозунг передачи всей власти советам был еще лозунгом мобилизации сил для серьезной подготовки к свержению буржуазии и установлению власти советов.

В апреле 1917 года у большевиков еще не было готовой политической армии. Эта армия создавалась в ходе борьбы и столкновений классов. Апрельская демонстрация явилась крупным этапом создания такой политической армии.

Демонстрация должна была прежде всего разъяснить массам политику партии большевиков, показать трудящимся пролетарский путь к окончанию войны, разоблачить мелкобуржуазную политику доверия меньшевиков и эсеров к Временному правительству, их соглашательство с Временным правительством, организовать силы пролетариата для дальнейшей борьбы.

О необходимости громадной подготовительной работы говорил и весь характер демонстрации.

Демонстрация была начата рабочими и солдатами, вышедшими на улицу с плакатами, на которых начертаны были лозунги: «Долой Миллюкова!», «Мир без аннексий и контрибуций!», «Да здравствует Совет Р. и С. Д.!\», «Да здравствует Ленин!» и т. д.

Контрреволюционные организации, поддерживавшие Временное правительство (а некоторые из них мечтали и о восстановлении монархии), также вывели на улицы свои черные силы с целью срыва пролетарской демонстрации и провокации уличных столкновений и убийств. В то время как революционные отряды формировались в рабочих кварталах и солдатских казармах и затем направлялись к центру города, в сравнительно редких шествиях сторонников Временного правительства участвовала буржуазия, буржуазное студенчество и всякий сброд.

21 апреля (4 мая) революционные демонстрации начались с полуночи. Демонстрировали рабочие Выборгского, Петроградского, Второго городского и других районов. В колоннах было много женщин. Рабочие несли плакаты и знамена с надписями: «Вся власть Совету Р. и С. Д.!\», «Долой Временное правительство!», «Мы за немедленный мир без аннексий и контрибуций!» В эти дни происходила настоящая свистопляска буржуазной и меньшевистско-эсеровской травли Ленина. На Невском проспекте демонстранты встретили группу, несущую плакаты с требованиями ареста Ленина и разбрасывавшую листовки партии «Народной свободы» (кадетов). Произошли столкновения, зачинщиками которых были контрреволюционеры.

В исторические дни 18—21 апреля (1—4 мая) в разных пунктах столицы произошли вооруженные стычки, были убиты и ранены.

Всего 20 и 21 апреля в столице демонстрировало не менее 100 тысяч революционных рабочих и солдат.

Ленин, оценивая значение апрельской демонстрации для дальнейшего развития революции, отмечал, что демонстрация выявила растущее недовольство масс империалистической политикой буржуазного Временного правительства.

Противоправительственная демонстрация — такова была форма революционного кризиса 20—21 апреля. «Но в том-то и суть, — писал Ленин, — что это не обычная демонстрация, это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Это — взрыв революции и контр-революции вместе...»¹.

Для апрельской демонстрации, которая была первой демонстрацией против Временного правительства после свержения царского самодержавия, было характерно «бурно-стихийное, совсем не организованное, приведшее к стрельбе черносотенцев против демонстрантов...»² движение народных масс. Апрельская демонстрация знаменовала громаднейший революционный сдвиг в массах.

Не случайно, что это первое выступление рабочего класса против Временного правительства было теснейшим образом связано с вопросом о войне, с вопросом об империалистической политике Временного правительства. «Империалистская война, — писал Ленин, — с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами»³. Это положение Ленина полностью подтвердили последующие события и в ряде других воюющих стран.

Меньшевистско-эсеровский исполнительный комитет Петроградского совета, денюгавший мощи и революционной решимости пролетарской демонстрации, воспрещая уличные митинги и демонстрации, и пообещав произвести тщательное расследование случаев стрельбы и вооруженных столкновений. В воззвании ко всем гражданам Совет заявил, что он обезумел от создавшегося положения, и заверял, что им будут найдены пути для осуществления народной воли. В радиотелеграмме всем советам рабочих и солдатских депутатов и армейским и флотским

¹ Ленин, Т. XXI, стр. 21.

² Там же.

³ Ленин, Т. XX, стр. 15.

*Прошение Министра
в Коммунальное ведомство*

**Резолюция Центрального Комитета РС Д Р П, принята
утром 22 апреля.**

Настоящая резолюция принята в заседании ЦК РС Д Р П 21 апреля 1917 года.

В резолюции ЦК РС Д Р П от 19 апреля 1917 года, принятой на заседании ЦК РС Д Р П 19 апреля 1917 года, было сказано, что ЦК РС Д Р П, приняв к сведению то, что в настоящее время в Петрограде не существует никаких органов, способных к исполнению своих функций, предлагает...

ЦК РС Д Р П предлагает: 1) немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек; 2) немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек; 3) немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек.

ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек.

Следует кризиса мелкобуржуазной партии, существующей между старыми и новыми лидерами, а также — и следствием борьбы, существовавшей между рабочим и крестьянским пролетариатом.

Кризиса является следствием того, что в настоящее время в Петрограде не существует никаких органов, способных к исполнению своих функций, а также вследствие того, что в настоящее время в Петрограде не существует никаких органов, способных к исполнению своих функций.

ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек. ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек.

Только тогда мы будем в состоянии вступить в переговоры, когда Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ставший на сторону нашей политики и захотевший выйти из-под влияния...

ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек.

ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек. ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек.

ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек. ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек.

ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек. ЦК РС Д Р П предлагает немедленно приступить к формированию ЦК РС Д Р П в составе 25 человек.

**Резолюция Центрального Комитета РС Д Р П (б).
22 апреля 1917 года.**

Музей революции СССР.

комитетам исполнять комитет Петроградского совета извещал, что нота Миллюкова от 18 апреля союзным державам встретила отрицательное отношение со стороны исполнительного комитета и что между Советом и правительством начались переговоры по поводу этой ноты.

Временное правительство опубликовало сообщение, в котором заявило, что нота была предметом тщательного и продолжительного обсуждения и принята правительством единогласно. В сообщении содержались громкие фразы о том, что Временное правительство стремится к миру на основе самоопределения народов и т. п. Но в то же время ни слова не было о том, что Временное правительство отказывается от ноты Миллюкова, не было и обещания изменить политику в вопросе о войне. Несмотря на это газета Петроградского совета «Известия» оценила это сообщение как «новый успех демократии», а эсеры и меньшевики старались изобразить этот шаг Временного правительства как значительный успех революции, после которого

пролетариату уже незачем выходить на улицу и предъявлять правительству новые требования.

Но никакие усилия соглашателей не могли восстановить доверия к Временному правительству со стороны ранее доверявших ему слоев трудящихся. «Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Миллюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах, — писал Ленин в «Правде» 21 апреля (4 мая) 1917 года:

— Большинство Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, народники, меньшевики, все те, кто до сих пор призывал к доверию Временному Правительству, наказаны в достаточной мере. Они наляпались, ждали и верили, что Временное Правительство, под влиянием благожелательного «контакта» с Чхеидзе, Скобелевым и Стежковым, откажется навсегда от аннексий. Вышло немножко не так...

В ноте от 18 апреля Временное Правительство заявляет о «всенародном (!)

стремление довести мировую войну до решительной победы».

«Само собой разумеется, — прибавляет нота, — Временное Правительство... будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников».

Коротко и ясно. Война до решительной победы. Союз с английскими и французскими банкирами священен...»¹.

Ленин указывал, что после ноты Миллюкова меньшевистско-эсеровская политика доверия Временному правительству должна будет потерпеть банкротство, ибо ни один сознательный рабочий, ни один сознательный солдат не поддержит более этой политики. Совет рабочих и солдатских депутатов должен будет или навсегда отказаться от самостоятельной политической роли и проглотить пилюлю, поднесенную ему Гучковым и Миллюковым, или дать отпор Временному правительству и порвать с политикой доверия. Как показали события, Петроградский совет выбрал первый путь, приведший его вскоре к полному разрыву с революцией.

ЦК большевиков принял 22 апреля (5 мая) резолюцию, в которой констатировал, что «Политический кризис, разыгравшийся 19—21 апреля, следует признать по крайней мере в его первой стадии — законченным»². В этой резолюции, написанной Лениным, вскрывалась классовая сущность происшедшего кризиса, состоявшая в том, что мелкобуржуазная масса, возмущенная политикой Временного правительства, колебнулась сначала от капиталистов к рабочим, а через день снова пошла за соглашательскими партиями.

Мелкобуржуазные партии и их вожди пошли на компромисс с буржуазией, целиком стали все свои позиции, удовлетворились пустейшими словесными заверениями и оговорочками капиталистов. Резолюция со всей прямотой указывала, что организация большевистской партии и сплочение пролетарских сил оказались в дни кризиса недостаточными. Одной из важнейших задач партии попрежнему оставались завоевание советов и ликвидация влияния в них эсеров и меньшевиков. «Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев и полу-пролетариев, когда Советы Рабочих и Солдатских Депутатов станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки»³, — говорилось в резолюции.

Партия большевиков призывала всех рабочих и солдат тщательно обсудить итоги кризиса последних двух дней и послать делегатами в Совет Р. и С.Д. только

таких товарищей, которые выражают волю большинства», и отозвать тех, которые не выражают этой воли.

6

Апрельские события 1917 года означали начало кризиса Временного правительства, они создали первую серьезную трещину в соглашательской политике меньшевиков и эсеров.

Ленин указывал, что апрельский кризис Временного правительства — не последний кризис, так как мелкая буржуазия, несомненно, будет и впредь колебаться между буржуазией и пролетариатом. Дальнейшее развертывание революции вполне подтвердило правильность этих указаний.

Для рабочего класса — авангарда революции — апрельский кризис явился хорошим уроком политической борьбы, он показал необходимость отдать все силы делу сплочения и организации рядов пролетариата и сосредоточить особое внимание на просвещении отсталых, малосознательных, неорганизованных, непрозрелых слоев трудящихся, колебания которых являлись серьезным препятствием для дальнейшего развертывания революции.

«Лозунг дня: раз'ясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны. Стройтесь крепче, шире, повсеместно в пролетарские ряды и колонны! Сплачивайтесь вокруг своих Советов, внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь оплотнить вокруг себя большинство!»⁴, — писал Ленин.

Временное правительство, не без труда удержавшееся в апрельские дни у власти, вынуждено было согласиться на отставку Миллюкова и Гучкова. Чтобы сохранить свою власть, буржуазия пошла на создание коалиции и допустила в правительство «социалистов».

Миллюков и Гучков перед уходом из правительства выставили три требования: восстановление дисциплины, провозглашение наступления на фронте и обуздание революционных интернационалистов. Под напором революционных масс Временное правительство вынуждено было отвергнуть требования Миллюкова и Гучкова. Мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров решили послать своих представителей в правительство буржуазии. «Таким образом, меньшевики, отрицавшие в 1905 г. допустимость участия представителей социал-демократии во Временном революционном правительстве, нашли теперь допустимым участие своих представителей во

¹ Ленин. Т. XX, стр. 207.

² Там же, стр. 224.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 228.

Временном контрреволюционном правительстве»¹. Вожди соглашательских партий утверждали, что «социалисты» вошли в правительство якобы с целью изменить политику Временного правительства по всем основным вопросам. Это была попытка обмана народных масс. На деле политика «социалистов» осталась прежней, да и не могла быть иной, ибо фактически власть попрежнему принадлежала буржуазии и капиталистическим помещикам.

Вступление эсеров и меньшевиков в правительство свидетельствовало о переходе этих партий в лагерь контрреволюционной буржуазии.

6 (19) мая Петроградский совет опубликовал условия, на которых «социалисты» согласились войти в правительство. Эти условия являлись полной капитуляцией «социалистов» перед капиталистами. Капитуляция «социалистов» особенно наглядно выступала в земельном вопросе. В то время, как большевики, отражая революционные чаяния народных масс, требовали немедленной конфискации помещичьей земли и передачи ее крестьянству, Петроградский совет требовал проведения аграрной политики, «регулирующей землепользование в интересах народного хозяйства». «Социалисты» не потребовали от Временного правительства, чтобы оно связало себя обещанием созвать Учредительное собрание в определенный срок.

В состав коалиционного правительства вошли: председатель и министр внутренних дел князь Г. Е. Львов, военный и морской — А. Ф. Керенский (эсер), министр юстиции П. Н. Переверзов (близкий к эсерам), иностранных дел — М. И. Терещенко, путей сообщения — П. В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности — А. И. Бонч-Бруев (прогрессист), народного просвещения — А. А. Мануйлов (кадет), финансов — А. И. Шингарев (кадет), земледелия — В. М. Чернов (эсер), почт и

телеграфов — И. Г. Церетели (меньшевик), труда — М. И. Скобелев (меньшевик), продовольствия — А. В. Пешехонов («народный социалист»), государственного призрения — князь В. Н. Шаховский (кадет), обер-прокурор В. Н. Львов (центр) и государственный контролер И. В. Годнев (октябрист).

Коалиция с буржуазией, усиленно защищавшаяся соглашательскими партиями, не избавила правительство от нового политического кризиса.

13 (26) июня товарищ Сталин писал в «Солдатской правде»: «Развитие нашей революции вступило в полосу кризиса. Новый этап революции, врывающейся во все сферы хозяйственной жизни и революционизирующей их снизу доверху, подымает на ноги все силы старого и нового мира. Война и связанная с ней разруха обостряют классовые противоречия до последних пределов. Политика соглашений с буржуазией, политика лавирования между революцией и контр-революцией становится явно несостоятельной»².

VII (Апрельская) конференция большевистской партии (открылась 24 апреля (7 мая), обсудив создавшееся в стране политическое положение, вынесла решение о взятии курса на подготовку социалистической революции. В качестве ближайшей задачи Ленин выдвинул лозунг «Вся власть советам».

«Лозунг «Вся власть Советам» означал, что необходимо покончить с двоевластием, то-есть с разделением власти между Временным правительством и Советами, что нужно передать всю власть Советам, а представителей помещиков и капиталистов — изгнать из органов власти»³.

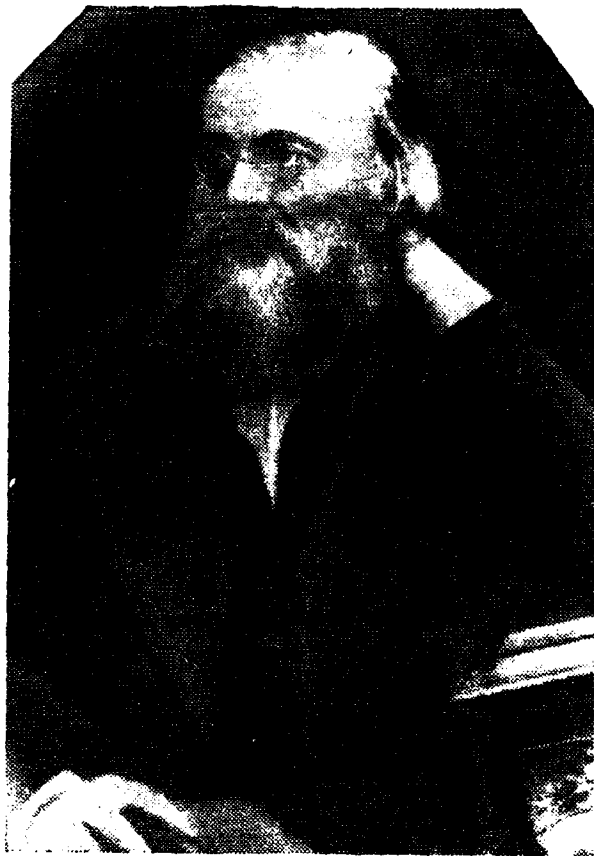
Апрельское выступление пролетариата против империалистической войны и против империалистического Временного правительства явилось важнейшим этапом подготовки социалистической революции.

² Ленин — Сталин. Избранные произведения 1917 года, стр. 174.

³ «История ВКП(б)», стр. 181.

¹ «История ВКП(б)», стр. 180.

Н. Рубинштейн,
доктор исторических наук

Николай Иванович Костомаров (1817—1885)

1

Вторая половина XIX века совпала с новым этапом в истории России, которому соответствовал и новый этап в развитии русской историографии.

Реформы 60-х годов были шагом по пути превращения России в буржуазную монархию. «В России в 1861 г., — писал Ленин, — тоже произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом...»¹. Но капиталистические отношения прошли до этого длительный путь формирования в недрах феодализма. Отражением этого процесса были торжество буржуазной идеологии и расцвет буржуазной исторической науки, давшей уже к середине XIX века своих наиболее выдающихся представителей в лице Соловьева и Грановского.

Но развитие буржуазного общества было вместе с тем развитием его внутренних противоречий, и самая победа буржуазных отношений сопровождалась напряженной классовой борьбой. Реформа 1861 года была в значительной мере результатом

движения крестьянских масс против крепостнической системы, результатом создавшейся к концу 50-х годов революционной ситуации, революционного натиска крестьянства на самодержавие.

Именно в силу этого буржуазия уже в период реформы переходит на консервативные позиции и вступает в соглашение с помещичьим классом. Отсюда половинчатость реформы и ее крепостнические черты. Отсюда экономическая отсталость пореформенной России, которую окончательно ликвидировал лишь победивший пролетариат.

60-е годы — период подъема крестьянского стихийного движения. Революционеры 60-х годов, русские просветители, — это прежде всего «революционеры, стоявшие на стороне крестьянства...»².

Великие русские просветители Чернышевский и Добролюбов внесли новое содержание в русскую историческую науку. Чернышевский провозгласил «идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»³. Эти слова Ленина вполне применимы и к со-

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 367.

² Ленин. Т. XV, стр. 143.

³ Там же, стр. 144.

ратнику Чернышевского — Добролюбову. «В глазах истинно-образованного человека нет аристократов и демократов, нет бояр и смердов, брамингов и парий, а есть только люди трудящиеся и дармоеды, — писал Добролюбов. — Уничтожение дармоедов и возвеличение труда — вот постоянная тенденция истории»¹.

От имени этих «людей трудящихся», представителем крестьянской народной массы выступил русский историк 60-х годов Шапов, хотя и «смутно и как бы инстинктивно» (Добролюбов), не с той последовательностью, которая пронизывает всю деятельность великих русских просветителей.

По мере роста противоречий нового, капиталистического строя создается идеология, отражающая эти противоречия.

Появившееся в 70-е годы народничество отразило, как указывал Ленин, «противоположность интересов труда и капитала»², правда, отразило ее уродливо, «через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя...»³. Если, таким образом, просветители уже обозначили путь дальнейшего развития научной и, в частности, исторической мысли, если и народническая историография в какой-то мере отразила своей, хотя и мелкобуржуазной критикой капитализма проблемы, выдвинутые новой эпохой, то, с другой стороны, в буржуазном лагере совершившиеся общественные сдвиги неизбежно вели к кризису буржуазной исторической мысли. Идея закономерности исторического развития, господствовавшая в буржуазной исторической науке первой половины XIX века, в своем развитии последовательно оборачивалась против буржуазии, и буржуазная наука отрекалась от своих лучших традиций, от передовых идей периода своего творческого роста.

Этот внутренний кризис нашел свое непосредственное отражение в эволюции исторических взглядов Чичерина. В его работах 60-х годов русская буржуазная историческая наука отрекалась от самых принципов историзма. «Государственная теория» русской истории заменяла взгляд на историю как на процесс органического развития формальной схемой, утверждавшей неконную отсталость русского народа. Согласно государственной теории, эта отсталость была результатом естественных условий развития народа.

«Государственники» выводили отсюда руководящую роль государства, определяющего «сверху» пути развития народной жизни.

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч. Т. III, стр. 267. Гослитиздат. 1936.

² Ленин. Т. I, стр. 279.

³ Там же.

Эта чичеринская схема господствовала во всех последующих построениях буржуазной исторической науки в России.

Для основной массы историков этого периода характерен ничем не прикрытый отказ от всякого научного синтеза, прямой возврат к прагматизму, к психологизму, превращение истории из науки в искусство, возрождение методологических принципов историков XVIII века. Эти черты наглядно отразились в работах таких типичных представителей русской исторической науки того периода, как Пловайский и Бестужев-Рюмин.

Внутренние противоречия в развитии исторической науки этой эпохи отразили по-своему и Костомаров.

2

В русской историографии Костомаров занимает несколько особое место. Значительная часть его научной и литературной деятельности посвящена истории Украины. Однако общее значение его работ выходит далеко за рамки украинской истории: ряд исследований Костомарова посвящен общим вопросам русской истории. Деятельность Костомарова протекала главным образом в Петербурге, в центре русской исторической науки, и тесно переплеталась с ее развитием. Поэтому рассматривать Костомарова в отрыве от русской исторической науки — значило бы сильно сузить значение его работ.

Но вместе с тем то, что Костомаров к вопросам истории России пришел от изучения истории Украины, оказало влияние на его исторические взгляды. Вопросы об отношении украинского народа к русскому, о взаимоотношениях России, Украины и Польши занимают у Костомарова большое место в его общей трактовке русской истории. С вопросами украинского национального движения связаны у Костомарова и противопоставление народа государству, характерное для его исторической концепции, и тот налет оппозиционности, который заметен в его литературных выступлениях. Эта оппозиционность Костомарова по отношению к российской самодержавию объясняет сочувственные отзывы об историке Чернышевского, стремившегося к объединению всех сил, враждебных самодержавно-крепостническому строю. Но оппозиционность Костомарова вызывалась не его социально-политическими взглядами: она отражала не протест народных масс против классового и национального угнетения, а недовольство украинской буржуазии ущемлением ее национальных интересов.

В этом ключ к пониманию идеи народа и идеи федерализма в исторической кон-

цепция Костомарова, не имеющих ничего общего с идеей народа и областничества у представителя демократического течения русской историографии Шапова. Эти идеи Костомарова совершенно иные по содержанию чем идея Шапова. У Шапова народ выступает в истории как действующая и развивающаяся сила. С этим связана у Шапова и историчность в трактовке самой народности как исторического явления и в теории областничества. Шапов рассматривал федеративную систему областничества, как закономерный продукт исторического развития, как политическое оформление исторически складывавшихся местных особенностей народного быта, местных исторических связей.

Народность у Костомарова — не социальная сила, а чисто этнографическая категория, а его федерализм — лишь средство сохранения этой этнографической особенности. Тем не менее историки нередко сближали Костомарова со Шаповым, забывая, что о народности говорили и славянофилы, о федерации писал и Бестужев-Рюмин. Именно в конкретном разрешении этой проблемы, а не во внешних, формальных аналогиях ключ к определению принадлежности историка к тому или иному идеологическому лагерю.

Идет ли Костомаров от этнографического понимания термина «народ», характерного для историков 40-х годов, или от социального понимания этого термина, господствовавшего в 60-х годах, — так ставится вопрос.

3

Биография Костомарова дает ряд отправных точек для ответа на этот вопрос.

Хотя своей литературной деятельностью Костомаров принадлежит 60—70-м годам и его первая историческая монография, «Богдан Хмельницкий», вышла в 1857 году, формирование его научной мысли относится еще к периоду 40-х годов.

Николай Иванович Костомаров тремя годами старше историка Соловьева. Историческое образование Костомаров получил в 1830—1836 годах в Харьковском университете. Во время работы у профессора Харьковского университета, известного филолога и этнографа Срезневского обозначился интерес будущего историка к вопросам этнографии и фольклора. Когда его диссертация «О значении Унии в истории Западной Руси», с которой он выступил в 1842 году, не была пропущена цензурой по политическим соображениям, как посвященная национальному украинскому движению, Костомаров заменил ее работой «Об историческом значении русской народной поэзии». Так исторические ин-

тересы у Костомарова все время тесно переплетались с интересами литературными. В первые годы по окончании университета он занимался преимущественно литературной работой. Ему принадлежат стихотворные подражания народной поэзии и другие литературные произведения в романтическом стиле той эпохи, издававшиеся под литературным псевдонимом Иеремии Галки. Так определялась литературно-этнографическая тенденция в деятельности Костомарова.

В 1845 году Костомаров переехал в Киев на работу сперва учителем истории в женской гимназии, а с осени 1845 года — в университете. В Киеве он продолжал заниматься фольклором и этнографией, собирая местный фольклорный материал.

К киевскому периоду жизни Костомарова относится событие, важное для политической биографии историка. Он был членом Кирилло-Мефодиевского братства, в котором участвовал и Шевченко. Но Шевченко, Гулак и Савич в Кирилло-Мефодиевском братстве представляли радикальное крыло, отражали идеи утопического социализма, а Костомаров и примыкающие к нему Кулиш и Белозерский были не сторонниками борьбы украинского народа за его социальное и национальное освобождение, а защитниками программы национально-культурной автономии, отстаивавшими права украинцев на собственный язык и культуру.

Сам Костомаров в своей автобиографии указывал на аполитичность тех стремлений, которые привели его в Кирилло-Мефодиевское братство. В его деятельности отразилось то направление украинской буржуазно-либеральной научной мысли в конце первой половины XIX века, которое было характерно для украинской науки этого периода, — переход к вопросам этнографии и фольклора от более острых — социальных и политических — проблем. К этому направлению принадлежали и Максимович и Срезневский.

Как бы то ни было, участие в Обществе отразилось на дальнейшей судьбе Костомарова: в 1847 году он вместе с другими членами Общества был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, а затем был выслан на жительство под надзор полиции в Саратов, с запрещением печатать свои работы. Здесь произошло знакомство Костомарова с Чернышевским.

В Саратове Костомаров разрабатывал собранные им материалы украинского фольклора и готовил своего «Богдана Хмельницкого», изданного им по окончании саратовской ссылки, в 1857 году. В то же время он собирал местный фольклор о народных движениях Разина и

Пугачева; этот материал он частично передал для использования своему другу по саратовской ссылке Мордовцеву, частично использовал во второй своей монографии—«Бунт Степки Разина», — вышедшей в 1858 году. Здесь же началось участие Костомарова в археологических экспедициях.

Изменения в политике царского правительства, наступившие в 1855 году со смертью Николая I, открыли Костомарову возможность сначала временно наезжать в Петербург, где он стал впервые знакомиться с материалами петербургских архивов. В 1859 году он обосновался в Петербурге и тогда же был избран экстраординарным профессором Петербургского университета по кафедре русской истории.

Его университетская деятельность оказалась, однако, кратковременной из-за событий 1862 года. Костомаров был участником «вольного университета», созданного деятелями общественного оппозиционного движения 60-х годов. Реакционные мероприятия правительства, последовавшие за изданием манифеста 19 февраля, расправы над крестьянами в Бездне, в Черногай-Кацневко вызвали волну общественного протеста. Правительство ответило репрессиями, первой жертвой которых был Щапов. За политический характер своей лекции в «вольном университете» был выслан, в сущности, далекий от радикализма профессор Павлов. После высылки Павлова радикальная студенческая группа потребовала демонстративного прекращения лекций. Костомаров отказался подчиниться этому требованию, выступил с очередной лекцией и был оштрафован студентами. Вступив, таким образом, в конфликт с широким общественным движением, Костомаров вынужден был уйти из университета. Хотя он и обосновывал свою позицию стремлением сохранить «вольный университет», но в его поведении ярко сказался тот разрыв, который существовал между ним и передовой, радикальной интеллигенцией 60-х годов.

После ухода из университета научно-литературная деятельность Костомарова развернулась чрезвычайно широко. Еще в 1861—1862 годах, одновременно с университетской работой, Костомаров написал ряд статей для украинского литературного журнала «Основа». Эти статьи вошли потом в первые тома его исторических монографий.

Переход на журнальную и публицистическую работу и чтение публичных лекций оказали некоторое влияние на характер трудов Костомарова: для них стал типичным литературно-популяризаторский стиль.

Параллельно с публикацией целого ряда

статей и монографий, составивших в итоге двадцать один том «Исторических монографий», Костомаров вел большую работу по изданию исторических документов. Как член Археографической комиссии, он издал двенадцать томов документов, из которых девять томов актов, относящихся к истории Южной и Западной России. Он продолжал работу и в области этнографии, результатом чего явилось издание трех томов «Трудов Географического общества», посвященных этнографическим вопросам. Он являлся, наконец, активным участником археологических съездов. В этом направлении деятельность его протекала особенно интенсивно в последний период его жизни.

4

Сам Костомаров довольно отчетливо определил свою научную позицию в небольшой лекции «Об отношении русской истории к географии и этнографии»¹, прочитанной им в Петербурге в 1863 году.

Лекцию Костомаров начал с изложения хода развития русской исторической науки. Для ее первого этапа был характерен, по словам Костомарова, «анекдотический» метод изложения: «Историк скользил на поверхности прошедшей жизни, складывал в своем сочинении события, возбуждавшие любопытство...; события эти брались из мира политического... и из частного быта людей, стоявших на челе управления и силы»².

На втором этапе историки стали искать внутренней связи событий: исследователи «следили за постепенным развитием и изменением государства»³. На третьем этапе «царские дворы, правительственные приемы, законодательства, войны, дипломатические сношения не удовлетворяли желания знать прошедшую жизнь. Кроме политической сферы, оставалась еще нетронутой жизнь народных масс с их общественным и домашним бытом, с их привычками, обычаями, понятиями, воспитанием, сочувствиями, пороками и стремлениями... И вот исторические сочинения стали наполняться описаниями внутреннего быта... И стали думать, что цель достигается; но она не достигалась»⁴.

Костомаров восстает против формально-описательного направления, характерного для историков XVIII века; он обрушивается на славянофилов и Соловьева; он несогласен со сведением истории к истории то-

¹ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Кн. 1-я. СПб. 1903.

² Там же, стр. 719.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 720.

сударства. Но чего же требует он от историка?

Историки изображали, по его мнению, «признаки жизни, а не самую жизнь, предметы и вещи людские, а не самих людей»¹. Это, по мнению Костомарова, не история, а археология. Историк должен показать «нравственную организацию людей... совокупность людских понятий и взглядов, побуждения, руководившая людскими деяниями, предрассудки, их связывавшие, стремления, их уносившие, физиономии их обществ. На первом плане у историка должна быть деятельная сила души человеческой, а не то, что содеяно человеком»². История должна заниматься не самой исторической жизнью, не ее конкретным проявлением, не восстановлением живой ткани событий, как этого требовал Соловьев. «Для истории нет нужды рассматривать их самих по себе (данные из мира прошлого. — Н. Р.)»³, — утверждает Костомаров. Постепенно уточняя свое определение задач исторической науки, он предъявляет требование «уразумения народного духа»⁴ — формулировка, в конечном итоге возвращающая историческую науку к Шеллингу, к методологическим истокам славянофильства. Эта трактовка задач исторической науки характерна для всей методологии Костомарова, для всех областей его научной деятельности, вплоть до решения историковедческих вопросов.

Учение Шеллинга о «народном духе», романтическое направление в литературе и в истории, соединенное с этнографическим подходом к конкретному историческому материалу, определило трактовку Костомаровым вопроса об исторических судьбах отдельных народов. Судьбу каждого народа Костомаров выводит не из конкретных условий его исторического развития, а из его духовных свойств, из той «общей идеи», носителем которой он якобы является. Эти положения развиты в статьях Костомарова «Мысли о федеративном начале древней Руси», «Две русские народности», «Черты народной южно-русской истории»⁵.

Как понимает Костомаров различие между великорусским и украинским народом? Оказывается, различие состоит в их психическом складе. Украинская народность сильна началом народной свободы, народного самоуправления, началом демократизма. У великорусского народа сильно чувство дисциплины, организованности, сильно государственное начало. В характере великорусского народа есть и положитель-

ная черта: «что-то громадное, созидательное, дух стройности...»⁶; есть и отрицательная: великорусс — крепостной, любит своего барина, тогда как «южнорусс» вольнолюбив. Украинская народность выработала вечевой строй, великорусская народность создала у себя единодержавие, или монархический строй. Различия государственного строя у великоруссов и украинцев ставятся в зависимость от этнографических различий, причем эти различия рассматриваются вне исторического процесса, как ему предшествующие и его определяющие.

«В глубокой древности, во времена юности народов, переходы их из края в край порождали своеобразные типы и образовали народности»⁷. «Начало этого отличия, — пишет Костомаров, — теряется в глубокой древности, как и вообще распадение славянского племени на отдельные народы»⁸.

Исконность обособления южноруссов, по мнению Костомарова, подтверждается сходством с ними новгородских славян.

В этнографии Костомаров ищет разрешения большинства исторических вопросов.

Подчинение украинского народа великорусскому историк объясняет тем, что более организованное, монархическое начало подчинило себе вечевой строй, который в дальнейшем, как утверждает Костомаров, приобрел известный элемент анархичности. Именно поэтому украинский народ и не мог создать своей государственности и должен был войти в другое государство, будь то Польша или Россия.

Костомаров исследует историю Новгорода, исходя из тех же предпосылок. Новгородцы, по Костомарову, — представители украинской народности.

В работе «Северно-русские народоправства» Костомаров доказывает, что новгородский язык сохранил остатки древней южнорусской речи, что является показателем этнографической принадлежности новгородцев к украинской народности. В этом основа и демократизма Новгорода и его слабости по отношению к Москве, приведшей его к поражению. В статье «О значении Великого Новгорода в русской истории» решение вопроса упрощается еще больше. Поражение Новгорода и победа московского единодержавия связываются с тем, что «от древней новгородской народности остались одни развалины»⁹. Сложный исторический процесс рассматривается с узко этнографической точки зрения.

В том же этнографическом разрезе излагает Костомаров историю третьей славянской народности — поляков.

¹ Н. К о с т о м а р о в «Исторические монографии и исследования». Кн. 1-я, стр. 720. СПб. 1903.

² Там же, стр. 720—721.

³ Там же, стр. 723.

⁴ Там же, стр. 722.

⁵ Там же, стр. 1—158.

⁶ Там же, стр. 56.

⁷ Там же, стр. 33.

⁸ Там же, стр. 35.

⁹ Там же, стр. 210.

В работе «Последние годы Речи Посполитой» он объясняет судьбы Польши, исходя из характера народа, ее населяющего, а не из развития общественных отношений: «...Корень падения Польши — в тех качествах народа, которые так легко увлекли его к деморализации и вообще делали поляков неспособными к самостоятельной государственной жизни»¹.

«Конечно, — говорит он, — нет ничего труднее объяснить, отчего образовался такой или иной народный характер, хотя он и высказывается всею историческою жизнью народа. Трудность эта истекает оттого, что начала его обыкновенно восходят к тем отдаленным временам, о которых не дошло до нас сведений... Мы застаем исторические народы в те периоды развития, когда у них уже определились первобытные свойства... ...польский народ, как и все славянское племя, ... представляет избыток и господство сердечности над умом»². Это историческое суждение не лишено, таким образом, известного сочувствия полякам, а в самом сочетании «сердечности» с неспособностью к государственной жизни Костомаров готов временами усмотреть даже духовное, этнографическое средство украинцев с поляками.

5

При переходе к изучению конкретного содержания исторического процесса эта теория народности должна была привести Костомарова — так же, как она привела и славянофилов — к глубоким внутренним противоречиям. Поскольку самая природа народа слагалась вне истории, до исторического развития, она не могла дать никаких отправных точек для понимания конкретного исторического процесса. Раз дух народа искони сложился, раз он есть нечто постоянное и неизменное, то изменения в судьбе народа, в его общественном и политическом строе, уже не могут быть выведены из этого народного духа. И Костомаров, пытаясь овладеть конкретным историческим материалом, фактически трактовал исторические события с точки зрения государственной теории; исходя из своих теоретических позиций, он выступал против этой теории, но практически ничего не мог ей противопоставить, потому что его концепция, основанная на идее «народного духа», была по сути дела антиисторичной.

Костомаров на деле объясняет изменения в исторической жизни народа внешним подчинением народа государству. Государ-

¹ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Т. 17-й, стр. 20. СПб. 1886.

² Там же.

ство оказывается сильным дисциплинирующим началом и подчиняет себе народ; история народа превращается в историю государства.

Чем создано русское единодержавие? Великорусская народность сложилась давно; но единодержавие не существовало с самого начала: оно появилось в известный момент в ходе исторического развития. Почему же оно появилось? Этнографическая концепция, оказывается, не в состоянии дать ответа на этот вопрос. Костомаров заимствует схему развития государства у «государственников»; он берет ее в самой упрощенной форме. Внешнее событие — завоевание — создало государство; монгольское иго создало русское единодержавие. Этот вывод сближает Костомарова с крайними государствениками — Карамзиным и Чичерным.

Вопрос о народных движениях, об их отношении к государству Костомаров также решает с точки зрения государственной теории. Этнографическое понимание народа, от которого шел Костомаров, не давало ключа к правильному объяснению народных движений, поэтому Костомаров вынужден искать решения и этого вопроса в «государственном начале». Государство-де подчинило себе народ, потому что оно представляло организованную силу. Народные движения представляются Костомарову, как и Соловьеву, выражением анархического начала; только наличие этого начала Костомаров объясняет этнографическими свойствами народа: так, русское казачество, выступавшее в движении Хмельницкого, — это последний отзвук народно-вечевого уклада Киевской Руси, выросшего из антигосударственного, анархического духа южноруссов. Но это значит, что, по Костомарову, государство представляет собой новое, прогрессивное начало, а народные движения — отзвук старого, отжившего мира — получают в работах Костомарова отрицательную оценку.

6

Подход Костомарова к исторической монографии как к литературно-художественному произведению, требующему живописного стиля и психологической интерпретации, определял своеобразный подход исследователя и к историческому источнику. Этот подход отразился уже в пренебрежительном отношении к точному воспроизведению фактического материала, которое, по Костомарову, должно быть уделом «археологии», а не истории. У Костомарова, при поражающем зачастую обилии документации, широте и разнообразии использованного фактического материала, описание источников носит литературно-пси-

хологический, субъективный, а не научно-критический характер. Это отмечали не только противники Костомарова, как Геннадий Карпов, но и его друзья, как Максимович.

Чрезвычайно характерна полемика, возникшая между Костомаровым и Карповым по вопросу о публикации материалов по истории Украины XVII века и об их использовании. Националистическая позиция Карпова по вопросу о присоединения Украины к Москве для нас неприемлема. Но Карпов был прав, когда указывал на то, что Костомаров произвольно отобрал документы и односторонне их осветил. В X томе «Актов Южной и Западной Руси» Карпов опубликовал важнейшие документы по истории московско-украинских отношений за 1848—1854 годы. Эти документы были известны Костомарову, но не были опубликованы им в предыдущих томах «Актов», выходящих под его редакцией, потому что они не укладывались в его схему. В полемике с тем же Карповым по вопросу о Переяславской раде с особенной отчетливостью проявился субъективизм источниковедческой позиции Костомарова. Вопреки источникам, которых Костомаров не мог не знать, он утверждал, что московские послы принесли на Раде присягу в соблюдении украинских вольностей. На опровержения Карпова Костомаров отвечал:

«Если бы какой-нибудь факт никогда не совершался, да существовала бы вера и убеждение в том, что он происходил, — он для меня остается так же важным историческим фактом»¹.

Таким образом, по Костомарову, историк может оперировать фактами, которые никогда не существовали, и притом не для характеристики эпохи, создавшей ту или иную легенду, а для характеристики тех событий, о которых сложена легенда. Свобода авторской интерпретации исторических явлений доведена Костомаровым до крайности, фактически исключаящей уже всякое научное обоснование исторического вывода.

Для Костомарова, как и для Карамзина, характерен разрыв между оценкой исторического источника, относящегося к определенным событиям, и изложением этих событий в историческом повествовании. Это чрезвычайно ярко сказалось в «Богдане Хмельницком». Этому своему сочинению Костомаров предпослал подробный перечень использованных источников с краткими критическими аннотациями. Характеризуя в этих аннотациях казацкие летописи, Костомаров совершенно правильно указал на исключительную ценность летописи Са-

мовидца, представляющей подлинные записи, составлявшие непосредственно по следам исторических событий их участниками, и противопоставил ей как менее ценные летопись Величка и «Повесть о презельной брани» Грабянки — литературные произведения более позднего периода.

Но в самом тексте «Богдана Хмельницкого» нет никаких следов использования Костомаровым летописи Самовидца, и в то же время там целыми страницами пересказывается, если не переписывается, «Повесть о презельной брани» Грабянки, признанная Костомаровым менее достоверной. Она привлекла Костомарова как художника литературными достоинствами повествования.

7

Такой подход к источникам приводит к тому, что у Костомарова торжествует внешнеописательная, формально-повествовательная сторона. Это определило тематику лучших работ Костомарова, ценность которых в обилии фактов и в яркости их литературного воспроизведения. Это, во-первых, факты народной жизни, история народного быта, передача колорита эпохи. Такие работы Костомарова, как «Очерки торговли Московского государства» или «Очерки великорусского быта», до сих пор сохранили известное значение, хотя и в них обобщенная постановка вопроса мешала хронологическому приурочению исторического материала.

Ценный материал дан Костомаровым по вопросам внешней политики. В этой области сказывалось его большое и разностороннее знакомство с различными историческими источниками. Поэтому и теперь не потеряли значения его трехтомная «История Смуты» и его сочинение «Последние годы Речи Посполитой».

Но, переходя к попытке систематического изложения истории России или истории Украины, Костомаров обнаруживает всю слабость своих научных позиций.

Историю Киевской Руси Костомаров охарактеризовал лишь суммарно. Он не остановился на вопросах общественного развития древней Руси, даже прошел мимо спора о родовом, или общинном, строе как начальной, исходной форме общественной организации древней Руси, — спора, занявшего русских историков особенно в 50-е годы XIX века. Общая характеристика народно-вечевого строя, данная Костомаровым, принадлежит скорее политической истории. Основное внимание Костомаров обращает на этнографические вопросы. Однако даже этнографическая характеристика изучаемого периода остается крайне неопределенной. В статье «Мысли о фе-

¹ Цит. по книге Карпова «Н. Костомаров как историк Малороссии», стр. 23—24. М. 1871.

деративном начале в древней Руси» Костомаров насчитывает уже шесть народностей: южнорусскую, северскую, белорусскую, великорусскую, псковскую и новгородскую. Понятию народности он смешивает с территориально-политическим понятием «земли» (старинное название области), которая порой выступает уже с чертами городской волости, получившей дальнейшее развитие в схеме Ключевского. Первоначальная внешне сочувственная характеристика демократизма народно-вечевого строя Киевской Руси сменяется у Костомарова в более поздней статье — «Начало единодержавия в России» — осуждающим термином «разбивчивости».

Неопределенность содержания, вкладываемого Костомаровым в понятие «Киевская Русь», привела историка к погонинскому термину «домонгольский период».

Этапу народно-вечевого строя, характеризующему Киевскую Русь, Костомаров противопоставил новый исторический этап, начавшийся в Северной Руси.

Но положения о том, что понимание государственности было присуще великорусскому народу больше чем украинскому, еще не было достаточно для того, чтобы объяснить исторический факт возникновения московского единодержавия. Поэтому наряду с «общими свойствами» русского народа потребовалось найти внешнюю силу, которая толкнула бы русское государство на путь единодержавия. Такой внешней силой, по Костомарову, оказалось татарское завоевание.

Правда, Костомаров, далее говорит о том, что монархия не могла возникнуть сразу: он вводит переходный период — с XIII до конца XV века, — обозначая его как феодальный. Открытие русского феодализма может показаться на первый взгляд крупным шагом вперед в развитии русской исторической науки. Однако понятие феодализма у Костомарова оказалось лишенным всякого социального и экономического содержания: это был лишь другой термин для обозначения старого понятия удельной системы. Феодализм, говорит Костомаров, — «такой политический строй, когда весь край находится в руках владельцев, образующих из себя низших и высших ступени с известного рода подчиненностью низших высшим и с верховным главою выше всех»¹. Но и это определение феодализма как политической иерархии, соединенной с иерархией землевладения, представляло лишь формальное заимствование у Гизо и буржуазной науки Запада первой половины XIX века и не получило никакого конкретного развития.

¹ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Т. 12-й, стр. 87. СПб. 1872.

В конечном счете Костомаров свел феодализм к внешней раздробленности, которую он выводил из того же монгольского завоевания, упразднившего национальное единство власти:

«Такой феодальный строй мог существовать и быть крепок до тех пор, пока была крепка и деятельна власть Орды»².

Таким образом, по Костомарову, феодализм как политический строй был создан властью Золотой Орды, и ею же затем было создано самодержавие, которое зародилось «во время татарского завоевания как неизбежное последствие покорения страны и обращения в собственность завоевателя...»³. Московский князь являлся преемником ордынского хана.

После Костомарова теория о связи происхождения единодержавия в России с татарским завоеванием была частично повторена Ключевским и Покровским.

Утвержденная внешней силой, единодержавная власть держится, по мнению Костомарова, «отсутствием сословных интересов», то есть слабостью общественной организации.

«Государственность объединила русский народ (со времени Ивана III. — Н. Р.). ...Громадный труд Петра Великого завершил то, что было приготовлено предшествовавшими веками: он повел единодержавную государственность к ее полному апогею. Государство обособилось от народа, составило свой круг»⁴, — таковы формулировки, определяющие роль Ивана III и Петра I у Костомарова и непосредственно возвращающие нас к государственной школе.

Костомаров игнорировал социальную борьбу, которой сопровождалось торжество самодержавия в России при Иване IV по исторической концепции Соловьева. У Костомарова политика Ивана IV оказалась сведенной к личной драме, к психологическому сюжету. Его борьба с боярством лишена реального содержания: у царя нет политической программы, вокруг него нет сплоченных сил. Сам Иван IV — слабый человек, который сперва, испугавшись событий 1547 года, попал в подчинение к Сильвестру и Адашеву, а затем начал мстить окружающим за пережитый им страх, за проявленную им трусость.

Не поняв боярской оппозиции XVI века, Костомаров не понял и народной оппозиции XVII века. У нее не оставалось, по его мнению, идеала, даже такого неопределенного, «какой в свое время имел князь Курбский». В случае победы Разина или

² Там же, стр. 90.

³ Там же, стр. 142.

⁴ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Кн. 1-я, стр. 213. СПб. 1903.

Булавина «прежнее должно было восстановиться; из народной громады поднялись бы новые бояре, воеводы, дьяки, польчане с верховным самодержавным главою»¹. Почти в тех же выражениях писал потом Покровский о Болотникове. По Костомарову, восстание Болотникова подняло «кровавое знамя переворота русской земли вверх дном»².

Крестьянская война под руководством Степана Разина — для Костомарова только «Бунт Стеньки Разина», как он озаглавил свою монографию. Положительное и прогрессивное начало Костомаров видел не в народном движении под предводительством Разина, а в московском самодержавии: «Все народные интересы сосредотачиваются в одном лице...»; это «перевес повинности над личной свободой, старейшинства над общиностью, стремление к оселлости, установке и покою»³. Казачество было лишь возрождением старой «разбивчивости», восстановлением старого, удельно-вечевого начала, «противодействием старого новому». «Оно было не новым началом жизни, а запоздалым, отцветшим... (оно было) бессильно и бессмысленно, чтобы проложить ему новый путь»⁴. Отсюда и конечный вывод Костомарова: удельно-вечевая вольница не могла произвести «ничего, кроме эпохи Стеньки Разина — кровавой, громкой, блестящей... и бесплодной, как метеор...»⁵.

Отрицая исторический смысл народной борьбы, Костомаров не видел и созидательной, организующей силы народа в борьбе с внешними врагами.

Историю так называемого Смутного времени Костомаров посвятил трехтомную монографию и ряд специальных статей. Интерес к этой теме, несомненно, возник у историка в связи с польским восстанием 1863 года и обозначившимися в этой связи глубокими противоречиями между польским и украинским общественным движением. Костомаров, больше чем другие историки, занимавшиеся периодом «Смуты», уделяет внимание польской интервенции. Широкое использование материалов дипломатической истории и мемуарной литературы позволило Костомарову создать яркую картину польско-шведской интервенции и самозванщины, организованной по-

ляками. Эта сторона работы Костомарова сохраняет значение и в настоящее время.

Но вместе с тем, как отмечалось выше в связи с движением Болотникова, у Костомарова на одну доску с поляками — интервентами — ставится «тот самый сырота — народ, который г. Забелин возводит в идеал»⁶.

Главным умеряющим и организующим началом в борьбе с анархией Костомарову представляется духовенство. Рядом с ним историк склонен выдвинуть людей торговых и промышленных. Но народу в этой борьбе не нашлось места. В специальной статье — «Личности смутного времени»⁷ — Костомаров спешит развенчать деятелей народной борьбы с интервентами. Он доказывает, что история подвига Ивана Сусанина — не более как официальная легенда, не желая видеть в образе Сусанина воплощение подлинного народного патриотизма. Он старается доказать корыстолюбие и недобросовестность Минина, бросить тень на его деятельность как казначея ополчения; он пытается доказать военную неспособность Пожарского и утверждает, что прославленный воевода был занят под Ярославлем якобы лишь устройством своих личных дел и внутренней смутой и вовсе не думал о спасении страны от поляков.

Впоследствии проявление этого своеобразного «национального ингибизма» мы найдем у Покровского.

Так идея народа, провозглашенная Костомаровым, последовательно приходит к самоотрицанию.

Трактовка Костомаровым украинской истории проникнута теми же внутренними противоречиями.

Киевская Русь как начало украинской истории, с ее удельно-вечевым началом, в конечном итоге, по Костомарову, — лишь «пестрая смесь племен», ее свободолюбие — лишь начало «разбивчивости» и анархии. Здесь «не могло образоваться ни прочной княжеской власти, ни родовой аристократии, ни еще менее — народоуправления... отсутствие сословности, родовой аристократии, привилегий сословий, вместе с тем произвол случайно сильного и унижение слабого и незначительного, — во всех этих чертах народной жизни виден зародыш будущего казачества»⁸. Но казачество — это та же «удельность XII и XIII века».

Победа монголов над Северо-восточной Русью создала там феодализм, а затем —

¹ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Т. 12-й, стр. 147. СПб. 1872.

² Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Т. V, стр. 67. СПб. 1868.

³ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Кн. 1-я, стр. 408. СПб. 1903.

⁴ Там же, стр. 411—412.

⁵ Там же, стр. 412.

⁶ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Т. 13-й, стр. 416. СПб. 1872.

⁷ Там же, стр. 351—397.

⁸ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Кн. 1-я, стр. 116, 117. СПб. 1903.

единодержавие. В Южной же Руси наблюдается в это время картина полной внутренней неурядицы. Характеристику этого периода истории Южной Руси Костомаров дал в статье «Две русские народности».

Начав как бы с восхваления свободолюбия и федерализма, Костомаров в конечном счете приходит к противопоставлению ему организующей роли единодержавия и к фактическому провозглашению политического банкротства украинского народа: «Киев никак не годился быть столицей централизованного государства»¹. По мнению историка, нужна была внешняя политическая сила, чтобы внести в эту неопределенность форм какую-то организацию. Говоря о подчинении Украины Литве, Костомаров утверждает, что литовское владычество обновило «одряхлевший, разложившийся порядок». Он готов распространить эту характеристику даже на подчинение Украины Польше.

Напротив, в казачестве, по Костомарову, оказывается «зародыш разрушения». «...Казачество в XVI—XVII и удельность в XII и XIII веках гораздо более сходны между собою, чем сколько можно предположить... в нем господствует личный произвол... та же неопределительность, то же непостоянство...»². С этой точки зрения рассматривается и вопрос об Унии. «Русская вера, — пишет Костомаров, — стала преимущественно верою хлопскою и не могла найти никакой поддержки внутри русского края; ее знамя взяли казаки... оно (православие. — Н. Р.) не нашло в земле Речи Посполитой других защитников, кроме таких, которые шли на испровержение всякой законности, порядка и преданий в той стране, где начали понимать и чувствовать свободу, но не умели сохранить ее»³.

Мы сознательно пошли на некоторое обилие цитат, чтобы яснее был порочный круг, созданный основной методологической посылкой Костомарова. В конечном итоге эта посылка и в вопросах истории Украины привела исследователя к внутреннему противоречию общей исторической схемы с конкретным материалом исторического повествования. В «Богдане Хмельницком» или в «Руине» автор не мог не показать широкого народного движения, борьбы украинского народа против панского гнета. Казачество в изложении Костомарова оказывается даже впереди Богдана Хмельницкого в этой народно-освободительной борьбе. И сам Хмельницкий (хотя автор всячески прини-

жает его, обвиняя его в неискренности, узости политических интересов) выступает все же как крупный политический деятель.

В отдельных случаях, например в полемике с поляками в 1861 году⁴, Костомаров доходил даже до формулировки о народном характере борьбы украинского народа с гнетом панской Польши и до признания казачества «зерном новой оппозиции», выразителем народных стремлений.

Но исходные противоречия его теории не позволяли Костомарову свести концы с концами. Абстрактная, оторванная от реальной действительности, идейно-бесплодная этнографическая схема и внешнеописательское, лишенное цельности литературно-художественное повествование не могли образовать законченного, логически последовательного единства.

8

Не удивительно, что исторические сочинения Костомарова вызвали уже в период их появления довольно серьезную критику. Соловьев отвечал Костомарову по вопросу об Иване Сусанине в приложении к IX тому своей «Истории России», показав всю произвольность и субъективность исторического метода своего противника. По вопросу о Минине и Пожарском велась полемика между Костомаровым и Забелиным. Наиболее острая и длительная полемика развернулась между Карповым и Костомаровым по вопросам истории Украины.

Характерно, однако, что и лица из дружеского Костомарову лагеря украинской буржуазной интеллигенции не могли не указать на отсутствие подлинной научности в исторических работах Костомарова. Приветствуя появление «Богдана Хмельницкого», М. А. Максимович, крупный специалист в области украинской истории и этнографии, выпустил серию «Писем о Богдане Хмельницком», в которой показал обилие исторических ошибок в работе Костомарова. Максимович указывал, что принципиальная основа этих ошибок в пренебрежении к историческим фактам, к научной достоверности. В «Письме втором» он дал меткую общую характеристику «Богдана Хмельницкого», которая может быть распространена на всю историческую работу Костомарова.

Отмечая, что, по словам самого Костомарова в предисловии к первому изданию, он писал «не в виде систематической истории, а рассказа; не для ученого круга специалистов, а для публики», Максимо-

¹ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Кн. 1-я, стр. 43. СПб. 1903.

² Там же, стр. 44.

³ Там же, стр. 697.

⁴ Н. Костомаров «Правда полякам о Руси». Журнал «Основа» за 1861 год. Кн. 2-я, стр. 100—112.

вич видит достоинство книги в ее популярности. Достигалась эта популярность тем, что автор придал истории занимательность романа. Но именно поэтому она не удовлетворяет Максимовича как ученого: для достижения «исторической живой истины» критик требует «точности и верности исторического факта», изображения явления так, «как было оно на самом деле». Этого он у Костомарова не находит.

По красочной характеристике Максимовича, «Богдан Хмельницкий» Костомарова «хорош, как широкий Днепровский дуг, в ту пору, когда красуется он длинными рядами свежих травных покосов, после удачной косовицы и благовременной гребовицы. Но за привольною и веселою работою косарей и гребцов настает спешная и тяжелая работа тягальников и кидальников, чтобы уготованное, благоуханное сено сложилось плотно в стройных скирдах»¹. Костомаров остановился на первой, привлекательной и заманчивой части работы и пренебрег неприглядным, тяжелым трудом историка-исследователя. Максимович же требовал от него подлинной истории, «равно удовлетворительной для публики и для ученого круга специалистов»².

В характеристике Максимовича удачно подмечена и другая слабая сторона исторической работы Костомарова: трактовка народности с ее внешней, эмоциональной стороны, увлечение местным колоритом, сочетание этнографии с романтизмом.

9

После французской революции конца XVIII века историки, в частности во Франции, обратились к истории народа, к истории общественных классов. Они дали первые образцы буржуазной исторической науки XIX века. Маркс называл О. Тьерри

¹ М. А. Максимович. Соч. Т. I, стр. 399—400. Киев. 1876.

² Там же.

«отцом классовой борьбы в истории». Но, по мере того как развертывалась и обострялась классовая борьба в победившем в результате революции капиталистическом строе, буржуазные историки все больше выхолащивали из термина «народ» его социальное содержание, подлинное изучение истории народа все более подменялось абстрактно-психологическими характеристиками «народного духа», живописным воспроизведением «колорита» прошлого, внешнеподражательным обращением к народному творчеству. Эту эволюцию проделал сам Тьерри, который сделался родоначальником так называемой нарративной (повествовательной) романтической школы в истории. Эта эволюция привела романтическую школу к отрицанию прогрессивных идей в исторической науке. Романтическая школа смотрела не вперед, а назад.

К этому романтическому направлению и примыкает Костомаров. Романтизм Костомарова, так же как и его этнографизм, был отражением внутреннего кризиса буржуазной исторической науки, а не ее поступательного движения вперед.

С этой точки зрения следует оценивать и «художественность» Костомарова.

О Костомарове говорят часто как об историке-художнике. Но есть разные методы и формы художественного воспроизведения исторических явлений. Художественные описания у Костомарова — живописные декорации, а не подлинные произведения искусства, в котором раскрывается внутреннее содержание явлений в целостном и законченном художественном синтезе.

Это не художественность восприятия и мышления, а внешняя живописность стиля, и в этом отношении Костомаров ближе к Карамзину чем к Ключевскому. Таким образом, и эта особенность работы Костомарова связывает его с прошлым, а не с будущим в развитии исторической науки в России.

Я. Наймарк,

С. Сиротинский

Великий пролетарский полководец

31 октября 1940 года исполняется 15 лет со дня смерти одного из величайших сподвижников Ленина и Сталина, великого полководца нашего времени, победителя Колчака, Врангеля и английских интервентов, замечательного руководителя и строителя Красной Армии — Михаила Васильевича Фрунзе.

Товарищ Сталин в своей речи на похоронах Фрунзе сказал:

«... в лице тов. Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных, самых бесстрашных революционеров нашего времени. Партия потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей. Советская власть потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства. Армия потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей»¹.

Жизнь М. В. Фрунзе тесно связана с историей большевистской партии.

Михаил Васильевич Фрунзе родился 2 февраля (по новому стилю) 1885 года в семье участкового фельдшера в городе Пишпеке², Семиреченской области, Туркестанского края.

¹ И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов. «М. В. Фрунзе», стр. 3. Партиздат. 1938.

² Теперь город Фрунзе, столица Киргизской ССР.

Отец Михаила Васильевича был обрусевший молдаванин, крестьянин Захарьевской волости, Тираспольского уезда, Херсонской губернии. Окончив военную службу в туркестанских войсках, он остался в Семи-речье, где служил фельдшером. Это был человек культурный и безукоризненно честный, пользовавшийся любовью русских крестьян и киргизов.

Мать тов. Фрунзе — Мавра Ефимовна (урожденная Бочкарева) — происходила из крестьян Воронежской губернии.

Детство Фрунзе протекало в обстановке нужды и лишений. Он рано (в феврале 1897 года) лишился отца, скудный заработок которого являлся единственным источником существования семьи. Жили бедно, впроголодь. Михаилу Васильевичу очень рано пришлось самостоятельным трудом зарабатывать на жизнь семьи.

Начальное образование он получил в Пишпекском городском училище, а затем поступил в гимназию в городе Верном (теперь Алма-Ата). Еще гимназистом Михаил Васильевич активно участвовал в кружках самообразования. Здесь он впервые познакомился с революционными идеями и уже в начале 900-х годов вступил в нелегальный марксистский кружок. Весной 1904 года Михаил Васильевич окончил гимназию с золотой медалью и поступил в Петербургский политехнический институт, на экономическое отделение. В Петербурге он

М. В. Фрунзе. 1904 год.
Центральный музей Красной Армии.

деятельно участвовал в студенческих и рабочих революционных кружках.

В том же 1904 году М. В. Фрунзе вступил в социал-демократическую партию и сразу примкнул к большевикам. Свою практическую работу агитатора-пропагандиста он начал в рабочих кружках Петербурга и города Петровска.

За активное участие в ноябрьской демонстрации 1904 года в Петербурге Фрунзе был арестован и выслан из столицы. После этого Михаил Васильевич деятельно участвовал в нелегальной работе большевистской организации Москвы.

В начале 1905 года он снова в Петербурге, в водовороте январско-февральских выступлений пролетариата, которыми ознаменовалось начало великой революционной бури. Во время событий 9 января М. В. Фрунзе был легко ранен в руку.

В начале мая 1905 года М. В. Фрунзе, прошедший школу классовой борьбы питерских рабочих, был командирован Московским комитетом большевиков в Иваново-Вознесенск. Приехав в Иваново-Вознесенск в период революционного подъема масс, Фрунзе возглавил революционное движение рабочих, сразу став в центре партийно-политической жизни промышленного Иванововознесенского района. Фрунзе работал в подполье под партийными кличками Арсения и Трифоньча. Он был одним из организаторов и руководителей знаменитой всеобщей политической забастовки рабо-

чих Иванововознесенского района, охватившей 70 тысяч человек.

Для руководства забастовкой, отличавшейся поразительной организованностью и размахом, рабочие выбрали депутатов от каждой фабрики и завода. «В период этой забастовки иваново-вознесенские рабочие создали Совет уполномоченных, который был фактически одним из первых Советов рабочих депутатов в России»¹. Популярность и влияние совета росли с каждым днем.

Большевики развили кипучую деятельность: среди рабочих распространялись большевистские прокламации, устраивались собрания, на которых рабочим разъяснялись все интересующие их вопросы. На берегу реки Талки, где собирались обычно рабочие, возник своеобразный социалистический «университет». Арсений был одним из лучших профессоров этого «университета», выковывавшего кадры революционеров.

Самоотверженность, энтузиазм, исключительное личное обаяние и беспредельная преданность революции быстро завоевали Фрунзе симпатии рабочих и способствовали привлечению на сторону большевиков сотен ивановских пролетариев.

Рабочие любили Арсения и тщательно оберегали его от охраны. Полиция гналась за ним по пятам, но благодаря исключительным заботам рабочих он был неуловим. С опасностью для себя укрывали ткачи своего любимца.

15 июня 1905 года Фрунзе переехал в город Шую. С первых же шагов своей деятельности он начал собирать и выковывать большевистские кадры. Фрунзе был создателем большевистской организации в Шуе и прилегающих к ней торгово-промышленных пунктах в радиусе 15 — 20 километров. К концу 1905 года местная партийная большевистская организация насчитывала в своих рядах более 300 человек.

Ведя огромную политико-воспитательную работу, Фрунзе уделял большое внимание текущим организационным делам. Он руководил демонстрациями, стачками, партийными и массовыми собраниями, читал лекции и рефераты, организовывал при фабриках партийные ячейки, кружки агитаторов и пропагандистов, вел политические диспуты, составлял прокламации и воззвания к рабочим и крестьянам, сам печатал их на тектографе.

М. В. Фрунзе создавал также большевистские ячейки в сельских местностях. За три месяца он создал партийные организации в Новых Горках, Хознакове, Коло-

¹ «История ВКП(б)», стр. 57.

бове, Зименках, Дунилове, Юже, Акиманке и других местах.

Для революционной работы среди крестьян и рабочих Фрунзе использовал все места скопления рабочих, крестьянские сходы и праздники, местные гулянья, крестьянские хасы. В течение лета 1905 года Фрунзе совместно с товарищами создал окружную организацию большевиков.

Под руководством М. В. Фрунзе революционное движение в крае росло. Губернские власти вополошились. По их требованию в Шую прибыли две сотни донских казаков.

Фрунзе с большой осторожностью и тактом медленно завязал сношения с прибывшими казаками — в то время верным оплотом царского самодержавия. Революционная агитация среди казачества была делом чрезвычайно опасным и трудным.

Большевик, осмелившийся пойти к казакам для агитации, не только рисковал быть избитым, но и мог попасть на каторгу. Но большевик Фрунзе, этот бесстрашный революционер, не отступил перед трудностями. 25 казаков пришли на нелегальное собрание. Перед ними с душевной простотой выступил Арсений. Успех выступления Фрунзе был полный. В конце собрания Фрунзе с большой смелостью поставил в упор перед казаками вопрос:

— Если вас поплют пороть рабочих, поедете?

— Поедем, но пороть не будем, — ответили казаки.

В ближайшие дни казаки уже охотно принимали революционную литературу, распространяли ее среди своих товарищей и нередко предупреждали партийную организацию о грозящей большевикам опасности.

Большевицкое слово Арсения было настолько остро и сильно, его авторитет и популярность у пролетариев так велики, что было время, когда перепуганное начальство отдало анекдотический приказ: при появлении Арсения запирать солдат в казармы.

Фрунзе много работал, создавая и укрепляя боевые организации большевиков.

Фрунзе предал огромную работу по организации боевой рабочей дружины в Шую. Члены дружины сами готовили бомбы, пикеты. Из Иваново-Вознесенска Фрунзе привез 6 маузеров, 6 винчестеров и около 10 браунингов.

Активность боевой дружины и слухи о ее большой силе произвели такое устрашающее впечатление на власти, что полиция и казаки избегали с ней встречаться, ни один городской не соглашался дежурить ночью на улице.

Эта героическая подпольная работа в годы первой русской революции сделала Михаила Васильевича Фрунзе признанным руководителем иваново-вознесенских рабочих.

После манифеста 17 октября ивановские черносотенцы, переодетые казаки и жандармы учинили в Иванове еврейский погром. Толпа громил избивала еврейскую бедноту, рабочих, сочувствовавших большевикам, и депутатов Ивановского совета. Начался обыск, аресты активных участников революционного движения. В городе, где совершался ряд бесчеловечно жестоких убийств, осталась и действовала наиболее боевая часть партийной организации, возглавляемая тов. Фрунзе.

29 октября Фрунзе созвал за фабрикой Вятковых, в лесу, рабочую сходку. Он инструктировал дружинников, как вести себя дальше, призывал рабочих не падать духом. Когда Фрунзе в 12 часов ночи возвращался по Даниловскому тракту, городские местечка Ямы и казаки астраханских войск, которыми заменили ненадежных донских казаков, его арестовали.

Казаки накинули Фрунзе на шею аркан и, привязав к луке седла, заставили арестованного бежать за лошадь.

Фрунзе не пришлось долго быть под арестом. Небывалый мощный подъем революционного движения в стране вызвал панику у властей, и перетрусившие, растерявшиеся жандармы вскоре освободили Михаила Васильевича из заключения.

Политическая обстановка в России становилась все более напряженной. Готовился революционный взрыв — декабрьское восстание в Москве. Фрунзе увеличил состав боевой дружины, чаще собирал ее для практической стрельбы, для обучения тактике уличного боя. Когда в Москве вспыхнуло восстание, Фрунзе во главе вооруженного отряда ивановских и шуйских ткачей выехал на помощь московским рабочим.

Фрунзе сам отправился на разведку к баррикадам Красной Пресни, обстреливаемой артиллерийским огнем, и встал в ряды ее защитников. Вечером он во главе своего отряда сражался за овладение Николаевским вокзалом и защищал баррикады Триумфальной площади.

После подавления московского вооруженного восстания Фрунзе вернулся в Шую и Иваново. С неустанной энергией он занимался о создании и укреплении боевых организаций большевиков.

Фрунзе со своей дружиной захватил среди бела дня находившуюся в центре города типографию Лимонова и в течение 2—3 часов выпустил несколько тысяч большевистских листовок.

Михаил Васильевич, как подлинный ленинец, призывал пролетариев к самой решительной борьбе за свержение царизма и установление демократической республики, разоблачал меньшевистскую тактику подрыва революции.

Иваново-Вознесенск, Шуя и московские баррикады явились для М. В. Фрунзе первой военной школой.

В апреле 1906 года М. В. Фрунзе участвовал в работе IV съезда РСДРП в качестве делегата от Иванововознесенского комитета большевиков. На этом съезде в Стокгольме Фрунзе впервые встретил Ленина и Сталина, познакомился и сдружился Михаил Васильевич с делегатом от партийной организации Луганска «Володыным» — Ворошиловым.

Вернувшись со съезда, тов. Фрунзе в 1906 году продолжал работу в Иванововознесенской окружной организации. В ноябре 1906 года он, как ответственный организатор, активно работал по созыву общерайонного съезда большевистских партийных организаций и деятельно участвовал в объединении этих организаций в Иванововознесенский союз РСДРП. Союз охватывал городскую Иванововознесенскую организацию и весь Иванововознесенский промышленный район (Иваново-Вознесенск, Шуя, Кинешма, Тейково, Родники, Юрвец, Южа и др.).

К началу 1907 года Фрунзе во главе большевистского Иванововознесенского союза РСДРП боролся за сохранение и укрепление нелегальной организации партии, сочетая нелегальную работу с работой в легальных рабочих организациях.

«Легальной» работой М. В. Фрунзе являлась и его учеба в Политехническом институте. Несмотря на колоссальную партийно-организационную работу, он находил время приезжать в Петербург для сдачи экзаменов.

24 марта 1907 года большой отряд полиции арестовал Михаила Васильевича. За несколько часов до ареста М. В. Фрунзе на конспиративном совещании большевиков в деревне Панфиловке был делегирован на V лондонский съезд РСДРП. Но на съезд ему выехать не пришлось. Когда рано утром стало известно об аресте Фрунзе, рабочие Шуи покинули станки и мастерские. Стали все фабрики. Собрался митинг. Два раза пятнадцать тысяч рабочих подходили к тюрьме, окруженной щетиной штыков, требуя освободить своего вождя. И понадобилось вызвать целый батальон пехоты из Владимира и сотню казаков из Коврова, чтобы подавить волнения.

25 марта Фрунзе, закованного в ручные кандалы, отправили во владимирскую центральную тюрьму.

Шуйские рабочие решили силой освободить тов. Фрунзе из тюрьмы. 2 апреля 1907 года владимирский губернатор в секретном донесении за № 1547 сообщал начальнику тюрьмы: «Шуйская боевая дружина, по постановлению революционного комитета и союза фабричных рабочих из Иваново-Вознесенска, Кохмы и Шуи, собирается к определенному времени прибыть в г. Владимир и нападениям на исправительное арестное отделение освободить Арсения».

9 октября 1907 года владимирский губернатор Сазонов вновь предупредил начальника исправительного арестного отделения тюрьмы города Владимира:

«До сведения моего дошло, что Иваново-Вознесенская организация РСДРП крайне заинтересована освобождением содержащегося ныне во владимирском арестном отделении районного оратора и организатора партии Арсения (он же Борис Тачанский). Означенная организация на днях будто бы собирается выехать в город Владимир для принятия каких-то решительных мер к освобождению упомянутого Арсения, и во Владимир из организации для сего уже выбыл некто Федор, по кличке «Гоголь», к какому-то студенту, по кличке «Рядовой».

Фрунзе во время пребывания в тюрьме много читал, усиленно изучал иностранные языки — английский и французский — и занимался «организационной работой» — готовил голодовку. Политические заключенные голодали 7 суток.

Арестованный по обвинению в принадлежности к большевистской организации, Фрунзе во время следствия был еще дополнительно обвинен в вооруженном сопротивлении полиции.

26 января 1909 года военный суд в городе Владимире приговорил Фрунзе «к лишению всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение». Почти накануне предполагавшейся казни Михаил Васильевич, поражая окружающих его своей необычайной выдержкой и железной волей, спокойно читал учебник английского языка.

Ввиду отсутствия улик и явного нарушения ряда процессуальных форм приговор был отменен главным военным судом. Дело было назначено к пересмотру. В июне 1909 года Фрунзе получил обвинительный акт. Теперь он привлекался к большому политическому процессу («делу об Иваново-Вознесенском союзе РСДРП»). Суд приговорил Фрунзе к 4 годам каторжных работ.

Но и этот суд не был последним. Предстоял пересмотр дела по первому обвинению. Фрунзе продолжал усиленно изучать

Фотопортрет по л. плечу. Фотографирование на допросе.

Возраст на год: 26. Рост: 176 см. Цвет волос: темный. Цвет глаз: карие. Цвет кожи: смуглая. Усы: нет. Зубы: здоровы. Характер: спокойный. Образование: среднее. Место рождения: Владимирская губерния.

Общая характеристика по л. плечу. Фотографирование на допросе. Фотографирование на допросе.

1) Профиль с правой стороны головы... 2) Спереди (на фоне) совершенно прямо, в... (оба глаза должны быть видны).

ОПИСАНИЕ ПРИМЕТЬ.

Возраст по пасп.	26	Дата и мес. рождения	Акт. 1885
Рост и мера	176 см.	Пол	ср.
1) Волосы	темные	Цвет глаз	карие
2) Цвет лица	смуглая	Цвет губ	красные
3) Зубы	здоровы	Усы	нет
4) Форма носа	прямая	Форма подбородка	овальная
5) Форма ушей	средняя	Форма шеи	средняя
6) Глаза	карие	Степень зрения	нормальное
7) Голос	хриплый	Степень слуха	нормальный
8) Кожа	смуглая	Степень цвета лица	нормальный
9) Шелк	густой	Степень роста волос	нормальный
10) Сила	средняя	Степень выносливости	нормальная
11) Уши	средние	Степень способности к труду	нормальная
12) Глаза	карие	Степень способности к труду	нормальная
13) Рот	здоровый	Степень способности к труду	нормальная
14) Челюсти	здоровые	Степень способности к труду	нормальная
15) Шейка	средняя	Степень способности к труду	нормальная
16) Руки	здоровые	Степень способности к труду	нормальная
17) Ступни ног	здоровые	Степень способности к труду	нормальная
18) Осанка	прямая	Степень способности к труду	нормальная
19) Походка	спокойная	Степень способности к труду	нормальная
20) Особ. прим.	нет	Степень способности к труду	нормальная

3) На допросе, при допросе, при допросе, при допросе.

М. В. Фрунзе. Снимок владимирского жандармского управления. 1907 год. Центральный музей Красной Армии.

иностранные языки, читал экономическую, политическую и художественную литературу, учился столярному делу и помог заключенным матросам — участникам свеабургского восстания — организовать побег.

Третий судебный процесс открылся 22 сентября 1910 года. Теперь чувствовалась тщательная подготовка дела. Фрунзе хотел повесить уже на самом «законном основании». И хотя улик против Фрунзе было мало, суд вторично постановил «подвергнуть его смертной казни через повешение». После вынесения смертного приговора к Фрунзе пришел защитник и сказал:

— Вы, Фрунзе, отрекитесь на суде от своих пролетариев, заявите, что по молодости увлекались лишь научной стороной социализма.

Но Фрунзе с негодованием отказался отечаться от своих убеждений и прогнал защитника. Наглая провокация царского суда вызвала всеобщее негодование. Посыпался протесты рабочих, общественных деятелей, студенчества, левых газет. Правительство было вынуждено отменить смертный приговор и заменить его 6 годами каторги. К 4 годам каторжных работ, полу-

ченным по февральскому приговору, Фрунзе теперь прибавили еще 6 лет.

Во владимирской каторжной тюрьме Фрунзе отсидел пять с половиной лет. С июня 1912 года М. В. Фрунзе отбывал каторгу в николаевской (2 года), красноярской и в александровской центральной (в Сибирь) каторжных тюрьмах.

В конце 1914 года его сослали на поселение в село Манзурку, Верховенского уезда, Иркутской губернии. Несмотря на гнетущую обстановку ссылки Фрунзе не терял своей постоянной жизнерадостности и оптимизма.

Фрунзе делал поразительно верные прогнозы о ходе империалистической войны. К лету 1915 года он создал кружок военного дела. В нем изучали военную теорию и историю. Члены кружка готовились к побегу из ссылки и поездке на фронт для революционной работы среди солдат. Тов. Фрунзе энергично взялся за организацию разбросанных по Иркутской губернии политических ссыльных. Вскоре домик, в котором жил Михаил Васильевич, стал центром политической жизни ссыльных.

До губернских властей дошли слухи, что ссылка организуется, а Манзурка даже готовит вооруженное восстание.

Летом 1915 года тов. Фрунзе был арестован за создание партийной организации. На пути в Иркутск Фрунзе бежал из тюрьмы и направился не на запад, где его усиленно искали жандармы, а на восток, в Читу.

Под фамилией «Василенко» Михаил Васильевич развернул в Чите нелегальную большевистскую деятельность. В конце 1915 года он создал еженедельный орган «Восточное обозрение» и был одним из его редакторов. Летом 1916 года Фрунзе был обнаружен охранкой, но благополучно бежал в Европейскую Россию и, избежав ареста, прибыл в Москву.

Отсюда партия направила Фрунзе под фамилией «Михайлов» на Западный фронт для революционной пропаганды среди солдат. Устроившись на работу в управление Всероссийского земского союза при 10-й армии, в местечке Ивнец (около Минска, в 40 верстах от линии фронта), Фрунзе начал работать над созданием в царской армии нелегальной большевистской организации. К моменту февральской революции тов. Фрунзе уже стоял во главе созданной им обширной подпольной большевистской организации с центром в Минске и отделениями в 10-й и 3-й армиях.

В первые месяцы после февральской революции Фрунзе руководил революционным движением в Минске, на Западном фронте и в Белоруссии.

При самом деятельном участии Фрунзе и под его руководством был организован Минский совет рабочих и солдатских депутатов. В первых числах марта Совет стал революционным центром всего Западного фронта и Белоруссии. Фрунзе руководил разоружением полиции и жандармерии Минска, создал и возглавил гражданскую милицию, редактировал большевистскую газету «Звезда», организовал советы крестьянских депутатов Белоруссии.

Фрунзе был одним из виднейших руководителей большевистской организации Минска, председателем совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний, организатором и председателем двух крестьянских съездов Белоруссии.

Фрунзе пользовался громадным авторитетом и популярностью среди крестьян, которые избрали его в президиум I всероссийского съезда крестьянских депутатов от Белоруссии. Он фактически являлся руководителем левой группы съезда и энергично боролся против эсеров, пытавшихся овладеть крестьянской массой.

В апреле 1917 года Фрунзе был одним из организаторов I съезда армий Западного фронта и членом фронтового комитета армий Западного фронта.

В дни контрреволюционного выступле-

ния генерала Корнилова Михаил Васильевич, назначенный 26 августа 1917 года начальником штаба революционных войск минского участка, вел борьбу против корниловщины.

В конце августа 1917 года тов. Фрунзе приехал в Шую, где его избрали председателем Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

К середине сентября 1917 года большевики пролетарской Шуи под руководством М. В. Фрунзе завоевали абсолютное большинство на выборах в местные органы управления и взяли в свои руки власть.

Являясь председателем Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Фрунзе одновременно был председателем городской думы и земской уездной управы и уездным комиссаром юстиции.

В дни Октябрьской революции Фрунзе стал во главе вооруженных сил Ивановско-Шуйского района и 30 октября привел в Москву двухтысячный вооруженный отряд из рабочих и солдат на помощь московским пролетариям. Он непосредственно участвовал в октябрьских боях на улицах и площадях Москвы. В цепи, с винтовкой в руках брал он гостиницу «Метрополь», где засели белые офицеры. Таков он был всегда: в решающий момент — в решающих местах.

С первых дней установления диктатуры пролетариата Фрунзе много работал по советскому строительству. Назначенный в декабре 1917 года правительственным комиссаром текстильной промышленности, он восстанавливал в Иванововознесенском крае разрушенное войной хозяйство, налаживал работу текстильных фабрик.

Оставаясь председателем Иванововознесенского губкома партии и Шуйского уездного комитета партии, Михаил Васильевич, пользовавшийся огромным авторитетом и любовью в крае, стал председателем губисполкома и председателем губсовнархоза.

Наряду с этим он выполнял с марта 1918 года обязанности иванововознесенского военного комиссара, формировал красногвардейские отряды ткачей, отправлял на фронт регулярные части Красной Армии. При невероятной загруженности военной работой он еще находил время для организации в Иваново-Вознесенске политехнического института и спортивных учреждений.

Рабочие Иванова и Шуи послали в Учредительное собрание М. В. Фрунзе, выдвинутого кандидатом от большевиков.

Всегда и везде, в самые ответственные моменты революции, Фрунзе был в самых опасных местах, находился в первых рядах борцов за торжество советской власти. В июльские дни 1918 года, когда в Мо-

ске «левые» эсеры, поддержанные Троцким и Бухариным, подняли контрреволюционный мятеж, Фрунзе, находившийся в Москве, активно участвовал в подавлении лево-эсеровской контрреволюционной авантюры. Он захватил в Бауманском районе бронированный автомобиль и произвел смелую разведку в районе Покровских казарм, где помещался штаб эсеров. Со своим броневиком он участвовал в обстреле и взятии телеграфа, а затем, как подлинный знаток тактики уличных боев, давал подробные указания отряду венгерцев-интернационалистов.

Фрунзе также активно участвовал в подавлении белогвардейского мятежа, вспыхнувшего в Ярославле, направив в город, захваченный мятежниками, два сформированных им отряда—Советский и Коммунистический.

30 сентября 1918 года, после ликвидации ярославского мятежа, Фрунзе был назначен окружным комиссаром Ярославского военного округа. Формируя для фронта боевые части, Фрунзе лично обучал их и одновременно сам учился, работая над книгами по стратегии, тактике и военной истории.

Уже через несколько дней после назначения на должность военного комиссара Фрунзе поражал военных специалистов своими военными знаниями. В области военного строительства в крайне тяжелых условиях хозяйственной разрухи и начавшейся гражданской войны Фрунзе показал себя выдающимся партийным, военно-политическим деятелем. В его речах, обращенных к красноармейцам и военным работникам, уже чувствовался полководец. В огне гражданской войны расцвел военный гений Михаила Васильевича Фрунзе.

В 1918 году Антанта начала первый комбинированный поход на молодую Советскую республику. На Восточном фронте наступали войска Колчака. В декабре 1918 года они взяли Пермь. Для советской власти создалась серьезная угроза. В этот ответственный момент партия послала на Восточный фронт товарищей Сталина и Дзержинского, а тов. Фрунзе был назначен командующим 4-й армией, действовавшей на правом фланге Восточного фронта. 31 января 1919 года Фрунзе со сформированным им в Иваново-Вознесенске полком ткачей прибыл в 4-ю армию, сражавшуюся против уральской и оренбургской белоказачьих армий.

Михаил Васильевич Фрунзе вступил в командование 4-й армией в тот период, когда в отдельных ее частях под влиянием кулацкой агитации и при преступном попустительстве троцкистского руководства царил внутренняя дезорганизация и свя-

ли себе гнезду анархистские настроения, совершенно распатавшие дисциплину. Дело доходило до того, что в отдельных частях армии большевистские ячейки работали подпольно. Контрреволюционный мятеж Орлово-Куриловского и Туркестанского полков, во время которого были убиты член Реввоенсовета 4-й армии тов. Линдов, тт. Майоров, Мягких и другие, еще не был окончательно ликвидирован.

В начале февраля Фрунзе, прибыв из Самары в Уральск для ознакомления с обстановкой и частями армии, назначил смотр гарнизона. Смотри показал вопиющее отсутствие дисциплины в рядах 4-й армии: одни части приходили с опозданием, другие уходили раньше времени. В тот же день М. В. Фрунзе собрал комиссариат армии и резко выступил против партизанщины, царившей в армии, а некоторым командирам объявил выговор.

На следующий день Фрунзе получил «строго-секретный» пакет:

«Командарму 4. Предлагаю вам прибыть в 6 час. вечера на собрание командиров и комиссаров для объяснения по поводу ваших выговоров нам за парад.

Комбриг Плясунов».

Это письмо Фрунзе оставил без ответа. Но через 3 часа конный ординарец доставил второй аналогичный ультиматум.

Отказавшись от охраны, М. В. Фрунзе поехал туда со своим адъютантом С. Сиротинским.

«При нашем появлении,—вспоминает адъютант тов. Фрунзе,—все замолкли. Никто не встал. Поздоровавшись, М. В. сел на скамью. Чувствовалось замешательство, царил гробовая тишина.

— Ну, в чем дело, товарищи?—обратился М. В. к столу, за которым сидели, видимо, инициаторы этого вызова.

После некоторой замiances кто-то встал и начал в резком, повышенном тоне речь на тему, что вот-де мы здесь воюем, а тут приезжают «какие-то» и начинают устраивать паразы, учить маршировать, выговоры делают заслуженным командирам. Кончил, выступил другой. С каждым оратором выступления становились резче, атмосфера напряженнее. Последние уже доходят до прямых угроз: «Мало вас учили. Забыли Линдова».

М. В. дал высказаться всем. Затем поднялся и твердым, уверенным тоном заявил:

— Прежде всего я заявляю вам, что я здесь не командующий армией. Командующий армией на таком собрании присутствовать не может и не должен. Я здесь член коммунистической партии. И вот от имени этой партии, которая послала меня работать в армию, я подтверждаю вновь все свои замечания по поводу отмеченных

мною недостатков в частях, командирами и комиссарами которых вы являетесь и ответственность за которые, следовательно, вы несете перед Республикой.

Вы делали угрозы по моему адресу. Вы меня не испугаете. Царский суд дважды посылал меня на смерть и не заставил меня отказаться от своих убеждений. Я безоружен и здесь только со своим адъютантом. Я в ваших руках. Вы можете сделать со мною, что хотите, но я твердо заявляю по поводу сегодняшнего вызова меня сюда, как командующего, что в случае повторения подобных явлений буду карать самым беспощадным образом, вплоть до расстрела. Нарушая дисциплину, вы разрушаете армию. Советская власть этого не допустит.

Он кончил словами: «Имеется еще что-нибудь?» Молчание. М. В. медленно направился к выходу. Впереди кто-то уже предупредительно открывал двери».

Рядом энергичных организационных и политических мероприятий тов. Фрунзе объединил и сплотил командный состав, поднял боевой дух армии и привлек в штаб старых, опытных военных специалистов. В результате проделанной им работы в армии были быстро восстановлены революционная дисциплина и боеспособность.

Один из крупнейших военных специалистов, перешедший на сторону советской власти, бывший генерал царской армии Новицкий, работавший в то время под непосредственным руководством тов. Фрунзе, пишет о нем: «...он с первых же дней своего командования армией, т. е. значит с такой карьеры, которая по старому времени, по старой расценке приходила к концу военной жизни и военной работы бывших специалистов, он, вознесшись к ней, с первых же дней стал ее осуществлять в полном смысле слова блестяще, в полном смысле слова по правилам, законам военной науки, которая ему была отчасти теоретически быть может известна, но осуществлять которую ему позволяло его военное чутье...»

1 марта тов. Фрунзе в разговоре по прямому проводу с командующим фронтом, сообщая о тяжелой обстановке на фронте и о состоянии 4-й армии, заявил:

«Тем не менее, задачу разгрома живых сил врага надеюсь осуществить в течение одного месяца...»

5 марта 1919 года Фрунзе возглавил созданную им Южную группу так называемого малого состава армий Восточного фронта. А на следующий день началось общее наступление колчаковской Западной армии под командованием генерала Ханжина. Под сильным натиском Колчака части

2-й, 3-й и 5-й армий отходили на запад, на Мензелинск, Бугульму, Белебей. Колчак безостановочно продвигался к Волге.

В начале апреля нависла угроза прорыва белыми Восточного фронта и соединения Колчака с войсками Деникина. Советская Россия была в смертельной опасности. Необходимо было разбить Колчака, не дать ему ни на один день перерезать Волгу.

В момент наибольшего продвижения армий Колчака, угрожавших Казани, Симбирску, Самаре, у тов. Фрунзе созрел блестящий план решительного контрудара из района Бузулука на север, во фланг и тыл главной группировке белых, наступавшей через Бугуруслан на Самару.

10 апреля по прямому указанию ЦК партии на Восточном фронте была создана Южная группа «большого состава» в составе 1-й, 4-й, Туркестанской и 5-й армий. Командующим Южной группы был назначен М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета Южгруппы — В. В. Куйбышев.

Гениально задуманную бугурусланскую операцию разгрома Колчака Фрунзе начал проводить наперекор заранее рассчитанному на поражение предательскому «плану» Троцкого и его ставленников, требовавших отступления за Волгу.

В середине апреля в колчаковской армии между 3-м и 6-м корпусами образовался разрыв. Тула Фрунзе и направил стремительный глубокий удар всеми силами, какие только можно было собрать с фронта.

Создав в одном решающем месте (Бузулуке) необходимый перевес сил, Фрунзе организовал и успешно провел сокрушительный фланговый удар в районе Бугуруслан—Белебей. Этот победоносный фланговый удар заставил Колчака откатиться от Волги и перейти к быстрому отступлению по всему Восточному фронту. 4 мая 1919 года войска Южной группы, отбросив противника на 220 километров, взяли Бугуруслан. 17 мая—Белебей. Бугурусланская операция была проведена с поразительным оперативным искусством. Высоким мастерством отличались действия тов. Фрунзе по формированию боевых ударных частей и посылке на фронт полкреплений и снабжения.

Характерными чертами М. В. Фрунзе как воина и стратега были: исключительная выдержка и спокойствие, трезвая оценка противника, учет его сил и средств на основе самой углубленной разведки, умение выбрать решающее направление для нанесения главного удара и создать мощные ударные группировки, которые сосредоточивались на решающем направлении и обеспечивали значительный перевес над противником в силах и средствах.

Грамота о награждении тов. Фрунзе орденом Красного знамени. Июль 1919 года.
Центральный музей Красной Армии.

Благодаря этим приемам Фрунзе достигал максимального эффекта—полного уничтожения вражеских сил.

В полководческом стиле М. В. Фрунзе, в его стратегии особое место занимают глубокое и самое тщательное изучение обстановки, организация взаимодействия фронта и тыла, широкая мобилизация живых сил и средств для решения боевой и политической задач.

Подготавливая бугурусланскую операцию, Фрунзе рассчитывал (как и в последующих военных операциях) не только на действующие войска, но и на устойчивый революционный тыл, который «питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми—бойцами, настроениями и идеями» (С т а л и н).

Рабочее население, партийные, советские и профсоюзные организации Самары создали под руководством Фрунзе базу для подготовки новых формирований и всех видов снабжения и этим помогли победить Колчака.

Стремясь не дать Колчаку ни минуты передышки, не дать ему возможности оправиться от удара, собраться с силами и перегруппироваться, М. В. Фрунзе настоял на немедленном преследовании отходящего противника в уфимском направлении и начал разрабатывать план уфимской операции—завершающего этапа своего знаменитого контрудара. Но и здесь Фрунзе, в разгар наступления Красной Армии, наткнулся на сопротивление троцкистского командования Восточного фронта. Под предлогом необходимости переброски войск с Восточного фронта на Южный враг народа Троцкий и его подручные всеми средствами пытались задержать победоносное продвижение Красной Армии, прекратить преследование колчаковцев и остановиться перед Уралом. Однако это им не удалось благодаря вмешательству ЦК партии, полностью поддержавшего план Фрунзе.

25 мая Ленин телеграфировал Реввоенсовету фронта: «Если мы до зимы не за-

воюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы...»¹.

Для успешного руководства уфимской операцией Фрунзе, оставаясь командующим Южной группой, принял на себя непосредственное командование Туркестанской армией. Прибыв на линию огня 25-й Чапаевской дивизии, он лично мастерски руководил переправой частей дивизии через реку Белую.

7—8 июня Фрунзе силами 25-й дивизии, которой он в эти дни командовал, отразил «психическую атаку» корпуса Каппеля у реки Белой и разбил войска противника, занявшего Уфу. В самый напряженный момент боя, когда под натиском колчаковцев ряды красноармейцев дрогнули и попытались к реке, неожиданно появившийся Фрунзе взял на себя командование 220-м Иванововознесенским полком и с оружием в руках сам повел его на окопы врага.

Рядом с Фрунзе другую красноармейскую часть вел в бой легендарный Чапаев.

У деревушки Красный Яр Фрунзе был контужен в голову взрывом бомбы, сброшенной с неприятельского самолета, а Чапаев был ранен, но оба полководца остались в строю.

9 июня 1919 года войска Красной Армии, руководимые Фрунзе, заняли Уфу. Успех уфимской операции положил начало окончательному разгрому Колчака и крушению планов Антанты. Колчак был отброшен за Урал. Нависшая над революцией угроза была прелютовращена.

За выполнение уфимской операции М. В. Фрунзе был награжден орденом Красного знамени.

Бугурусланско-уфимский контрудар по силе и красоте своего стратегического замысла стоит в первом ряду знаменитых операций великих полководцев.

В течение героической борьбы на Восточном фронте всю колоссальную работу по организации и проведению победоносных военных операций против Колчака провел вместе с Фрунзе его боевой товарищ, выдающийся большевик, бывший тогда членом Реввоенсовета Южгруппы, Валерий Владимирович Куйбышев.

После завершения уфимской операции Фрунзе двинул 1-ю и 4-ю армии, чтобы восстановить положение в Уральской и Оренбургской областях, обороной которых против белого казачества он руководил.

В начале июля 1919 года М. В. Фрунзе был назначен командующим всеми армиями Восточного фронта.

В июле—августе 1919 года М. В. Фрунзе провел крупную челябинскую опе-

рацию. Он руководил боевыми операциями армий Восточного фронта до момента взятия Красной Армией Челябинска и перехода советских войск через Уральские горы по всему фронту.

Возложенная ЦК РКП(б) на Михаила Васильевича Фрунзе ответственная задача разгрома Колчака была в основном выполнена.

В августе 1919 года Восточный фронт был разделен на сибирское и туркестанское направления. Фрунзе получил назначение на пост командующего армиями Туркестанского фронта (11-я, 4-я, 1-я и войска в Туркестане). В течение сентября 1919 года он провел операции по окружению и уничтожению южной армии Колчака, которой командовал генерал Белов. 11 сентября 1919 года вся армия генерала Белова в составе свыше 20 тысяч человек капитулировала. В результате этих успешно проведенных операций оренбургское казачество перешло на сторону советской власти.

Назначенный членом комиссии ВЦИК по делам Туркестана и членом комиссии ЦК РКП(б) по делам Туркестана, Фрунзе направил свои овечьные славы войска на помощь братским народам Средней Азии, отбивавшим бешеные атаки внутренней и внешней контрреволюции.

13 сентября 1919 года на станции Мургоджарская передовые части Туркестанского фронта соединились с красными войсками Туркестана. Путь в Среднюю Азию был открыт.

«Им задуманная, а затем блестяще проведенная операция воссоединения отрезанной и задыхавшейся в тисках вражеского окружения небольшой революционной армии Туркестана с победоносными частями восточного фронта только подтвердила и окончательно упрочила за Михаилом Васильевичем репутацию и славу подлинного полководца и организатора революционных побед» (В о р о ш и л о в).

В продолжение всего декабря Фрунзе руководил ликвидацией уральского белоказачьего фронта.

22 февраля 1920 года Фрунзе прибыл в Ташкент. Глубоко и тщательно изучив сложную местную обстановку, Михаил Васильевич мобилизовал все наличные силы для решения поставленных партией боевых, общеполитических и национальных задач.

Военно-политическая обстановка в многонациональном Туркестане была исключительно сложной. Нужно было обладать крупнейшим организаторским талантом, политической дальновзоркостью, полководческим гением и чрезвычайной гибкостью мысли тов. Фрунзе, чтобы выйти победителем из всех трудностей и опасностей.

¹ В. И. Ленин «Из эпохи гражданской войны», стр. 52. Партиздат, 1934.

Вступив в командование всеми вооруженными силами, расположенными в пределах Туркестана, Фрунзе ликвидировал английскую интервенцию в Закаспии, разгромил семиреченский белогвардейский фронт, на котором подвизался «атаман» Анненков, уничтожил басмаческие контрреволюционные шайки Ферганы и Хивы и в июне 1920 года бескровно ликвидировал кулацкий мятеж в городе Верном.

Фрунзе оказал большую помощь революционному движению рабочих, крестьян и ремесленников против Хивинского хана и эмира Бухарского.

Под личным руководством Фрунзе были разгромлены контрреволюционные войска Бухарского эмира, поддерживаемого империалистами Англии, и были созданы Бухарская и Хорезмская советские республики.

Освобождая Среднюю Азию от английских интервентов и белогвардейцев, Фрунзе твердо проводил ленинско-сталинскую национальную политику и проделал вместе с В. В. Куйбышевым колоссальную работу по восстановлению в крае советского строя и народного хозяйства.

Всею своей организационной, военной и прежде всего политической деятельностью Фрунзе привлек на сторону советской власти горячие симпатии трудящихся Средней Азии. Туркестан навсегда стал советским.

* * *

Затянувшаяся борьба с Врангелем создавала угрозу для всего Юга, Украины и Донбасса. Необходимо было еще до наступления зимы нанести Врангелю окончательный удар.

Решением Центрального Комитета трудная и почетная задача по разгрому Врангеля была поручена Михаилу Васильевичу Фрунзе. 27 сентября 1920 года он вступил в командование Южным фронтом и начал действовать в полном соответствии со стратегическим планом товарища Сталина—своего учителя, друга и соратника по организации и строительству Красной Армии.

В тот же день Фрунзе издал свой исторический приказ № 4: «Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии южного фронта».

Фрунзе блестяще разработал стратегический план разгрома Врангеля. В основе этого плана лежали исторические указания товарища Сталина о разгроме Врангеля, в частности идея создания каховского плацдарма. От Каховки предполагалось нанести прямой удар на Перекоп и, отрезав белым пути отступления в Крым, раздавить живую силу барона Врангеля на полях Северной Таврии.

Энергично и настойчиво добивался Фрунзе выполнения этого плана. Главную роль в сражении в Северной Таврии сыграла легендарная Первая Конная армия, возглавляемая товарищами Ворошиловым и Буенным.

В первых числах ноября армия Врангеля, разбитая ударами Первой Конной и спасающаяся от окончательного разгрома, в панике бежала за Крымский перешеек.

Определяя направление главного удара, М. В. Фрунзе в выборе между Перекопом и Чонгаром остановился на Перекопе, считавшемся «неприступной крепостью». Именно сюда, по перекопским укреплениям, М. В. Фрунзе решил нанести главный удар.

Одновременно со штурмом Перекопа с фронта Фрунзе решил предпринять смелый обход перекопских позиций через Сиваш на Литовский полуостров и двинул красные войска на чонгарские укрепления. Это был талантливый комбинированный удар.

В короткий срок, с 28 октября по 16 ноября 1920 года, доблестные красные войска Южного фронта, руководимые Фрунзе, разметали контрреволюционные силы Врангеля. Крым, освобожденный от белогвардейцев и интервентов, навсегда стал советским.

Владимир Ильич Ленин так оценил героическую борьбу доблестных частей Южного фронта под руководством М. В. Фрунзе против врангелевщины:

«...необыкновенный героизм проявила Красная армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной армии—это та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем»¹.

За проведение разгрома Врангеля в Северной Таврии и за личное руководство частями, назначенными для штурма перекопских, чонгарских и юшунских укрепленных позиций, М. В. Фрунзе был награжден почетным революционным золотым оружием (шашкой с орденом) с надписью «Народному герою» и портретом Карла Маркса.

Бугурусланская и перекопская операции, обессмертившие в веках имя тов. Фрунзе, будут тщательно изучаться из поколения в поколение как классические образцы военного искусства.

* * *

Гражданская война окончилась. Молодая Страна советов победила соединенные силы англо-франко-яноно-польской интервенции и русской белогвардейской контррево-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 25.

люции. Одной из причин этой замечательной победы, как указывается в «Истории ВКП(б)», явилось то, что Красная Армия «сумела выковать в своих рядах таких военных руководителей нового типа, как Фрунзе, Ворошилов, Буденный и другие»¹.

После разгрома Врангеля тов. Фрунзе, назначенный 13 декабря 1920 года командующим всеми вооруженными силами Украины и Крыма и уполномоченным Реввоенсовета Республики, работал на Украине. Здесь он ликвидировал петлюровщину и махновщину, лично руководил борьбой с бандитизмом. За выполнение этой задачи первостепенной государственной важности он был вновь награжден орденом Красного знамени.

На X съезде партии тов. Фрунзе был избран в члены ЦК РКП(б).

Тов. Фрунзе — член ВЦИК всех созывов, начиная с 3-го, — был до начала 1920 года одновременно командующим войсками Украины и Крыма, членом политбюро ЦК РКП(б)У и заместителем председателя Совнаркома Украины.

Фрунзе был одним из инициаторов образования Союза Советских Социалистических Республик, ближайшим помощником товарища Сталина в деле создания первой Конституции СССР. Михаил Васильевич принимал живейшее участие в самых разнообразных мероприятиях по советскому строительству. По окончании гражданской войны партия и правительство поручили М. В. Фрунзе реорганизацию и строительство Красной Армии.

В эти годы Фрунзе, тщательно изучая и систематизируя опыт мировой империалистической и гражданской войн, пересмотрел все положения военной науки и искусства под углом зрения интересов пролетарского государства и занялся разработкой марксистской теории военного искусства. К лету 1921 года тов. Фрунзе выработал на основе марксистско-ленинской методологии единые основы стратегии и тактики Красной Армии в грядущих военных столкновениях.

Глубокой осенью 1921 года, во время национально-освободительной борьбы в Турции, Советская Украина, решив оказать поддержку турецкому народу, отстаивавшему от иностранных оккупантов и войск свергнутого султана свою национальную независимость, послала в Анкару чрезвычайное посольство во главе с Михаилом Васильевичем Фрунзе. 21 января 1922 года Фрунзе подписал договор о дружбе между УССР и Турцией.

В этот период в состоянии и структуре вооруженных сил СССР обнаружилось крупные недочеты. Это было результатом

предательской политики Троцкого, изменчески хозяйничавшего в Наркомвоенморе. Этот злейший враг народа, уже тогда состоявший на службе иностранной разведки, преступно игнорировал важнейшие задачи военного строительства и проблемы ведения войны, сводя их к борьбе с «несмазанными сапогами и лошью».

По инициативе тов. Фрунзе, в апреле 1922 года на совещании военных делегатов XI съезда РКП(б) открылась оживленная дискуссия, отразившая протест лучшей части военных работников во главе с Фрунзе и Ворошиловым против преступного «руководства» Троцкого военным строительством в условиях перехода страны с военного положения на мирное.

На совещании военных делегатов товарищи Фрунзе и Ворошилов отстаивали жизненную необходимость применения марксистско-ленинского метода в вопросах военного строительства. Они резко критиковали состояние армии и военного аппарата и повели непримиримую борьбу против Троцкого и троцкистской «тенденции» в вопросах войны, военного строительства и военной теории вообще.

На этом же совещании М. В. Фрунзе, выступивший с докладом об основных военных задачах страны, обосновал необходимость установить в Красной Армии единую военную доктрину. Еще в июле 1921 года М. В. Фрунзе в своей статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» так определил это понятие:

«...единая военная доктрина» есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны»².

Об огромной силе и глубине военного таланта Фрунзе свидетельствует анализ характера французской военной политики, данный Михаилом Васильевичем в его работе «Единая военная доктрина и Красная Армия»:

«Этот оппортунистический, не уверенный в себе, в своих силах, чуждый активности дух французской буржуазии, стоявший у руля правления, определял собою и общий характер французской военной политики. Несмотря на наличие во французской армии богатейших военных традиций, начиная с великого Тюренна и кончая На-

¹ «История ВКП(б)», стр. 234.

² М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 12. Партиздат. 1934.

полеоном, несмотря на данные ими блестящие образцы военного искусства в духе смелой, наступательной стратегии и тактики, военная доктрина армии Третьей республики уступала германской. Ее отличало чувство неуверенности в своих силах, отсутствие широких наступательных планов, неспособность смело искать решения боя, стремясь навязать свою волю противнику и не считаясь с волей последнего. В своем положительном содержании сущность доктрины, на которой воспитывалась французская армия последней эпохи, заключалась в стремлении разгадать план противника, занять для этого выжидательное положение и лишь по выяснении обстановки искать решения в общем наступлении»¹.

Эта исключительно яркая и отчетливая оценка сохранила свою силу до последнего времени, когда на полях Франции произошло одно из величайших в истории войн сражений.

Единая военная доктрина, оказавшаяся глубоко прогрессивной и жизненной, явилась в последующие годы знаменем для коммунистов — военных работников.

Постановлением ЦК партии от 3 марта 1924 года М. В. Фрунзе был назначен заместителем председателя Реввоенсовета СССР и наркомвоенмора с одновременным выполнением обязанностей начальника штаба РККА, начальника Военной академии, ныне носящей его имя, и председателя Высшего военного редакционного совета. С этого времени тов. Фрунзе фактически руководил всем военным строительством СССР и реорганизацией РККА.

26 января 1925 года М. В. Фрунзе был назначен народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Союза ССР.

В 1924—1925 годах Фрунзе разработал систему военного строительства и провел военную реформу. Он реорганизовал военный аппарат, сформировал национальные части, дал армии новые наставления по всем видам оружия, внедрил в Красную Армию новую военную технику, создал Авиатрест и самостоятельное Военно-химическое управление, организовал территориально-милиционную систему, сыгравшую исторически-прогрессивную роль в строительстве боевой мощи Красной Армии.

В мае 1925 года на III всесоюзном съезде Советов Фрунзе, как марксист, уделявший много внимания военно-экономической стороне будущей войны, выступил с большой программой военно-экономической подготовки страны. В этой программе тов. Фрунзе наметил пути развития народного хозяй-

ства для поднятия обороноспособности Красной Армии и государства в целом.

Много труда и внимания отдал М. В. Фрунзе развитию и укреплению боевой мощи морских и воздушных сил Союза ССР.

С его именем, как выдающегося организатора советской общественности, неразрывно связаны существование Военно-научного общества, создание ОДВФ, организация Доброхима и объединение в мае 1925 года всех этих обществ в единое общество — Осоавиахим. «Нужно только сказать,— писал в 1926 году К. Е. Ворошилов,— что громадные задачи, которые ставил для разрешения этот незаурядный человек, открыли новую полосу в военном строительстве. Его заветы для нас, его товарищей, остаются и поныне неизблемыми и будут проводиться на пользу Рабоче-крестьянской Красной армии и нашего Советского государства»².

Михаил Васильевич Фрунзе, как один из образованнейших последователей учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, оставил нам богатейшее военно-теоретическое наследство. Фрунзе обосновал марксистско-ленинское учение о ведении войны государством победившего пролетариата.

Чрезвычайно актуальные высказывания М. В. Фрунзе об активном, инициативном характере действий Красной Армии в грядущих битвах.

«Самим ходом исторического революционного процесса,— писал он,— рабочий класс будет вынужден перейти к наступлению, когда для этого сложится благоприятная обстановка... Стало быть пролетариат может и будет наступать, а с ним вместе как главное его оружие будет наступать и Красная армия.

Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, готовить ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций»³.

Особенно тщательно Фрунзе разработал вопрос о характере будущей войны, которую нам может навязать капиталистическое окружение. Самым существенным М. В. Фрунзе считал революционно-классовый, всеобъемлющий, сокрушающий и упорный характер будущей войны против империалистических агрессоров, в которую будут втянуты целые государства, вооруженные народы и миллионные армии, оснащенные могущественной техникой. С определением характера будущей войны,

² И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов «М. В. Фрунзе», стр. 18.

³ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 21.

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 15. Партиздат. 1934.

которая не ограничится только борьбой профессиональных механизированных армий, а будет решаться подготовленностью тыла, М. В. Фрунзе неразрывно связывал задачу подготовки страны к длительной и решительной борьбе. На учете особенностей характера будущей войны Михаил Васильевич обосновал и начал создавать систему обороны Советского Союза.

В строительстве вооруженных сил первого в мире социалистического государства Михаил Васильевич Фрунзе применил опыт великого пролетарского полководца, исключительный талант военного организатора, передовые теории военного ученого. Работу по реорганизации и укреплению Красной Армии тов. Фрунзе проводил с настойчивостью революционера-большевика и неистощаемым энтузиазмом пламенного борца за дело коммунизма.

Его неожиданная, преждевременная смерть (он умер 40 лет, в полном расцвете творческих сил) была тяжелым ударом для страны и для партии. Михаил Васильевич Фрунзе скончался 31 октября 1925 года, в 5 часов 40 минут, после тяжелой болезни и неудачной операции.

Приказом РВС СССР с 1 по 7 ноября объявлялась для Красной Армии неделя траура. С 31 октября по день похорон (3 ноября) в стране были отменены все

спектакли, концерты и всякого рода увеселения. Со всех концов Советского Союза прибывали на похороны делегации, со всех концов мира непрерывно поступали от правительств, партий и отдельных лиц телеграммы с выражением глубокой скорби.

Именем Михаила Васильевича Фрунзе названы столица Киргизской ССР, Военная академия РККА, бывший Хамовнический район Москвы. Именем Фрунзе названы улицы, площади и клубы почти во всех городах страны, военные школы, заводы, фабрики.

Жизнь и деятельность Михаила Васильевича Фрунзе, выдающегося профессионального революционера, старого большевика, пламенного оратора и блестящего публициста, великого полководца и дипломата, политика и ученого, стратега и мыслителя, обаятельного человека и бесстрашного воина, будет вдохновлять и воспитывать многие поколения пролетарских борцов.

«... Михаил Васильевич принадлежит к разряду таких людей,—писал К. Е. Ворошилов,—жизнь которых оставляет глубокие, неизгладимые следы на бесконечно долгий период человеческой истории»¹.

¹ К. Е. Ворошилов. Статьи и речи, стр. 81. Партиздат. 1936.

Твердокаменный большевик

(к 35-летию убийства Н. Э. Баумана)

«Телеграф» принес сегодня, 3 ноября п. ст., известие, что в Москве убит царским войском член Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, ветеринарный врач Н. Э. Бауман... Он начал работу в социал-демократической организации, в Петербурге, в 90-х годах. Был арестован, просидел 22 месяца в Петропавловской крепости, сослан в Вятскую губернию. Бежал из ссылки за границу и участвовал в 1900 году с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела...

Вечная память борцу в рядах русского социал-демократического пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции!»¹

Так писал Ленин под свежим впечатлением известия об убийстве Баумана.

Вся партия была потрясена скорбной вестью об этом злодеянии. Больше того: можно без преувеличения сказать, что вся Россия, кроме наиболее реакционных элементов ее, негодовала и возмущалась. Москва ответила на подлое убийство невиданной до того, грандиозной демонстрацией: десятки тысяч людей проводили до кладбища гроб с телом Баумана. Реакция в этот день притаилась. Даже мертвый Бауман был страшен врагам революции.

1

Николай Эрнестович Бауман родился в 1873 году в семье зажиточного столярного мастера. Отец его, Эрнест Андреевич Бауман, был выходец из Митавы. В семье было много детей, но в живых остались только трое мальчиков и одна девочка.

Родители Николая Баумана были типично мелкие буржуа, сторонники установленного порядка. Первые ростки революционных идей заронил в ум подростка один из рабочих его отца. В несколько наивной форме этот рабочий рассказал юному Бауману и его другу, Сушицкому, о борьбе сытых с голодными, бедных с богатыми. Он же дал им читать известную брошюру — «Хитрая механика».

¹ Ленин, Т. VIII, стр. 358.

На восприимчивого Николая Баумана эти сведения произвели очень сильное впечатление. Взглядываясь в окружающую неприглядную действительность тогдашней России, он все яснее сознавал необходимость борьбы с ней и переделки ее. Постепенно у него созрело решение посвятить себя революции. С недетской настойчивостью он стал проводить в жизнь свой план: несмотря на противодействие родителей, он вышел из шестого класса гимназии и поступил в казанский ветеринарный институт; этим он сокращал период учения и, следовательно, ускорял свое вступление на путь служения народу. К тому же работа ветеринара, призванного непосредственно помогать крестьянам, представлялась ему особенно полезной.

Бауман поступил в ветеринарный институт в 1891 году и закончил его в 1895 году. В продолжение этих четырех лет он не прерывал пропагандистской деятельности среди окрестных крестьян и рабочих казанских промышленных предприятий. Одновременно он занимался самообразованием, штудировал нелегальную марксистскую литературу.

Если прибавить к этому его активное участие во всех студенческих волнениях, то станет понятен повышенный интерес жандармов к Бауману, проявившийся уже в это время. В 1894 году, например, в Казани велось следствие о фельдшере Эмилли Спорнусе. Вокруг этого человека образовался немногочисленный кружок; была устроена тайная библиотека для чтения нелегальной литературы, делались даже попытки издавать журнал «Фонарь». Спорнус был подвергнут кратковременному тюремному заключению, после чего отдан под гласный надзор полиции. В числе лиц, посещавших его, упоминается имя Баумана².

Неоднократно охранка адресовалась к директору института, подчеркивая политическую неблагонадежность студента Баумана. По всей вероятности, дело кончилось бы арестом, но в 1895 году Бауман, окончив курс, уехал из Казани.

Однако здесь были чересчур ограниченные возможности для революционной деятельности; к тому же снова нависла угро-

² Архив революции, дело № 772. Т. I, лист 15. 1894.

Дом в Казани, где родился Н. Э. Бауман.

Музей революции СССР.

за ареста, так как полиции стали известны его «возбуждающие речи», которые он держал, объезжая крестьянские дворы.

Осенью 1896 года Бауман пересел в Петербург.

Через посредство Тахтарева и Катина-Ярпева он связался с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и под именем Ивана Макаровича повел работу среди петербургского пролетариата.

Но усиленный сыск и наличие провокаторов в рабочей среде привели к тому, что в марте 1897 года Баумана арестовали. Повидимому, он произвел «неблагоприятное» впечатление на руководителя петербургской охранки, полковника Пирамидова, так как его поместил не в доме предварительного заключения, а в Петропавловской крепости, где режим был гораздо суровее.

В крепости он просидел свыше полутора лет. В декабре 1898 года последовало распоряжение: сослать Баумана в административном порядке на четыре года в Вятскую губернию.

2

Департамент полиции разрешил Бауману, по просьбе его брата, отправиться в Вятку не по этапу, а в обычном, «вольном порядке». В январе он прибыл с «проходным свидетельством» в Вятку и был немедленно переслан оттуда в уездный город Орлов (в настоящее время город Халтурин).

Немного оправившись от пребывания в крепости, Бауман начал готовиться к побегу. Частыми отлучками «на охоту» он приучил полицию к тому, что его по нескольку дней не видели в городе; 15 октября 1899 года, пробыв в Орлове девять месяцев, он бежал. Через пять дней исправник понял, что «охота» слишком затянулась, но когда Баумана хватились, было уже поздно: он успел благополучно перебраться через границу.

Бауман поселился в Швейцарии и принял участие в работе группы «Освобождение труда». Он вел искусно с «экономистами», этими русскими бернштейнцами, группировавшимися вокруг журнала «Рабочее дело» (издававшегося за границей), призывавшими рабочих отказаться от политической борьбы и ограничиться борьбой экономической.

Прибытие в Швейцарию Ленина открыло новую страницу в жизни российской революционной эмиграции и одновременно в жизни Баумана.

В Мюнхене начала печататься «Искра», и Бауман, как о том свидетельствует один из тогдашних руководителей охранки — Рачковский — принимал в этом энергичное участие¹.

Ленин придавал огромное значение деятельности агентов «Искры»:

«Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты мате-

¹ Архив революции, дело № 500. 1902.

риалами и правильное распространение ее — заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробуящих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов будет остоном именно такой организации, которая нам нужна»¹.

Задача Баумана была тем более ответственной, что ему предстояло руководить работой искровцев в Московской, Иваново-Вознесенской и Владимирской губерниях, то есть в районах, являвшихся средоточием пролетариата. Сложность этой работы обуславливалась еще и тем обстоятельством, что Москва являлась цитаделью зубатовщины.

Начальник московской охранки Зубатов при поддержке московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и министра внутренних дел Сипягина проводил политику, направленную к внутреннему разложению рабочего движения. Навербованные им отщепенцы из рядов рабочего класса ходили по фабрикам и заводам и агитировали рабочих, призывая их отвернуться от социалистов, отказаться от борьбы за политические права и добиваться от хозяев экономических уступок, опираясь при этом на помощь «властей предрержащих». Зубатов понуждал предпринимателей делать некоторые уступки рабочим и тем вводил в заблуждение политически отсталых рабочих, начинавших верить, что охранка печется об их интересах. Впротивое рабочим союзам Зубатов создавал свои общества, в которых была тщательно вытравлена всякая «политика» и деятельность которых (ссуды в случае болезни, смерти или безработицы и т. п.) протекала под эгидой полицмейстера.

В 1901—1902 годах зубатовщина достигла своего апогея. 19 февраля 1902 года Зубатову удалось организовать перед памятником Александру II в Кремле пятидесятитысячную манифестацию, причем значительный контингент манифестантов составляли рабочие, обманутые зубатовской пропагандой.

Бауман настойчиво боролся с зубатовщиной и с «экономистами», укреплял авторитет ленинской «Искры» в рабочей среде, доставлял из-за границы нелегальную литературу, распространял ее по заводам, отсылая часть в другие города, формировал кружки.

В начале октября 1901 года Бауман пишет Н. К. Крупской в редакцию «Искры»:

¹ Ленин. Т. IV, стр. 111—112.

Н. Э. Бауман. 1890 г.

Музей революции СССР.

«Если у меня будет в достаточном количестве товара (нелегальной литературы. — К. О.), то я могу удобно доставлять (без значительных проволочек) в Нижний, Казань, Самару, Саратов, Астрахань, Вятскую губернию, Тамбов, Центральный район, Ярославль, Кострому, Воронеж, Тверь, Орел. Со всеми этими пунктами установлены способы доставки. Конечно, раз я долго не буду в состоянии посылать им новинки, то все мои труды пропадут даром... Постепенно я надеюсь поставить на должную высоту корреспондентскую часть в упомянутых городах, включая сюда еще Тулу, Калугу и др. города этого района»².

В другом письме он сообщает: «У меня установились сношения с Нижним, Казанью, Самарой и Саратовом. Пересылать литературу могу туда аккуратно, если она будет доставляться мне»³.

Эти письма дают наглядное представление о многообразной, кипучей работе, которую вел Бауман. Работа эта протекала в крайне трудных условиях, так как беспрестанные аресты и зубатовщина совершенно обескровили московскую социал-демократическую организацию. Бауман, почти не имея помощников, блестяще проводил сложнейшие операции по получению и распространению нелегальной литературы.

² См. «Пролетарская революция» № 1 за 1939 год, стр. 226.

³ Там же.

Охранка имела сведения о таинственном агенте «Искры». В ноябре 1901 года заведующий особым отделом департамента полиции А. Ратаев сообщил начальнику московской охраны Зубатову: «Милостивый государи Сергей Васильевич! В дополнение к письму от 2-го сего ноября за № 3301, прошешало уведомить ваше высокоблагородие, что 31 октября — 13 ноября сего года некто из Шверинберга сообщает шифром в Одессу к Комиссарии Захаровой нижеследующее: «Грач меняет адрес для явки...» Сообщая об изложении, имею честь почтительнейше просить ваше высокоблагородие принять меры к выяснению «Грача», который, очевидно, является представителем организации «Искры» для Москвы, причем при установлении его личности не мешает иметь в виду приметку московского представителя «Искры» по описанию «Приятеля»¹.

Однако в это время Ратаев еще не подозревал, что неведомый «Грач» — то же лицо, что Бауман. Охранке понадобилось еще несколько месяцев, чтобы установить это обстоятельство.

В феврале 1902 года Бауман выехал в Киев для переговоров с тамошними искровцами. В Киеве предполагалось тогда совещание искровцев, но жандармы напали на след, и за всеми искровцами велось неотступное наблюдение. Киевские филеры тотчас установили надзор и за прибывшим Бауманом.

Бауман был достаточно опытным конспиратором, чтобы сразу заметить слежку. Оставаться в Киеве в этих условиях нельзя было, возвращаться в Москву — значило привести за собою «хвост» сыщиков. Поэтому он решил ехать в Москву кружным путем, надеясь, что ему удастся сбить с толпы преследователей и ускользнуть от них. Вечером 8 февраля он выехал в Воронеж.

Для характеристики последующих событий воспользуемся двумя документами из архива департамента полиции.

Начальник киевского жандармского управления генерал Повицкий писал: «Из предыдущих сведений видно, какую важную роль в «искровской» организации играло лицо, известное под конспиративной кличкой «Грача». Будучи за границей, он руководил всеми русскими сношениями, указывал, что нужно делать и куда направлять транспорты литературы, он же связывал отдельных деятелей между собой. По возвращении в Россию он сохранил за собой роль руководителя партии, изъездив чуть ли не все города, поддерживая и оживляя связи. Агентуре давно известно было,

что «Грач» есть не кто иной, как ветеринарный врач из мещан Николай Эрнестов Бауман. Задержать его, однако никак не удавалось. 8 февраля 1902 г. филерами, наблюдавшими за Крохмалем, замечено было, что из квартиры Крохмалея около половины 12 часов утра вышел Левин (Гальперин) с неизвестным мужчиной. Отделившись от спутника, неизвестный со свертками в руках отправился на вокзал, получил бывшие там на хранения вещи и с поездом № 6 выехал в Воронеж. За ним поехали филеры. Прибыв 9 февраля в Воронеж, неизвестный пошел в город, навещая в земскую управу и, узнавши, вероятно, о происшедших в г. Киеве арестах², стал бродить по разным улицам, улавливая наблюдение, каковое и принуждено было его оставить. 13 февраля наблюдением был задержан в Острогожском уезде, причем назвался первоначально мещанином Петровым, но в действительности оказался разыскиваемым ветеринарным врачом Николаем Бауманом»³.

О самом аресте сообщается в донесении начальника воронежского губернского жандармского управления от 24 февраля 1902 года: «...Имею честь довести до сведения департамента полиции, что прибывший в г. Воронеж с курским поездом в 11 час. утра 9 сего февраля и тотчас же по прибытии отправившийся в г. Задонск ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, по задержании его 11 того же февраля, как важнейшего документа о личности, в село Хлебное⁴ местной полицией и доставлении в г. Задонск в станковую квартиру, при опросе его станковым приставом назвался мещанином г. Курска Николаем Васильевичем Петровым и объяснил, что в Задонском уезде ни родных, ни знакомых, которые могли бы удостоверить его личность, он не имеет, что попал в Задонский уезд случайно, благодаря «расстроенному душевному состоянию», и что он имеет жену Екатерину Васильевну, которая проживает в городе Костроме. Затем при опросе его в тот же день уездным исправником он показал, что он уроженец г. Казани, сын митавского гражданина Эрнеста Андреевича Баумана».

К изложенным в цитированных документах фактам следует кое-что добавить. При-

² 8 февраля, тотчас после отъезда Баумана, в Киеве были произведены массовые аресты среди социал-демократов. — К. О.

³ Сб. «Николай Эрнестович Бауман», стр. 57. 1937.

⁴ Кстати сказать, в подлинниках донесений всюду фигурирует «Хлебное». Поскольку этот и предыдущий документы были опубликованы в сборнике Института истпарта «Ник. Эрн. Бауман». 1937, мы цитируем по этому сборнику; однако составители сборника допустили здесь опечатку.

¹ См. сборник «Николай Эрнестович Бауман», стр. 42. 1937.

быв в Воронеж и тщетно попытавшись избавиться от следовавших за ним подобно тени сыщиков, Бауман вернулся на вокзал и сел в первый отправлявшийся поезд. Вокруг сейчас же замелькали «гороховые пальто». Понимая, что отделаться от филеров не удастся, Бауман на полном ходу соскочил с поезда. Сыщики не рискнули повторить его прыжок, и Бауман ускользнул от них. При падении он повредил ногу. Пуждаясь в отъезде, он попросил встречного крестьянина довезти его до ближайшего ветеринара. Его оставили в село Хлевное, к земскому ветеринарному врачу Валериану Вележеву. Бауман рассказал своему коллеге по профессии, что он революционер и скрывается от филеров. Вележев, оказавшийся трусом и негодяем, донес полиции.

В № 20 газеты «Искра» от 1 мая 1902 года было помещено письмо в редакцию, раскрывающее прелатство Вележева; приводим несколько выдержек из него.

«Бежавший в 1899 г. из Вятской губернии Бауман... удачно скрывшись от преследований полиции, попал случайно в совершенно незнакомую местность... Измученный голодом и продолжительной дорогой пешком, он решил обратиться за содействием к самому интеллигентному представителю деревни — к земскому врачу Валериану Вележеву. Продолжать путь пешком не представлялось возможным, так как городской костюм обращал всеобщее внимание; кроме того, Бауману не удалось в течение суток встретить человека, который мог указать на ближайшую станцию железной дороги. Явившись к Вележеву, он рассказал, в каком затруднительном положении он находится, навел справки о железной дороге и попросил покормить. Великодушный врач ответил, что обед у него будет только через три часа и вообще выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами. Через некоторое время он уступился под давлением прихода больных. Вслед за этим явилась помещица и потребовала от имени барина, чтобы Бауман немедленно ушел. Вележев донес полицию. Как только Бауман вышел из села, его арестовали и отвезли в г. Задонск».

В департаменте полиции были очень рады, что наконец-то удалось изловить Баумана. Так как в Киеве готовился крупный процесс «искровцев», Баумана привезли под усиленной охраной в Киев, где ему предстояло стать одной из центральных фигур в будущем процессе.

3

В Киеве Баумана поместили в местную, так называемую Лукьяновскую тюрьму. Режим в тюрьме был в этот период очень

Н. Э. Бауман в годы окончания ветеринарного института.
Музей революции СССР.

ослаблен. Благодаря тому, что там обаялись дети многих состоятельных горожан, тюремное начальство не знало отбоя от беспрепятственных просьб и ходатайств, подкрепленных взяточками во всех видах. Начальник охранки Новичков протестовал против ослабления режима, но чиновникам тюремного ведомства не хотелось лишиться «мзлы» чувствительных родственников, и они делали уступку за уступкой. Политическим заключенным разрешалось с утра до позднего вечера гулять в тюремном дворе, шуметь, получать деньги, книги, даже вино (которое выписывалось главным образом для надзирателей).

Пользуясь столь благоприятными условиями, искровцы задумали побег. Когда в тюрьму привезли Баумана, план побега был уже вчерне составлен. Баумана тотчас ознакомили с ним, и он принял деятельное участие в дальнейших приготовлениях.

Побег был назначен на один из дней мая. Должны были бежать 11 человек. Однако незадолго до назначенного дня один из них устал и сломал себе ногу. Решили ждать его выздоровления. Затем еще несколько раз пришлось откладывать. Только 18 августа, незадолго до начала пресловутого судебного процесса, удалось осуществить смелый замысел.

Искровцы наполнили двоих надзирателей вином, в которое было подмешено снотвор-

ное средство. Помощники начальника тюрьмы попросили внутрь здания, чтобы выслушать заявление одного заключенного. На тюремном дворе остался единственный часовой. Было уже темно: около 9 часов вечера. Из группы гулявших заключенных отделился один, подошел к ничего не подозревавшему часовому и вдруг схватил его за горло. В тот же момент подбежали остальные, закутали голову часового в специально приспособенное одеяло и повалили его на землю.

Вслед затем один из беглецов пагнулся, на спину к нему взобрался другой, к нему на спину — третий, и следующий смог достать рукой до верхушки тюремной стены. Он быстро зацепил там железный якорь, уже давно полученный для этой цели с «воли»; к якорю была прикреплена веревочная лестница. По этой лестнице беглецы проборно взобрались на стену, соскочили оттуда в прилежавший к тюрьме лустырь и бросились бежать.

Из одиннадцати искровцев бежали десять; один — Сильвин — в последний момент отказался.

Едва последний беглец соскочил со стены, раздался ружейный выстрел: часовой, освободившись от одеяла, выстрелил из винтовки, которую беглецы в суматохе забыли разрядить. Однако высланная погоня не нашла никого из беглецов. Что касается Баумана, то он пробрался на квартиру к одному сочувствующему адвокату и переждал у него полосу розысков, во время которой весь Киев был перевернут вверх дном. Затем, нарядно одевшись, он под'ехал среди бела дня к вокзалу и по паспорту германского подданного уехал в вагоне первого класса.

Спустя несколько недель начальник казавского жандармского управления доносил на основании черкострированного письма Баумана к родным: «...Имею честь доложить департаменту полиции, что разыскиваемый циркуляром департамента полиции от 21 августа сего года за № 5350 мещанин г. Митавы, ветеринарный врач Николай Эрнестов Бауман, проживающий ныне в Берлине, в письме, присланном наднях к отцу своему Эрнесту Андрееву Бауман, сообщает, что в скором времени намерен переехать на постоянное жительство в Америку».

Однако письмо это было не более чем ласковым ходом со стороны Баумана. В действительности он и не думал о том, чтобы оторваться от революционной деятельности. Он сейчас же явился к Ленину и снова, как в период организации «Искры», сделался его надежным помощником.

Вся вторая половина 1902 года и первая половина 1903 года были заполнены подготовкой II съезда РСДРП. Перед

организатором этого съезда, В. И. Лениным, стояли две исключительно трудные задачи: нужно было созвать многолюдный съезд в условиях жесточайшего полицейского террора, и наряду с этим нужно было обеспечить «искровское» большинство, способное дать фюрор «экономизму» и прочим оппортунистическим течениям.

Особенно беспокоился Ленин о Московской организации, так как там большое влияние имели «экономисты». Но эти опасения скоро рассеялись: один из мандатов на представительство Московской организации был прислан Бауману. Под именем Сорокина Бауман принял участие в работах II съезда и сделал на нем большой доклад о состоянии социал-демократического движения в Москве.

На этом докладе следует кратко остановиться.

Бауман начал с характеристики первых шагов рабочего движения в Москве. Проследив историю этого движения, он сделал вывод, что московский рабочий класс всегда готов вступить в революционные ряды, но что фактический уровень рабочего движения здесь очень низок: «Все приведенные данные приводят к очень печальным выводам. В то время как социалистическая агитация и пропаганда с каждым годом захватывают все большее и большее количество городов, проникают даже в самые глухие провинциальные уголки, вызывая тем или иным рельефным проявлением роста классового самосознания пролетариата, в Москве, в одном из самых важных промышленных центров, резко бросается в глаза постепенное ослабление и даже, пожалуй, полное уничтожение социал-демократического влияния на рабочую массу».

Далее, Бауман переходит к истории социал-демократических организаций, пытавшихся руководить рабочим движением. По его мнению, основная трудность, с которой пришлось столкнуться социал-демократам в Москве, заключалась в зубатовщине: «...осенью 1896 г. в Москве создалась невозможная атмосфера: «Здесь происходил невообразимый хаос и столпотворение развлеченное», — пишет один товарищ. Нельзя было даже думать о какой-либо планомерной революционной работе. Все, казалось, находилось под самым строгим контролем охранного отделения. С одной стороны, вышущенные из тюрьмы, вместо того чтобы держаться в стороне, вмешивались всюду в дело и явились опорными пунктами для шпионской слежки, с другой стороны, постоянные слухи из охранного отделения совершенно деморализовали возникавшие тогда кружки... Словом, всюду давали себя чувствовать происки Зубатова. В такой мутной воде легко бы-

ло жандармам вылавливать нужную им рыбку».

Зубатовщина, с одной стороны; непрерывные аресты — с другой. В результате революционная социал-демократия в Москве была почти вовсе уничтожена. «В это время, отмечает Бауман в своем докладе, происходит факт, довольно характерный для положения дел в Москве. Первые номера «Искры», доставленные по заказу комитета, приходится распространять хотя бы только среди интеллигентии при помощи — о, позор! — социалистов-революционеров, так как всякие следы социал-демократов исчезли на несколько месяцев».

Бауман предложил съезду направить в Москву группу опытных партийных работников. При этом условии он считал несомненным успех революционного движения в Москве.

Совет Баумана был принят во внимание. И в качестве человека, которому надлежало восстановить московскую организацию, был послан снова он сам. В декабре 1903 года он выехал в Россию, имея подложный паспорт на имя Земфига.

Второй съезд вскрыл наличие серьезных организационных разногласий, разделивших партию на большевиков и меньшевиков. Бауман без колебания примкнул к большевикам. Комитет московской социал-демократической организации был в то время об'единенным; несмотря на упорное противодействие меньшевиков Бауман почти всегда умел отстаивать свою точку зрения.

Чтобы активизировать революционную работу, Бауман организовал полнопольную типографию. Здесь была отпечатана в количестве 2 тысячи экземпляров первомайская листовка, которую ввиду недостатка сил распространяли 1 Мая 1904 года сами печатавшие.

Однако над головой Баумана снова нависали тучи: заведующий заграничной агентурой департамента полиции Гартинг получил от провокатора сведения о поездке Баумана и о том, под какой фамилией он будет жить в Москве. С момента переезда границы Бауман попал под наблюдение сыгнейших флигеров. Гартинг требовал, чтобы Баумана по оразу арестовали, «дабы не являлись источником». В течение полугода за Бауманом велось секретное наблюдение, после чего был нанесен полный подготовлявшийся удар.

19 июня 1904 года полиция окружила дачу в Петровском парке, где помещалась устроенная Бауманом типография. Полиции удалось арестовать там нескольких человек, в том числе самого Баумана. Он был привезен в Таганку и помещен в одиночную камеру.

Обычная бодрость не покидала Баумана. «Пока еще не скучаю, — писал он отцу в октябре 1904 года. — Здоровье в полном порядке. Вообще условия здесьней тюрьмы гораздо лучше, чем, например, в Петропавловской крепости. Ежедневно я гуляю 2 раза по 20—25 минут. Каждую неделю хожу в баню и, кроме того, принимаю две ванны»¹.

В письмах этого периода к родным Николай Эрнестович неоднократно касается вопроса о правильности избранного им для себя трудного пути: «Только потому, что у меня мозг и сердце идут нога в ногу, неразлучно, я так непоколебим в избранном мною пути. И тот, кто стремится соблазнить меня другими, более покойными, ровными и широкими дорогами, несмотря на все свои добрые намерения, по моему мнению, желает мне не счастья, а такого существования, против которого протестует вся моя личность» (письмо от 28 октября 1904 года).

И в другом месте: «Я был бы очень рад, если бы Вы успокоились на мой счет, но рисовали бы мое положение в мрачных красках. Поверьте, милый папа, я чувствую себя гораздо лучше, чем многие и многие общепризнанные удачлики и счастливицы» (письмо от 24 сентября 1904 года).

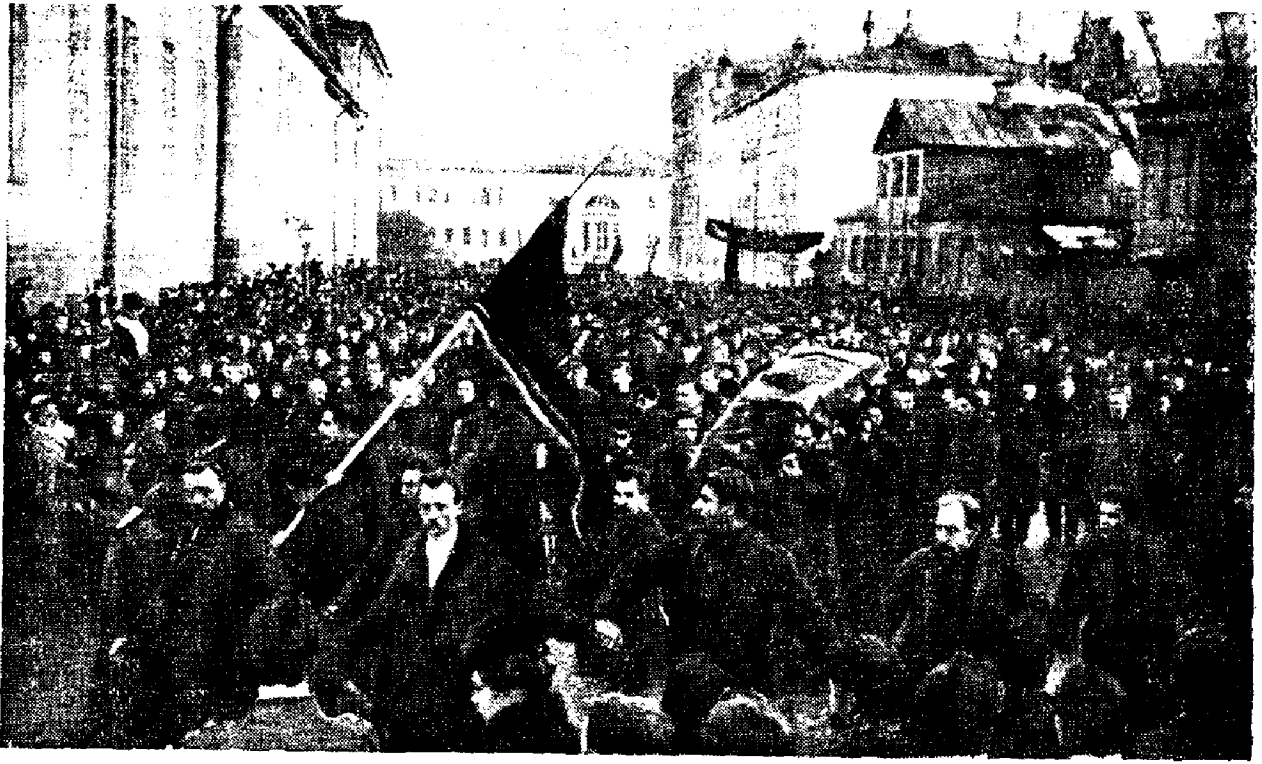
В Таганской тюрьме Бауман провел почти 16 месяцев. Расправиться с ним так, как этого хотелось, охранники не могли вследствие быстро нараставшей революционной волны, но выгнать его из своих лап они также не желали. Объявленная царским правительством в 1904 году частичная амнистия не была применена к Бауману под тем предлогом, что он бежал из ссылки.

В чиновных верхах дебатировался иной вопрос. В июне 1904 года, еще до ареста Баумана, было отдано «высочайшее» повеление об административной ссылке на длительные сроки участников побега 18 августа 1902 года. К этому времени несколько бежавших уже находилось в руках полиции; в отношении прочих приговор был вынесен заочно. Согласно этому приговору, Бауман подлежал ссылке на пять лет в Восточную Сибирь.

Министерство внутренних дел намеревалось тотчас отправить туда Баумана. Но министерство юстиции воспротивилось этому: оно хотело устроить крупный процесс над Бауманом и его помощниками по тайной типографии. Министерства не могли договориться.

Уже в конце сентября 1905 года това-

¹ Архив Музея революции в Москве. Большая часть писем из этого архива опубликована в сборнике «Николай Эрнестович Бауман».

Похороны Н. Э. Баумана 20 октября 1905 года.

Музей революции СССР.

риц министра юстиции адресоват следующее секретное отношение «Господицу товарищу министра внутренних дел, заведывающему полицией»:

«Вследствие отношения от 6 текущего сентября за № 4183, имею честь уведомить ваше превосходительство, что водворение ныне же в место высылки запасного ветеринарного врача... Баумана, во исполнение состоявшегося о нем 16 июня Высочайшего повеления, вызвало бы существенные затруднения для своевременного слушания московской судебной палатой находящегося в ее рассмотрении дела по обвинению поименованного Баумана по 1 ч. 126 ст. уголовного улож.

Ввиду сего, я не находил бы возможным присоединиться к мнению вашего превосходительства о немедленном обращении к исполнению помянутого высочайшего повеления»¹.

Точка зрения министерства юстиции возобладала. Решено было оставить Баумана в Москве для вынесения ему «по совокупности» нового, более сурового приговора.

Однако тут в дело вмешался непредвиденный фактор. Общее политическое положение в стране сильно изменилось, и это чувствовали даже заключенные в Таганке. Один из испроцов, сидевший в это время в Таганской тюрьме (Сильвин), вспоминал: «За высокие стены и крепкие затворы Таганки к нам все же доносилось веяние

живой, свободной, могучей жизни пробудившегося народа... «Москва всколыхнулась, Москва воскресла», — повторяли мы друг другу. Все говорило о приближении грозного, великого исторического момента».

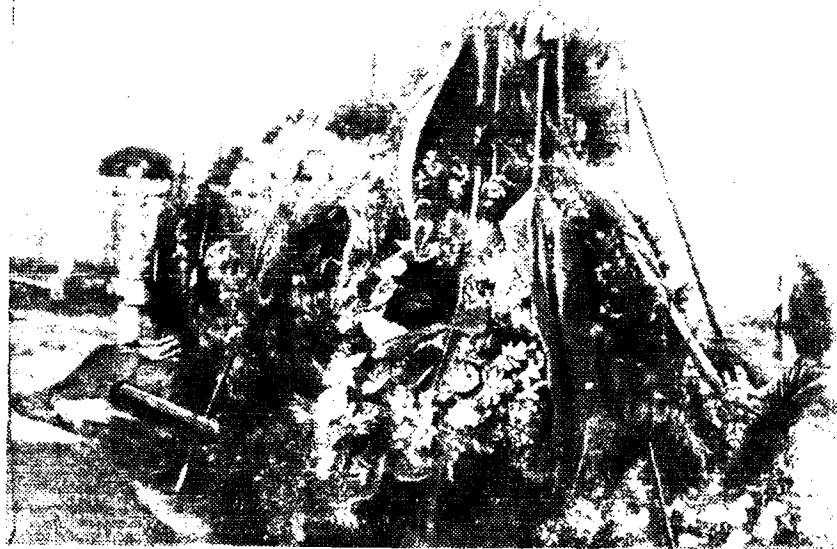
Осенью 1905 года революционное движение достигло огромного размаха и правительство принуждено было идти на временные уступки, маневрировать, чтобы не раздражать общественного мнения. Одной из таких уступок являлось освобождение под залог политических заключенных. Сопродессники Баумана были освобождены еще в сентябре; его не выпустили (несмотря на то что судебная палата вынесла постановление об его освобождении под залог и под подписку о невыезде). Но в начале октября пришлось открыть тюремные верога и перед Бауманом.

10 октября — за неделю до общей амнистии — он оказался, наконец, на свободе и сразу с головой окунулся в бурливую революционную стихию. Бауман был немедленно включен в состав Московского комитета партии и принял самое деятельное участие в разрабатывавшихся событиях.

По словам видевших его в те дни, он был полон энергии, полон радостной веры в будущее. И тем трагичнее был неожиданный ужасный финал.

17 октября был обнародован пресловутый «высочайший» манифест. Либералы торжествовали; вечером этого дня их представитель явился в Техническое училище, где помещался социал-демократический

¹ Архив революции, фонд 102, дело 2165, ч. 3-я, лист 32, 1904.

Могила Н. Э. Баумана 20 октября 1905 года.

Музей революции СССР.

штаб. «Революция победила», — ликующе заявил он. «Борьба только началась», — ответили большевики. Ни для Баумана, ни для Шанцера-Марата, ни для кого из других руководителей большевистской организации не было сомнений в истинном характере «конституционной хартии».

Основную свою задачу большевики видели в организации масс, в подготовке их к предстоящим боям.

Утром 18 октября из стен Технического училища (ныне МВТУ имени Баумана) вышла многочисленная группа, ставившая себе целью пройти к Таганской тюрьме и освободить оставшихся еще там политических заключенных.

Предпринятое большевиками публичное освобождение политических носило характер демонстрации. Бауман, прирожденный массовик-организатор, стремился вовлечь возможно большее количество рабочих в ряды демонстрантов.

Понюдалеку от Технического училища, перед воротами фабрики братьев Шаповых (в настоящее время фабрика имени Балакирева), стояла толпа рабочих, не решавшихся примкнуть к демонстрации.

Бауман не выдержал. Отделившись от товарищей, он вскочил на проезжавшую мимо пролетку и, взяв в руки красное знамя, направился к рабочим. В этот миг из среды теснившихся на тротуаре обывателей вынырнул невзрачный человек; победив к пролетке, так что Бауман его не видел, он вдруг нанес ему страшный удар железной палкой по голове. Бауман выпустил из рук знамя и опрокинулся навзничь. Убийца нанес ему второй удар по голове и попытался скрыться, но был задержан полуспевшими рабочими.

Залитого кровью Баумана перенесли в ближайшую амбулаторию. Но медицинская

помощь оказалась бесполезной: не приходя в сознание, Бауман скончался.

Через два дня состоялись его похороны. Москва не видела еще столь грандиозной демонстрации. В своих воспоминаниях М. Я. Лядов пишет: «Сколько было участников похорон? В этом отношении мнения сильно расходятся. Помню, буржуазные газеты, в том числе «Новое время», считали, что участвовало не менее 300 тысяч. Можно смело сказать: участвовала активно или пассивно вся Москва. Толпа любопытных зрителей буквально смешалась с активными участниками. Публика на тротуарах организовалась так же стройно, как и рабочие и учащиеся, активно пришедшие в колоннах; публика не стояла на тротуарах, а шла стройными рядами за цепью. Охранка не прекращала своей работы. Между толпой шныряли подозрительные типы, которые распространяли всякие тревожные слухи»¹.

Черные силы не решились напасть на трехсоттысячную демонстрацию. Но на обратном пути с Вагальковского кладбища большая группа студентов и рабочих подверглась внезапному обстрелу со стороны засевших в Манеже (на Моховой улице) казаков и полицейских. Несколько десятков человек было убито и ранено.

Московский комитет РСДРП(б) выпустил в связи с убийством Баумана листовку. «Заслуги покойного перед нами были велики, — писалось в листовке. — но не будем говорить о них, мы все теперь стоим лицом к лицу со смертью, и каждому, кто мужественно погибнет на своем посту, — вечная память и слава».

¹ М. Лядов «Из жизни партии в 1903—1907 годах». Воспоминания.

Тело А. С. Баумана похоронено
в Москве, в какой-то церкви убито там
самыми же друзьями в Петербурге,
похоронены там же 17 мая 1905 г.,
а похоронены там же в Москве, но
какая-то грубого характера — там
остатки для обличения свободы, но
в Петербурге сама оставлена в руках
похоронены? Не похоронены ли в
самом деле для «похоронен», но
васильевские и другие разоблачили
всю историю похоронен?

Рукопись некролога, написанного В. И. Ленинским
по получении известия об убийстве Баумана, 1905 г.

По всей стране прокатилась волна возмущения полным убийством. На улицах, в домах, в прессе — всюду говорили только об этом. Имя Баумана было в эти дни синонимом революции.

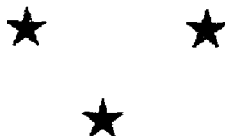
Реакция стягивала свои силы.

Влияние реакционных сил сказалось и в том, как сложилась судьба черносотенца Михалица, убийцы Баумана. Суд приговорил его к ...1½ годам тюремного заключения. Но даже этот приговор показался реакционерам чересчур суровым. В первые же дни после ареста Михалица «союз русского народа» оказал давление на следственные органы с целью освобождения Михалица.

Шоаботились об убийце московский гу-

бернатор Гершельман и министр юстиции Шегловитов, ходатайствовавшие о помиловании его. Николай II удовлетворил эту просьбу, и Михалица был амнистирован, отбыв около половины положенного ему срока (заодно Михалица был освобожден от наказания за совершенную им мелкую кражу: неудобно же было судить как вора человека, которого черносотенцы усердно старались представить «плеинным» убийцей).

За кровь Баумана отомстил народ. Злодейское убийство Баумана и его похороны бросили в ряды революции новые десятки тысяч трудящихся. Двенадцать лет спустя народ смел Николая II с его приспешниками.

А. Якунин

Исатай Тайманов, ВОЖДЬ национально-освободительного восстания казахов в 1836—1838 годах

1

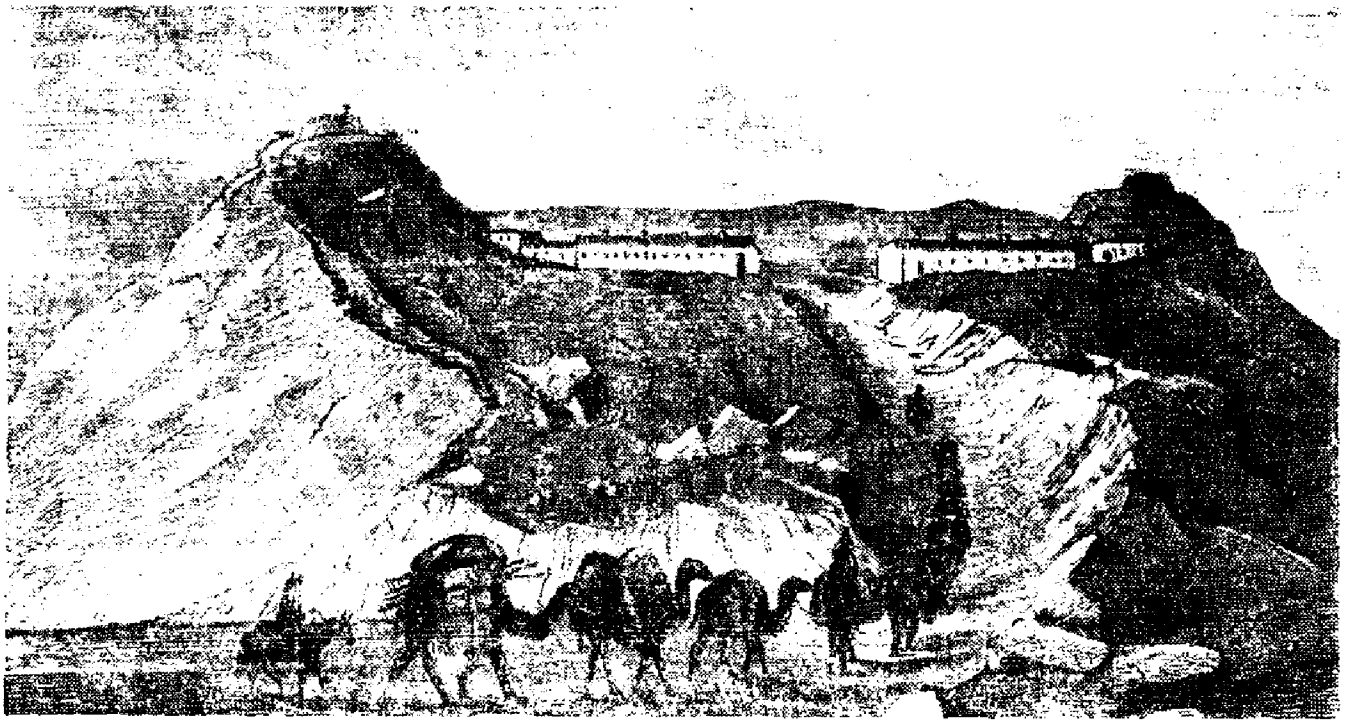
Казахстан в начале XIX века был раздроблен на самостоятельные орды во главе с ханами, между которыми шла постоянная борьба. Используя междоусобицы казахских ханов, на казахскую степь нападали с востока джунгары, с севера — башкиры, с югозапада — калмыки и среднеазиатские ханы. Казахские орды: Малая, Средняя и Большая — представляли собою своеобразные феодальные союзы, в состав которых входили, кроме казахов, и другие народы: киргизы, узбеки, каракалпаки.

Общественным строем у казахов был феодализм, на который наложило своеобразный отпечаток основное занятие казахского населения — кочевое скотоводство. Основными классами казахского общества были класс феодалов, так называемая «белая кость» (ханы, султаны, бан-родоправители, бии), и класс крестьян, эксплуатируемых феодалами кочевников-скотоводов, которых называли «кара», то есть «черная кость». Кроме полузависимых крестьян-скотоводов были и полностью зави-

симые от феодалов рабы и тюленгуты¹. Казахские орды делились на роды, а роды — на колена. Во главе каждого рода стоял родовой старшина — бай, или султан. В руках баев, или султанов, была вся политическая власть. Феодал собирал со скотоводов налоги в пользу хана — «зьякет» и «сугум». Крестьяне были обязаны пасти скот феодалов и несли другие повинности.

Особенностью казахского феодализма было то, что феодальные отношения переплетались с пережитками патриархально-родового быта. Феодалы умело использовали эти пережитки для укрепления своей власти. Пастбища принадлежали как бы всему роду, но действительными хозяевами пастбищ были феодалы. Они устанавливали районы и порядок кочевания родов. Каждому роду отводилась определенная территория, указывались места зимних стоянок и выпасов, путь летнего кочевания и возврата на зимнюю стоянку. Коче-

¹ Тюленгуты — военная дружина хана, состоявшая из зависимых людей и военнопленных.

Актыубинское укрепление. С гравюры XIX века.

Музей народов СССР.

вать приходилось на большие расстояния, и бедняки-казахи обязаны были пройти этот путь вместе со своими баями. Если у бедняка не было своего вьючного скота, то он получал вьючный скот у бая и за это был обязан части байские стада.

Сильные роды вытесняли слабые роды с лучших пастбищ. Конфликты между родами, возникшие из-за пастбищ, чаще всего решались силой.

Общинно-родовое землепользование, связанное с кочеванием, было основой патриархального казахского рода. С кочеванием было связано и сохранение родовых традиций. Используя родовые пережитки, байство закабаляло и политически угнетало трудящиеся массы. Калым (выкуп за невесту) и уплата равноценного калыму приданого были не чем иным, как куплей-продажей девушки. Для эксплуатации трудового казахского населения бай использовали и другие пережитки родового быта, как например родовую помощь, прием в род чужеродца и т. д.

В XIX веке феодальные отношения продолжали развиваться. Появились феодалы и из представителей «черной кости». Усилилось разорение крестьян-кочевников и их зависимость от феодалов. Появилась частная собственность на землю. Пастбища, принадлежавшие ранее родам, захватывались феодалами и превращались в их личную собственность. Появились байгузи, или келен, — бедняки, работавшие в хозяйстве баяв в качестве батраков. Они пасли байский скот на байских землях. Тюленгуты попали в положение крепостных крестьян. Байское хозяйство превращалось в товарное хозяйство. Бай постав-

ляли скот и продукты своего хозяйства на русские и среднеазиатские рынки.

Развитие товарного и денежного обращения усложняло феодальные отношения, приводило к обострению классовой борьбы между феодалами и крестьянами. Разоренные, лишенные скота казахи вынуждены были идти в кабалу к баям. Бедняки, имевшие мало скота, стремились осесть на землю и заняться земледелием, так как прокормиться с малым количеством скота их семьи не могли.

2

В тридцатые годы XIX века царизм завоевал и политически подчинил значительную часть территории Казахстана. Устав Сперанского «О сибирских киргизах» (1822 год) был первым серьезным шагом колонизации казахских степей. «Устав» имел целью известное ограничение политических прав ханов, султанов и других правителей, установление контроля русских чиновников над деятельностью казахских султанов-правителей.

Казахстан был разделен на округа. Округа делились на волости, а волости — на аулы. В волость входило от 10 до 12 аулов, каждый аул состоял из 50—70 кибилок. Одни округа назывались пограничными, другие — близлинейными. В «Уставе» Сперанского говорится: «Пограничные округа те, которые имеют соприкосновение с землями, от России независимыми. Устанавливается правило, чтобы число сих было сколь возможно менее. Близлинейные округа суть те, кои прилегают к настоящим сибирским линиям. Устанавливается

правном, чтобы число сих округов было скалько возможно более» (статья 12-я к 13-я).

Целью «Устава» Сперанского являлось продвижение русских границ в глубь степи. Сибирская «линия» (полоса пограничных казачьих станиц) должна была продвигаться вперед, пока она не совпадет с «действительной государственной границей», то есть с Памиром.

Управление округами находилось в руках «окружных приказов». В состав каждого «приказа» входили старший султан, два российских заседателя, назначаемых областным начальником, и два заседателя из «почетных киргизов», то есть баяв. Волостями управляли султаны, аулами — старшины.

Ханское достоинство было упразднено, внутри степи были организованы «приказы». В «Уставе» объявлялось, что «вся степь киргиз-кайсаков принимается под особое покровительство правительства».

В 1801 году была образована Букеевская, или Внутренняя, орда, расположенная между Астраханской и Саратовской губерниями и землею уральских казаков. Внутренней она называлась потому, что была расположена на внутренних землях империи, а Букеевской — по имени хана Букея, которому Павел I разрешил перейти из-за Урала на эти земли со своим Баулинским родом. Царское правительство разрешило образование новой, Букеевской орды, так как этим раздроблялись силы казахского народа и облегчался захват казахских земель.

Букеевская орда имела 5 миллионов 600 тысяч десятин удобной земли. На этой территории кочевало 10 1/2 тысяч кибиток — 52 тысячи душ населения обоего пола. В 1823 году ханом Букеевской орды стал Жангер-хан. Он проводил в степи политику русского начальства. Жангер-хан снимал родоначальников и старшин, пеугольных ему, производил изъятие и перераспределение земель и кочевок, передавал родовые земли своим ставленникам. 4 1/2 миллиона десятин земли попали в руки крупных землевладельцев-феодалов.

Тесть Жангер-хана — Караул-ходжа Бабджапов — владел 700 тысяч десятин земли. Сам Жангер-хан имел 400 тысяч десятин лучшей земли по реке Торгун. Другие феодалы также захватили по нескольку сот тысяч десятин. Оставшиеся земли попали в руки мелких баяв и султанов, а незначительная часть оставалась в общинном пользовании у бедняков-скотоводов.

Русские помещики также захватывали казахскую землю. Помещик Безбородко владел по побережью Каспийского моря

Казак на соколиной охоте. С гравюры XIX века. Музей народов СССР.

199 579 десятинами земли, помещик Юсупов имел 124 050 десятин.

Хан, султаны, бай и муллы были и самыми крупными скотовладельцами. Жангер-хан имел 4274 лошади, 232 верблюдов, 17 097 овец и коз и 719 голов рогатого скота. Его брат Мингли Гирей имел 2400 лошадей, 80 верблюдов, 3500 баранов.

Русское владычество привело к еще большему разорению трудящихся казахов. Кроме прежних налогов — зякета и сугума — в пользу хана и различных поборов в пользу других феодалов казахские крестьяне несли почтовую повинность и уплачивали сборы за билеты, выдававшиеся царскими чиновниками. Например билет на отлучку стоил 50 копеек.

Феодалная знать была освобождена от поборов и повинностей. В одном из документов говорится: «От взносов зякета и сугума, равно и других сборов, освобождаются султаны по праву происхождения их от белой кости, то есть от хана Пурани. После них следуют ходжи и бии, почитающиеся также за благородных, затем хан уволил от повинностей мулл, как священнослужителей, а наконец, постепенно позже, уже в 1825 году, создал сословие тархавов (помещиков), которых освободил от таковых повинностей, и старшин, управляющих отделениями»¹.

Дифференциация среди кочевников-казахов усилилась. Об этом свидетельствуют

¹ КазЦАУ, фонд 78, дело 49, лист 37.

Женщина за домашней работой. Казахстан XIX века.
Музей народов СССР.

давние об имущественном состоянии трудового казахского населения, заимствованные из «Ведомости о киргизах» за 1831 год: по Букеевской орде взято 159 кибиток, или 146 хозяйств, насчитывающих 820 душ. Все эти хозяйства имели 898 голов рогатого скота, 3592 баранов и 88 коз. 33 хозяйства не имели лошадей, 41 хозяйство имело лишь по одной лошади, 70 хозяйств — до 10 лошадей, 12 хозяйств — более 10 лошадей. Только 2 хозяйства имели по 100 лошадей. 61 хозяйство скота совсем не имело.

Лишенные земли, трудовое казахское население вынуждено было идти в кабалу к баям и русским кулакам — переселенцам. «Многие люди, — говорится в одном из документов, — за недостатком в орде земель или вовсе не имея таковой, принуждены жить у русских в пастухах и работниках. Многие хозяева, особенно по Нижне-Уральской линии, держат их до 100 и более человек».

Обезземленные, лишенные земли трудящиеся казахи платили оброк русским помещикам за пользование пастбищами, захваченными колонизаторами. Земли по реке Уралу были переданы уральским казакам. Казахам не только запрещали пользоваться землями, годными для выпаса и сенокоса: им воспрещалось также брать соль из солевых озер, косить камыш и так далее.

Большинство казахов, живших у города Гурьева, занималось на полужонную работу. Несмотря на ничтожную оплату труда, желающих получить работу всегда было больше чем мест.

Казахи пытались жаловаться оренбургскому генерал-губернатору на притеснения и издевательства со стороны султанов и баев. Вот одна из этих жалоб:

«Ныне положение наше время от времени приходит в худшее состояние от того, что хан Жангер Букеев не делает справедливого суда и мы как бы не ограждены никаким законом, подвергаемые обидами и притеснениями, которые переносить далее не имеем возможности; потому что султаны и бай нас совершенно угнетают: обирают у нас скот, имущество и, кроме оказываемой ими простому народу пренебрежения, причиняют побои и даже наносят раны. Распоряжаются, кто как вздумает: султаны делают свои распоряжения, а бай свои и жалобы на них не принимаются»¹.

Но жалобы не улучшали положения казахов. Чаще всего начальство на жалобы не отвечало.

Царские чиновники помогали хану, султанам и баям угнетать казахский народ. Массы находились под двойным гнетом: «своих» феодалов и русских помещиков, купцов и чиновников.

Колониальный внет царизма и безудержная эксплуатация баев, помещиков и кулаков вызвали в 1836—1838 годах массовое движение казахов.

Восстание 1836—1838 годов было по своему характеру национально-освободительным, антифеодальным, антиколониальным движением. Оно было направлено против «своих» феодалов и против гнета русского самодержавия.

Во главе национально-освободительного восстания 1836—1838 годов стали Исатай Тайманов и его друг народный певец Махамбет Утемисов, сложивший замечательные песни о вожде казахского народа и его героической борьбе.

Эти песни дают нам отчетливое представление о классовом характере и целях движения 1836—1838 годов:

«Был тогда я доблестным героем,
Находил я при Исатае.
Леопардами мы были оба, —
И какой тогда казахский воле
Состязаться бы посмел со мною?
Ханов я хотел, тебе подобных,
Биев толстобрюхих — обезглавить,
Их брать верблюдом заставляя,
Чтобы с поднятою кверху мордой
Выли, сан своей прежний вспоминая.
Заселить хотел мой народом
Берег Волги, что богат дугами,
И заполнить поселения эти
Конскими без счета табунами»².

¹ КазЦАУ, фонд 4, дело 2093.

² «Песни степей». Антология казахской литературы под редакцией Леонида Соболева, стр. 257. Гослитиздат. 1940.

Лагерь казахов в степи. С гравюры XIX века.

Музей народов СССР.

Программа совершенно ясная — перебить ханов, баев, расселить народ на просторах волжских берегов, зажить свободной кочевой жизнью. Как это похоже на пугачевские воззвания: «Жалую вас землями, угодьями, сенокосами и рыбными ловлями, а помещиков казнить и вешать!»

* * *

Исатай Тайманов, организатор и руководитель движения, был старшиной Бершева рода. В звании старшины он был утвержден официально пограничной комиссией в 1812 году. Жангер-хан не любил Исатая за его влияние на массы. В исторической песне Игилмана Шурекова «Исатай и Махамбет» Жангер-хан, обращаясь к Исатаю, говорит:

«Исатай, упорный смутьян,
Неблагодарный, вот ты каков!
Чернь презренная ты, казах!
Если мне поможет аллах,—
Изгоню я тебя, злодей,
За пределы моих степей!..
Я смирю смутьянов лихих,
Задую в зародыше их!
Раз я хан, — покорись царю!»¹

Но когда движение развернулось, хан Жангер, не надеясь на аллаха, просил оренбургского генерал-губернатора о помощи войсками. Хан во всем обвинял Исатая

¹ Повстанческие песни казахов XIX века, стр. 14. Казкрайогиз. 1936.

как главного руководителя, «смутьяна», «зачишника». «Исатай,— писал Жангер-хан,—никогда не отличался хорошей нравственностью, был очень беспокойным человеком, всегда мучил народ».

Махамбет, друг Исатая, писал о нем: «Орел мой, летящий шад цепью гор!.. Мой сокол крылатый, как ты был тверд! В борьбе беспощадной—бесстрашен, горд!.. Как красный китайский шолж, ты сверкал, Толпу, как в Хиве базар, привлекал! Глубок, словно море, ты был умом, Спокоен и тверд на пути своем!»²

Махамбет Утемисов также принадлежал к Бершеву роду. Он знал арабскую и русскую грамоту, что являлось тогда редкостью.

Жангер-хан назначил его старшиной в 1834 году, но пограничная комиссия отказалась утвердить это назначение. Царские чиновники не доверяли Махамбету и боялись его, так же как Жангер-хан боялся Исатая. Махамбет славился как искусный акын (народный певец) и агитатор. В своих песнях Махамбет пел об ужасном положении казахской бедноты, о насилиях и произволе ханов, баев, султанов и царских чиновников.

Махамбет разезжал по аулам, агитировал, поднимал народ на восстание. Он звал Исатая на путь вооруженной борьбы против хана и всей «белой кости», против российских колонизаторов. Исатай не сразу стал на этот путь: до сближения с Ма-

² Там же, стр. 21.

Допрос пленного казаха царскими чиновниками. XIX век.

Музей народов СССР.

хамбетом Утемысовым он боролся против бесчинств и произвола тестя Джангер-хана — управителя Караула-ходжи, в котором видел виновника всех бедствий казахов. Еще в 1835 году Исатай добивался, чтобы хан снял Караула-ходжу с должности родоначальника и управителя Адаевского рода прикаспийских казахов.

Но, когда в 1836 году восстали народные массы, их возглавили Исатай и Махамбет. Призывая народ к борьбе, они предупреждали, что она будет длительной и упорной:

«Не стреляя наверняка,
 Не обращая в бегство врага,
 Не владея фитильным ружьем,
 Не посылая стрел дождем,
 Стрел с отточенным острием,
 Широким, словно лопатки ягнят,
 Не обрвав вив клинок стальной
 Сабля по самый эфес золотой,
 Не оседлав боевого коня,
 Не пригибаясь к луке, гоня
 По степи, коньком о стремя звеня,
 Не рассекая грудью ветров,
 Пока не истлеет потник до основ,
 Чепрак не истреплется до лоскутков,
 Не насыщаясь шестью малта,
 Не проводя в походах года
 (Вернешься — у сына уже борода),
 Не проскакав всю жизнь на коне,
 Не господая в чужой стороне,
 Не испытав всех лишений вполне,
 Не забыв мяса свежего вкус,

По отказавшись от мягких одеял,
 Не падая один на врагов,
 Не унывая в холод и мрак,
 Не оседлав коня кое-как,
 Не засыная на камнях порою,
 Не превращаясь в бродягу-бойца, —
 Может ли цели достигнуть герой?»¹

Эту замечательную песню-призыв пели позже казахи, восставшие в 1916 году под руководством Амангельды Иманова.

Восстание Исатая и Махамбета охватило почти всех казахов Букеевской орды. Оренбургский генерал-губернатор Перовский донес о восстании казахов Николаю I. Царь потребовал беспощадной расправы с восставшими.

В 1837 году движение достигло своей высшей точки. Восставшие захватывали земли и скот ханов, султанов, баев и старшин — приверженцев хана Джангера.

Джангер-хан потребовал присылки русских войск и в то же время обратился к султанам за помощью против Исатая.

Отряд Балка-бая — одишаульца Исатая — разгромил его улус.

В степь были посланы русские войска под командой атамана Покотилова, но этот отряд ничего не смог сделать. Движение росло и крепло. Все аулы вокруг ханской ставки восстали, и хан бежал в Оренбург под защиту генерала Перовского.

¹ «Песни степей», стр. 246.

В октябре 1837 года Перовский послал большое количество войск под командой полковника Геке. Царские войска тремя колоннами двигались от Глинского форпоста по направлению к ханской ставке. К первым числам ноября Исатай окружил ханскую ставку и держал ее в осаде. В ноябре вся степь была охвачена восстанием. Началось движение и в Зауральской орде. Перовский послал в степь подкрепления. Полковнику Меркульеву было приказано разгромить аул Исатай. Султан Зауральской орды Айчуваков получил приказание заградить своим отрядом Исатаю путь за Урал.

Возле ханской ставки произошло крупное сражение. Восставшие начали теснить русские войска. Тогда Геке выдвинул вперед артиллерию и начал стрелять картечью. Восставшие не выдержали и отступили к Парыи-пескам. В этом бою Исатай был ранен в руку. Во время боя был убит 20-летний сын Исатая — Ахай.

Царские войска преследовали Исатая.

15 ноября произошло второе сражение в урочище Тас-Тюбе. После этого боя восставшие решили прорваться за Урал. 13 декабря возле Яманхалинского форпоста и Баксайской крепости Исатай прорвался через пограничную охрану за Урал. Начались выступления казахов в местностях Акбулаке, Есиле, Пуре, Кокчатау, Кустанае, Тургае.

Арало-каспийские казахи готовились выступить во главе с батыром Юсупом. Кустанайцы напали на горскую линию и разгромили два укрепления.

Зауральская орда готовилась присоединиться к Исатаю. Казахи Илецкого бассейна создали многочисленную армию во главе с батыром Жаломаном. Северовосточные казахи также готовились выступить. Развертывалось освободительное восстание султана Кенисары Касымова. Вся степь была поднята на ноги.

Николай I послал Перовскому и князю Горчакову письмо, в котором требовал быстрого и решительного подавления восстания. Местные султаны и бай организовали отряды для помощи царским войскам. За голову Исатая была назначена награда в тысячу рублей.

К этому времени движение в Букеевской орде было ликвидировано. Для подавления восстания были брошены значительные силы. Царские войска стягивались в Зауральскую степь. Против повстанцев, боровшихся во главе с Жаломаном, действовал отряд Ядринцева.

Генерал-губернатор Горчаков послал из Омска два отряда через Петропавловск и

Акмолинск. Астраханскому губернатору было приказано быть начеку в случае нового выступления букеевцев.

Одноаулец Исатая Балка-бай — предатель казахского народа — вел войска Геке по степи, указывая им путь отступления Исатая. Балка-бай пронык к Исатаю и предательски уговаривал его капитулировать. Он уверял, что Геке и Айчуваков намерены вести переговоры и поступать не будут, а тем временем царские войска окружали Исатая. Исатай приказал арестовать Балка-бая, но предатель Кани-Галий Пшимов уговорил Исатая не трогать Балка-бая.

12 июля 1838 года в урочище Кяялы, у устья реки Акбулак, завязался бой. Здесь был убит Исатай. Друг Исатая — Махамбет — погиб в 1846 году от рук убийц, подсланных султаном Айчуваковым. Восстание было подавлено.

* * *

Восстание 1836—1838 годов было стихийным выступлением угнетенных масс. Оно носило местный характер. Начавшись в Букеевской орде, оно не распространилось одновременно на другие районы, и царские войска могли громить его по частям. Восставшие казахи не могли устоять против хорошо вооруженной регулярной царской армии.

У восставших масс не было тогда союзника и руководителя в лице рабочего класса, а без союза с рабочим классом и без его руководства крестьянское движение не могло победить.

Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, под руководством партии Ленина — Сталина, трудящиеся массы Казахстана при помощи великого русского народа сбросили с себя вековой гнет и стали хозяевами в своей стране.

Казахский народ при помощи русского пролетариата превратил отсталый, колониальный Казахстан в передовую социалистическую республику.

Казахский народ не забудет своих героев, поднявшихся в XIX веке против власти ханов, султанов, баев и царя. Восстание казахов, возглавленное Исатаем и Махамбетом, было разгромлено и потоплено в крови, но память о нем живет в казахском народе:

«Мы помним восстание против Джангера,
Когда против хана поднял Исатай
Степной, изнуренный, пестерзанный край»

(Д ж а м б у л).

Новые материалы по истории классовой борьбы в древнем мире в III—II веке до нашей эры

В ряду источников по истории древней Греции весьма значительное место занимают греческие папирусы, массовые открытия которых в Египте начинаются с конца XIX века.

Что такое папирус?

В низменных, болотистых местах по берегам реки Нила и в самой воде растет в изобилии особое травянистое растение из семейства осоковых, известное под названием папируса (ботаническое наименование — *Cyperus Papyrus L.*). Сердцевина этого растения шла в древнем Египте на изготовление письменного материала. Крупные, толщиной в руку стебли, изобилующие сердцевинною мякотью, разрезались острыми ножами на тонкие продольные полосы, которые смачивались и потом плотно укладывались на гладкую доску. Поверх этих полос, попереки, накладывался другой слой сердцевинны. Затем все эти слои скреплялись особым клейким веществом, спрессовывались вместе и высушивались на солнце. Полученные таким образом страницы склеивались в длину и свертывались в свиток.

Папирусы содержат в себе произведения научной и художественной литературы, документы (законы, указы и распоряжения правительства, судебные решения, календари, векселя, квитанции, акты о купле-продаже, договоры, счета, частную переписку, иски и жалобы), ученические записки и т. д.

Найденные в Египте за последние десятилетия греческие папирусы проливают новый свет на все стороны государственной, общественной и частной жизни так называемой эллинистической эпохи, т. е. времени, охватывающего III и II века до нашей эры; они также освещают период господства Рима, Византии и арабов в Египте.

Эти папирусы содержат разнообразнейший исторический материал и рисуют яркие картины жизни прошедших веков и погибших народов. Это придает огромное значение и особый интерес ознакомлению

с папирологическим материалом¹. В частности папирусы рассказывают нам полную глубокого драматизма повесть о долгой и упорной борьбе угнетенных слоев населения эллинистического Египта с угнетателями.

Положению рабов и крестьян в стране, в которой вся экономическая жизнь была построена на жестокой эксплуатации рабов и крестьян господствующим классом, на суровой и детальной регламентации со стороны органов государственной власти, было крайне тяжелым. Крупные земельные собственники, владельцы мастерских, царские чиновники, откупщики выжимали последние соки из непосредственных производителей. Откупщики и чиновники собирали налоги, следили за работой мастерских и за домашним кустарным производством, имевшим не потребительский, а рыночный характер. Крайняя бюрократизация всей государственной и хозяйственной жизни, чудовищная эксплуатация трудящихся масс, огромные поборы, реквизиции, принудительный труд вызвали обнищание крестьян и ремесленников. Рабы вели жалкое существование, подвергаясь всяческим унижениям и жестоким наказаниям. Это создавало обостренные отношения между эксплуататорами и угнетенными как в городах, так и в деревнях. Выведенные из терпения, крестьяне и невольники прибегали к различным формам классовой борьбы, требуя улучшения своего невыносимого положения, бросая работы и убегая из помещий, а иногда открыто палая на управляющих имениями и откупщиков.

О том, до каких пределов доходила эксплуатация непосредственных производителей в эллинистическом Египте, красноречиво говорят вновь найденные папирусы:

¹ Более подробные сведения о папирологии как новой отрасли источниковедения можно найти в следующих трудах: А. М. Придих «Греческие папирусы», Варшава, 1907; В. П. Бузескул «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира», стр. 81—109. Ч. 2-я. Петроград, 1924.

крестьянин, арендуя клочок земли и получая посевной материал, должен был уплачивать 100% или даже 150% с предоставленной ему ссуды.

Тот, кто оказывался не в состоянии вернуть долг, терял свое имущество; равным образом несли строгую ответственность и его поручители. Сельское население и рабы терпели горькую нужду. Бедняки жалуются: «Не получая ничего, мы лишены самого необходимого».

Каковы были формы эксплуатации непосредственных производителей в эллинистическом Египте? Папирусы рисуют нам яркую картину всевозможных поборов, несправедливостей и притеснений со стороны чиновников, управляющих и откупщиков. Жалованье рабочим систематически задерживалось, причем задержка эта тянулась нередко в течение многих месяцев. Так например одна работница не получала жалованья за 4 месяца; на то же жалуются сельскохозяйственные рабочие, трепальщики и другие. Девушка-кифаристка (т. е. арфистка), по имени Сатира, живущая в александрийской усадьбе крупного вельможи Птолемея II, Аполлония, жалуется, что она с матерью не получает уже больше года одежды и жалованья (258 год до нашей эры). Рабочие возмущались этой задержкой жалованья, о чем сообщается в одном донесении. Особенно интересно в этом отношении письмо Аминты Зенону, секретарю упомянутого Аполлония (257 год): «И раньше мы писали тебе, что рабы надоедают нам, требуя содержания; вот и сейчас они просят выдать им что-нибудь во избежание нарушения дисциплины». Таким образом, в этих документах чувствуются глухое недовольство и угроза массового возмущения.

Тяжкие поборы и вымогательства, злоупотребления и произвол господствовали в эллинистическом Египте, где преки-колонизаторы угнетали массу коренного населения. Некто Патеклон сообщает Зенону, что он передал в собственность греку Аристоклему дом солдата-египтянина. Узнав, что последний намерен жаловаться на эту обиду Аполлонию, автор письма просит Зенона содействовать тому, чтобы жалобе не был дан ход. Управитель Филиск незаконно взыскал с Массиха 266 драхм и 4 обола, на что последний жалуется чиновнику Диотиму. У Демократа Филиск потребовал без всякого основания 50 мер пшеницы.

Несмотря на крайне обременительные налоги и поборы каждый старался по мере сил внести в срок все подати, так как знал, что в противном случае ему грозила тюрьма, реквизиция имущества, нищета и голодная смерть. В одном письме читаем: «Я прилагаю все старания, чтобы

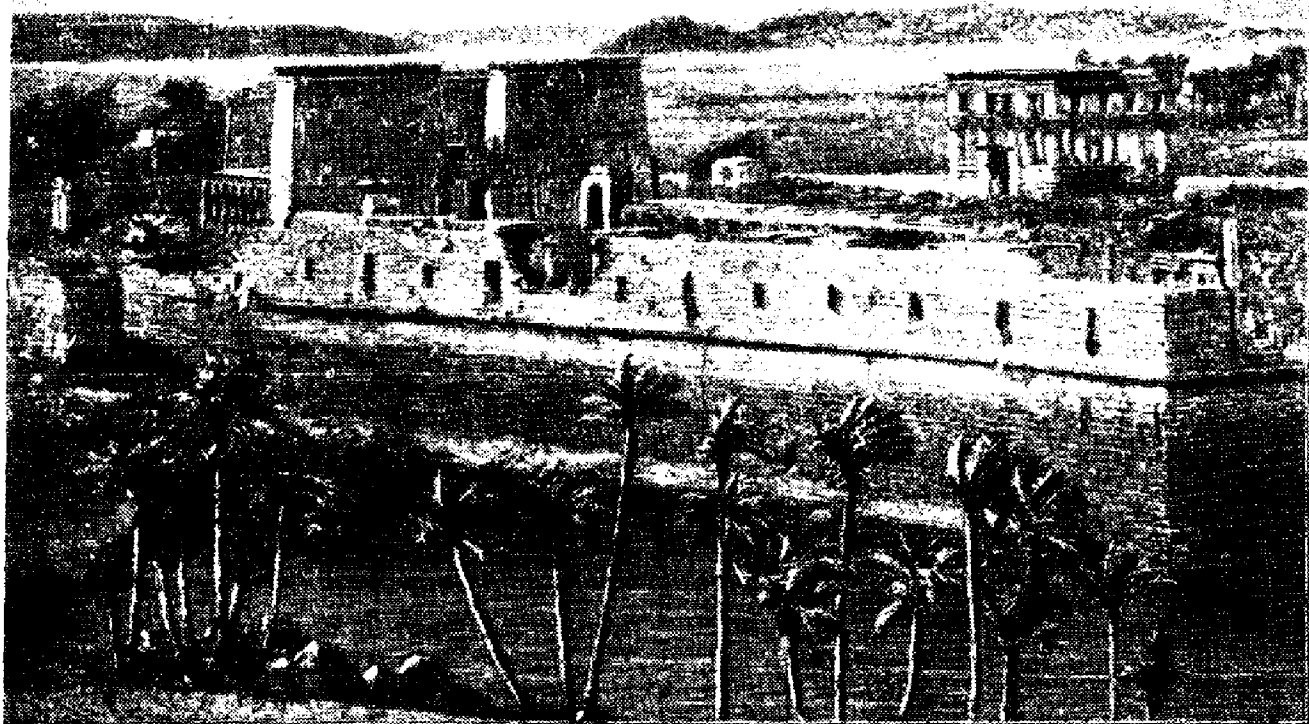
Изображение Птолемея на монете.
Берлинский монц-кабинет.

уплатить налоги в течение месяца, дабы ты не привлек меня к суду. Начальник стражи Леонтийск вопреки закону заставляет одних трудиться, а кирпичников, которые должны работать, защищает, потому что это ему выгодно». Рабочие не получают вовремя материалов. Люди жалуются на постоянные притеснения, на постой солдат.

Рабовладельцы знали об ужасных условиях жизни подневольного населения и иногда приказывали своим управляющим удовлетворить требования рабочих. Одно письмо содержит в себе просьбу, чтобы рабыня, убежавшая с ребенком, не подверглась грубому обращению. Владельцы требовали, чтобы управляющие не преследовали чрезмерно людей из-за неплатежа налогов. Аполлоний наказывает Фрасону и Парамону не обременять его крестьян в Таптии из-за налога на соль. Управляющий Дромон сообщает Зенону (о котором речь шла выше): «Согласно твоему письму, я приложу все старания к тому, чтобы никто из твоих людей не терпел притеснений». В письме одного помещика управителю прямо говорится: «И если ты не перестанешь злодействовать в деревне, то раскаешься».

Многочисленные обременительные повинности, незаконные захваты имущества, злоупотребления и пр. толкали угнетенные слои населения на протест против эксплуататоров, выразившийся в двух формах: 1) пассивной (оставление работы, побег) и 2) активной (нападение на приказчиков, управляющих и надзирателей, массовые волнения).

Явные признаки брожения среди работников разных категорий всплывают перед нами в новооткрытых греческих папирусах. Матросы просят оставить свою службу (письмо от 29 октября 258 года до на-

Храмовые постройки эллинистического периода. Остров Филе.

шей эры), садовники собираются бросить свою работу, если не получат жалованья.

Один папирус 257—256 года до нашей эры рассказывает нам об отказе от работы крестьян в Филадельфии: автор донесения сообщает Аполлонию, что крестьяне, не соглашаясь с произведенной оценкой засеянных полей, готовы были вовсе отказаться от посеянного. Они напоминают, что с ними было заключено ранее соглашение отдать им из урожая одну треть, и настаивали на сохранении этого условия (см. «Античный способ производства в источниках» — в дальнейшем «АСПН» — № 667 за 1933 год. Изв. Гос. Акад. ист. мат. к-ры). В одном заявлении изголодавшиеся рабочие пишут: «Если вы не дадите нам жалованья и хлеба, которых мы не получаем уже два месяца, то мы убежим, так как мочи больше нет терпеть».

Куда спасались эти беглецы? Некоторые пытались скрыться среди матросов или солдат. Так, Аминта пишет Зенону: «Сообщаю тебе, что новар, которого вы купили, захватив 80 медных драхм на покупку корма для лошадей, сбежал. Его встретили около Атлибиса. Он находится у кандалокийцев, которые там стоят лагерем. Прошу тебя приказать всем рабам и написать всем, кому ты считаешь это полезным, чтобы, когда наши посланцы его поймут, они помогли вернуть его к нам» (см. «АСПН» № 71).

Несмотря на жестокие наказания, ожидавшие беглецов, несмотря на крупные

суммы, обещавшиеся хозяевами в награду за поимку беглого раба или хотя бы за одно только указание его местонахождения, несмотря на ответственность принявших к себе беглецов побега рабов не прерывались. Яркой иллюстрацией юридического положения рабов в эллинистическую эпоху может служить папирус 156 года до нашей эры, текст которого мы приводим ниже почти целиком: «16 числа месяца эпаф сбежал раб Аристогена... по имени Гермона, он же Нил, родом сириец из Бамбикки, лет 18, роста среднего, безбородый, с крепкими икрами, с ямочкой на подбородке, с родинкой налево от носа и рубцом сверху от левого угла рта, клейменный на левом запястье двумя варварскими буквами, сбежал с монетами чеканного золота в три мины, десятью жемчужинами, с железным кольцом (на шее)... на теле хламида и передник. Кто его вернет, получит два (3) медных таланта, кто покажет, что он находится в храме, — 1 (2) талант, кто покажет, что он находится у человека платежеспособного и доступного суду, — 3 (5) таланта. Указания давать чиновникам Сиратона. Вместо с ним убежал Буон, раб Калликрата... невысокого роста, широколицый, с сильными икрами, глаза светлые. Он убежал с пелеринкой, рабским плащом и женским флаконом, стоящим 6 талантов, и с пятью тысячами медных драхм. Кто его вернет, получит столько же, сколько обещано за вышеуказанного» (см. «АСПН» № 72, там же, № 70).

Чаще всего беглые рабы искали приюта в храмах, пользуясь так называемым правом убежища (асилли — *ius asyli*). Как известно, греческие храмы считались неприкосновенными и поэтому служили убежищами для преследуемых. Экономической подоплекой этого института было стремление сохранить рабов для данной общины или государства и удержать их от ухода за границу. Маркс и Энгельс подчеркивали коллективный, общинный характер власти рабовладельцев над рабами, совместную частную собственность граждан, сообща владеющих ими¹. Вместе с тем жречество было заинтересовано в использовании рабов, ищущих защиты на священной территории, в качестве рабочей силы.

В редких случаях храмы по тем или иным соображениям отказывали беглым рабам в убежище: из одного письма мы узнаем, что управляющий отправляется в Крокодилополь, чтобы просить номарха (начальника округа) Маймаха изгнать беглецов из храма (252 год).

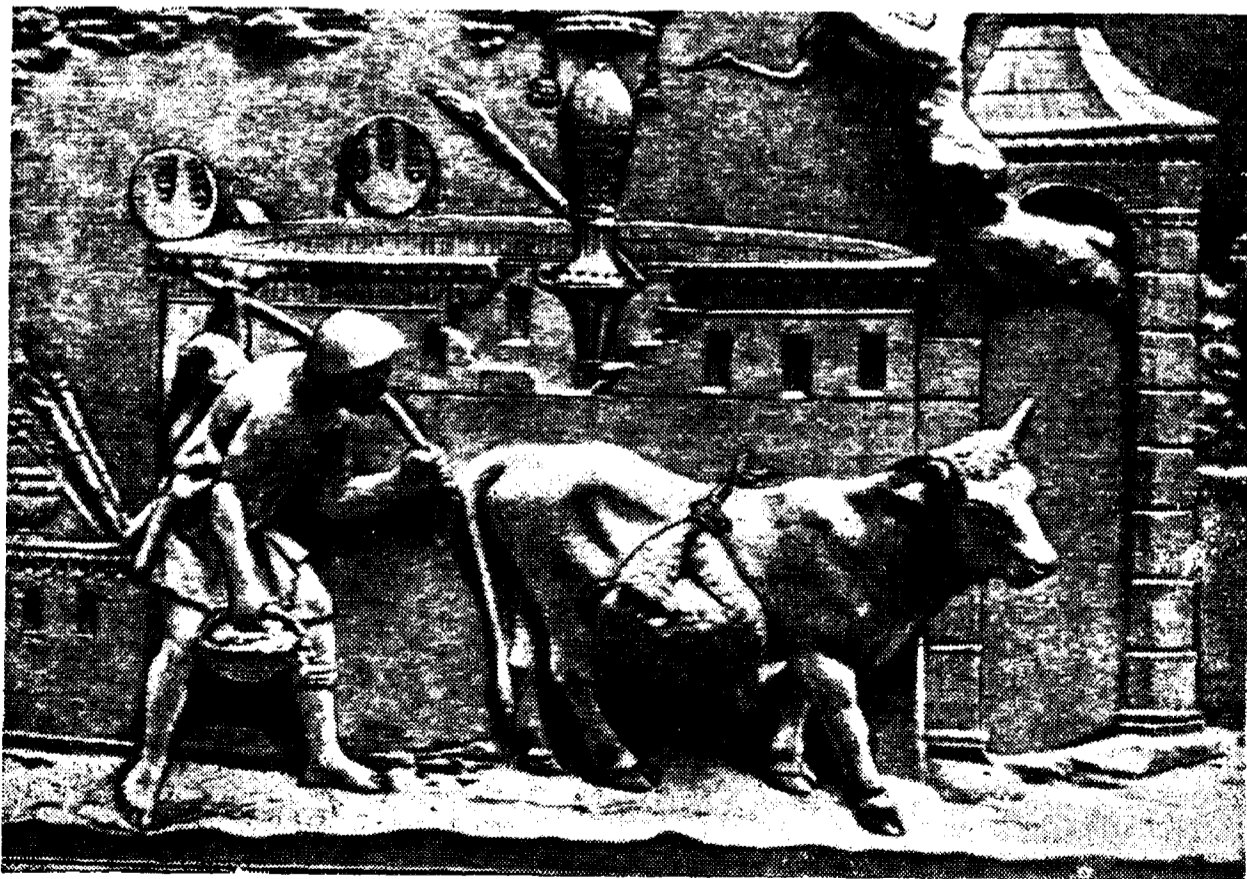
Рабовладельцы прибегали к различным мерам, чтобы предотвратить бегство невольников или паемных работников. Их вынуждали приносить присягу в том, что они не уйдут; текст такого клятвенного обещания сохранился на одном из папирусов; четыре кирпичника подтверждают: «Мы останемся в Филадельфии, в номе

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 12.

(округе) Арсиноп, будучи всегда на виду, и заработаем кирпича, сколько мы возьмем... и не оставим работу». В других случаях с рабов прямо берется обязательство «не искать убежища у священного алтаря». К способам предупреждения бегства работников относилась также усиленная охрана в определенные моменты хозяйственной жизни страны, например во время сельскохозяйственных работ, когда число надзирателей или стражников увеличивалось.

В некоторых (крайне редких) случаях рабы выражали свой протест в мягкой, сдержанной форме. Так, одна девушка-рабыня пишет Зенону: «Хоть я и изнурена несской дров и рыболовством, но не хочу уйти от тебя, как другие рабыни, которые убегают, терпя несправедливости. Зная твой характер, что ты не любишь зла, я не поступаю таким образом».

Папирологические документы содержат в себе многочисленные указания на иные, более активные формы протеста и борьбы с угнетателями. Мы узнаем о попытках открытого сопротивления родственников и друзей при задержании крестьянина стражниками и даже о нападениях туземных рабочих на служащих греческих землевладельцев. Некто Гермий сообщает своему хозяину, что на него и на его пастухов «напал народ и поднял руки на пастухов». «Я сам, — прибавляет он, — нахожусь в тяжелом состоянии вследствие нанесенных мне побоев».

Крестьянин ведет корову на базар. Египет.

Эллинистический барельеф.

Чрезвычайно важны свидетельства папирусов о ряде лиц, подбивающих население к неповиновению. Папирус рассказывает о крестьянине (georgos) Паэисе, призывающем народ к восстанию (он именуется stasiôtês, т. е. мятежником, заговорщиком), о ткаче Нехтембе, сеющем недовольство среди товарищей, и т. д. Рабовладельцы прекрасно сознавали опасность положения. Автор одного письма заявляет: «Ты хорошо знаешь, как обстоит дело с толпой, отказывающейся работать».

Приведенные отрывки из папирологических документов развертывают перед нами интереснейшую картину социального движения в Египте эпохи Птолемеев. Антагонизм между непосредственными производителями и эксплуататорами переплетается здесь с национальной оппозицией туземной знати и жречества против греко-македонского владычества. Обострение классовой борьбы ведет к ослаблению экономической и военной мощи монархии Птолемеев. Все более усиливающийся упадок

Египта подготовил завоевание его римлянами в I веке до нашей эры.

Однако все эти попытки борьбы полневольного и эксплуатируемого населения против угнетателей не могли привести на том историческом этапе к положительным результатам. Разобщенность групп невольных, отсутствие организации и единства действий, слабость и малочисленность рабовладельцев при полном бессилии рабов — вот причины неудачи всех социальных движений этого периода.

Нашедшие себе яркое отражение в папирологических документах III—II веков до нашей эры формы протеста трудящихся масс против угнетателей составляли лишь начальный этап той революции рабов, которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 412. 11-е изд.

Тигран II и Рим

1

В истории Рима буржуазные ученые, как и в любой области исторической науки, создали ряд традиционных взглядов на сущность римских завоеваний, на их роль в развитии могущества республики, а затем и империи и, наконец, на их культурно-историческое значение. Эти традиционные взгляды, установленные в течение XIX века, стали несколько изменяться в период развития империализма, соответственно новым завоевательным интересам буржуазии той или иной страны. Однако сущность оценки завоеваний Рима все же не менялась. Твердо установившаяся традиция даже несколько приостановила дальнейшее изучение истории римских завоеваний, в особенности с точки зрения их результатов в Европе и на Востоке.

Внимательный читатель трудов классических представителей буржуазной историографии не может не заметить основной мысли, обычно проводимой как в общих историях римского государства, так и в специальных исследованиях о Риме, а именно, что римское оружие всюду, где оно побеждало, приносило с собой победу высшей европейской культуры над варварством. Если эта мысль верна в отношении стран Западной Европы, то относительно Малой Азии, Египта, Причерноморья и Греции она требует сильного ограничения. Конечно, для галльских, германских и других западноевропейских племен римляне были поработителями и вместе с тем распространителями высшей культуры. Факты достаточно убедительно доказывают, насколько плодотворно было распространение римских завоеваний по всей территории Средней Европы, Испании и Англии. Ведь в этих странах римляне действительно встретились с варварами, стоявшими в экономическом и культурном отношении на значительно более низком уровне развития, чем римляне.

Иное дело — на востоке от Рима. Хотя Греция и представляла собой провинцию, ничем особенно не выделявшуюся в политическом отношении, в культурном отношении она все же являлась тем очагом, который сохранял в себе высокие ценности классической Греции и на который с чувством почтения смотрели творцы римской культуры. Буржуазная наука отмечает это, но вместе с тем приравнивает победоносные войны Рима на Востоке к та-

ким же войнам римлян в Западной Европе. Буржуазные историки считают, что и на Востоке римское оружие побеждало варварство, распространяло высшую европейскую культуру.

Предвзятая идея об «азиатской отсталости» мешала правильной оценке фактов даже столь блестящему представителю буржуазной науки, как Т. Моммзен. Так, например, очень характерно следующее утверждение Моммзена: «На Востоке, где отношения между повелителем и подданными строятся не столько на основе нравственного закона, сколько на основе закона естественного, подданный верен, как собака, и, как собака, фальшив; правитель же недоверчив и жесток»¹. Нет надобности останавливаться на разборе этого в подлинном смысле великодержавнического суждения, ясно отражающего то отношение, которое проявляла в XIX веке европейская буржуазия к колониальным народам. Следует лишь отметить, что отношение Моммзена отражает также взгляды римских историков, всячески восхвалявших победы римского оружия и дававших отрицательные характеристики своим противникам — «варварам» — на Востоке.

Наконец, необходимо отметить, что события, происходившие в Малой Азии, ученых интересовали лишь постольку, поскольку о них нужно было писать в связи с историей римского государства. История Понта и Армении периода Митридата Эвпатора и Тиграна II поэтому рассматривалась односторонне. Характерно, что следом за западными учеными шли и армянские буржуазные ученые, освещавшие историю Армении периода Тиграна II также с точки зрения концепций западных ученых. Даже интерес к национальной истории не заставил их подвергнуть критике традиционное изображение и дать историю борьбы Тиграна II с Римом с точки зрения хотя бы общей истории Армении.

Советской исторической науке приходится вести напряженную борьбу с устарелыми традициями изображения фактов прошлого. Этой задаче (в части, касающейся Армении) посвящен капитальный труд советского ученого акад. Я. А. Манандяна «Тигран II и Рим»². Работа эта,

¹ Т. Моммзен «История Рима». Т. II, стр. 251. М. 1937.

² Акад. Я. А. Манандян «Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам». Ереван, 1940. 250 стр.

вышедшая недавно в свет на армянском языке, является результатом тщательного исследования первоисточников. На основе этого акад. Манандян подвергает обстоятельной критике буржуазно-историческую традицию, согласно которой Рим вел победоносные войны против Митридата Понтийского и его зятя Тиграна II как азиатских властителей, и производит глубокий и многосторонний анализ событий с помощью данных эллинистических и армянских источников. Соглашаясь с мыслью французского ученого Ж. Моргана, что разгромом государства Митридата и Тиграна римляне покончили с последними возможностями возрождения эллинизма на Востоке, акад. Манандян доказывает, что с Римом боролись не варвары, а продолжатели дела Александра Македонского.

2

После Второй пунической войны Рим стал постепенно проникать в Малую Азию. Применяя испытанный принцип «разделяй и властвуй», римские военачальники в поисках рабов и сокровищ захватывали территорию за территорией. В отличие от проводников эллинизма римские деятели явились на Востоке не культуртрегерами, а грабителями и разрушителями. Римские откупники беспощадно эксплуатировали провинцию Азия и союзные Риму маленькие государства: Вифинию, Каппадокию и Галатию.

Однако в I веке до нашей эры еще не все государства Малой Азии находились под властью Рима. Понтийское государство и три царства на территории Армении, правящие круги которых были в политическом и культурном отношении связаны с Парфией, рассматривали продвижение римлян в их сторону как опасность для их самостоятельности.

В первой трети II века до нашей эры в Армении было три царства: в Малой Армении царствовал Митридат, в Великой Армении — Арташес, в остальных армянских областях — Софена, Акилисена, Одомантис и др. — Зарех. Полибий называет Арташеса правителем большей части Армении. Такого же мнения и Страбон. В 166 году царь Арташес основал столицу Арташат (Артаксата) на берегу реки Аракса¹. Арташесу удалось объединить большую территорию, простиравшуюся от реки Куры в Закавказье до Северной Месопотамии и от Атропатены на востоке до Софены и Малой Армении на западе.

Арташес явился создателем сильного армянского государства, которое вызвало бес-

покойство у соседей, вследствие чего селевкийский царь Антиох IV (175—164 годы) совершил поход в Армению. Арташес потерпел было поражение, но затем сумел укрепить свою власть.

После Арташеса Армении пришлось выдержать натиск сильного соседа — Парфии, которая постепенно завоевала смежные селевкийские страны. Хотя Армения и не была завоевана Парфией, все же о трудности ее положения говорит факт захвата в качестве заложника внука Арташеса Тиграна. Тиграну, однако, удалось освободиться, отдав Парфии, как сообщает Страбон, в качестве выкупа «семьдесят долин».

В 95 году до нашей эры Тигран стал царем Армении. В 94 году Тигран напал на Софену, покорил ее и включил в состав своего государства. Теперь Армения стала еще сильнее и могла принять участие в борьбе Понта против Рима.

Взаимоотношения Понта и Армении в этот период были особенно дружественными. В своем труде «О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен» (Ереван, 1930. Изд. на русском языке) акад. Манандян объясняет причины дружественной политики Митридата Эвпатора в отношении Армении, Иберии и Атропатены. Политика эта определялась экономической заинтересованностью портов Понтийского государства в связи с тем, что большие торговые, транзитные пути, связывавшие Понт со средним и дальним Востоком, проходили через эти страны. Около 94 года Митридат и Тигран II заключили союз, направленный, как полагает акад. Манандян, против Каппадокии, являвшейся орудием Рима против них. Во всяком случае, это был не союз, непосредственно направленный против Рима и будто бы являвшийся актом подготовки войны против него, как пишет историк Юстин. По договору между Понтом и Арменией, в случае успехов покоренные территории переходили к Понту, а военнопленные и движимость — к Армении.

В 93 году Тигран II сделал попытку покончить с Каппадокией как с агентурой Рима. Он внезапно напал на нее, покорил и посадил на престол сына Митридата Понтийского. Однако пропретор Билкии Сулла выгнал Тиграна и восстановил царя Арнобарзана, союзника Рима. Полководцы Тиграна вторично заняли Каппадокию и вновь передали ее сыну Митридата. В это же время с помощью Митридата младший сын царя Вифинии Никомед II Собрат захватил Вифинию и изгнал своего брата, ставлепника Рима, Никомеда III. Акад. Манандян в связи с этим делает очень ценное указание на то, что действия Понта и Армении носили оборонительный

¹ У южной границы Армянской ССР, около села того же названия.

характер. Митридат и Тигран старались избавиться от тех соседей, которые, будучи ставленниками Рима, создавали очаги военной опасности. Он указывает кроме того, что Тигран вынужден был так действовать еще и потому, что Сулла вел переговоры с Парфией и, следовательно, Армении угрожала опасность и с тыла.

Все это раскрывает необоснованность точки зрения буржуазной историографии, согласно которой Тигран II был лишь орудием в руках Митридата. Тигран на самом деле руководствовался интересами укрепления западной границы Армении.

3

В буржуазной исторической науке принято рассматривать первую Митридатову войну (88—84 годы) как событие, виновником которого был сам Митридат. При этом по ошибке его соучастником считают Тиграна II. Между тем источники доказывают, что Митридат всячески избегал войны, даже прибегал к подкупам римских сенаторов для того, чтобы уладить все недоразумения мирным путем. Акад. Манандян считает виновником этой войны Манна Аквилля, который подговорил Никомеда наместника на Понт и ограбить его северо-восточные районы. Вынужденный вступить в войну с царем Вифинии, союзником Рима, Митридат тем самым вступал в войну и с Римом. Ему помогла Малая Армения военной силой. Но Малая Армения не входила в состав Великой Армении Тиграна II, а потому следует считать неверным утверждение Моммзена и Рейнака относительно участия Тиграна II в этой войне.

Война Митридата, по мнению акад. Манандяна, носила освободительный характер и вызвала революционное движение, истории которого наш ученый предполагает посвятить особый труд.

Митридату удалось повести победоносную войну против римских захватчиков в Малой Азии. Ему сочувствовали все угнетенные Римом народы. Снятие налогов, освобождение от последующих налогов в течение пяти лет, мероприятия против римских плутократов вызвали среди населения большие симпатии к Митридату. Около 15 тысяч рабов дралось на стороне Митридата против Рима. И, несмотря на то, что Сулла победил Митридата и, по мирному договору в Дардане (84 год), последний вынужден был отказаться от всех своих завоеваний, слава Митридата как руководителя борьбы против Рима не померкла. Этому также содействовало жестокое подавление римлянами движения против Рима в Малой Азии, сопровождаемое ограблением населения и уводом в рабство.

Тигран II — армянский царь.

Если Митридат обратил свои взоры на запад и повел борьбу с наступающим врагом в лице римского государства, то Тигран II, учтя римско-парфянские тайные переговоры и воспользовавшись смутами внутри Аршакидской Парфии, начал войну с последней и отвоевал кое-какие отдаленные ей в выкуп «семьдесят долин», которые находились вблизи Атропатены. Тигран захватил также провинцию Албак, а затем совершил поход в Адиабену, которую покорил. После покорения Атропатены он сжег крепость Аршакидов, недалеко от Экбатаны. Победы Тиграна привели к тому, что Адиабена, Кордуена и Атропатена стали его вассалами. Царь Атропатены даже женился на дочери Тиграна. Парфяне передали Тиграну всю Месопотамию и заключили с ним союз; титул «царя царей» от парфянских Аршакидов перешел к Тиграну.

С целью укрепления южных транзитных дорог Тигран заселил районы Осроены арабскими племенами, которые должны были охранять торговый путь и взимать пошлины. По соображениям военного характера соседняя с Осроеной Мидония была превращена в особое княжество под управлением брата Тиграна — Гураса.

После окончания борьбы с Парфией Тигран направил свои военные силы против Сирии и Финикии. Он занял всю Северную Сирию (84—83 годы), исключая город Селевкию. Следует отметить, что в изложении этих событий у Юстина и Страбона имеются противоречия: Юстин считает, что Сирия подчинилась Тиграну добровольно, а Страбон говорит, что Сирия и Финикия подчинились силе оружия Тиграна. Акад. Манандян считает, что тут, по существу, нет противоречия, так как авторы выражают взгляды сторонников и противников Тиграна. Те элементы Сирии, в частности

в Антиохии, которые были заинтересованы в транзитной торговле, поддерживали сторону Тиграна, так как главный торговый путь на восток находился под властью Армении.

Вскоре после завоевания Сирии Тигран подчинил равнинную Киликию и Коммагену. Горная Киликия находилась в руках римлян, и, следовательно, Тигран сделался их соседом. Селевкидскую Сирию Тигран превратил в особую область, во главе которой поставил своего полководца Багарата. Большой же город Антиохию, с полумиллионным населением, Тигран сделал своей южной столицей. Однако в Финикии и Южной Сирии Тигран встретил напряженное сопротивление, преимущественно в городах, которое было организовано селевкидской царицей Клеопатрой. Перед третьей Митридатовой войной (74—71 годы) Тигран снова выступил против Каппадокии, на этот раз более удачно, так как мог ее окружить со стороны Софены, Коммагены и равнинной Киликии. Из завоеванной Каппадокии он вывел свыше 300 тысяч жителей эллинистических городов и поселил их в своей новой столице — Тигранакерте. Царицу Клеопатру Тигран захватил в плен и заключил в крепость Селевкию, а затем как главную виновницу сопротивления велел казнить.

«В течение своего 25-летнего царствования (95—70 годы до нашей эры), — пишет акад. Манандян, — Тигран II, как видим, сумел безмерно расширить свою страну, которая теперь простиралась от Каспийского моря и реки Куры до Средиземного моря и границ Египта и от Великой Мидии до римской горной Киликии и Каппадокии»¹.

Таким образом образовалось большое и сильное государство Тиграна II, сильно беспокоившее римскую республику.

Следует заметить, что Рим не выступал в этот период против Тиграна, так как был занят войной с Митридатом, а внутри республики была чрезвычайно напряженная обстановка. Ясно, что и Тиграну не было смысла при такой ситуации вступать в войну с римлянами.

4

Социально-экономическая сущность государства, созданного Тиграном II, нелегко поддается характеристике. Опорой Тиграна являлась землевладельческая и военная знать. Выше было уже указано, что правителем Антиохии был назначен князь Багарат, а в Изионде — брат царя Гурас.

¹ Акад. Я. А. Манандян «Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам», стр. 54.

Ссылаясь на свой большой труд «Феодализм в древней Армении» (Ереван. 1934. Изд. на армянском языке), акад. Манандян в исследовании «Тигран II и Рим» пишет: «В одном из наших предшествующих трудов мы, кроме того, считали вероятным, что уже во время Арташеса I древняя Армения находилась в периоде первоначального феодализма и имела присущие феодальной организации зачатки и отдельные основы».

По сообщению Плиния, в I веке нашей эры Армения была разделена на 120 стратегий, которые известный арменист Н. Адонц считает нахарарствами². С этим мнением согласен акад. Манандян, который отмечает, что в этих нахарарствах «экономически и политически преобладающую роль играла землевладельческая аристократия» и «не столько трудящиеся рабы, сколько полусвободное и свободное крестьянство»³.

Обращает на себя также внимание факт, передаваемый Плутархом, о том, что Тиграну служили многие цари, а в особенности четыре постоянно его сопровождавшие царя, которые, по мнению Маркварта и Адонца, были четверьмя блешхами (пограничными князьями) Армении.

Необходимо отметить, что в настоящее время советские историки Армении стоят на такой же точке зрения, признавая рабовладение в древней Армении лишь укладом. Нельзя, конечно, сказать, что вопрос решен окончательно. Существование феодальной формации (даже на раннем ее этапе) в государстве Тиграна II рядом с могучей рабовладельческой республикой Рима вызывает ряд сомнений. Поскольку исследования в этой области проведены еще не в достаточной мере, вопрос следует считать открытым.

Так или иначе Армения Тиграна II представляла собой не только конгломерат «племен, наречий, состояний», но и скрещенно западных и восточных культур. Однако преобладающим культурным элементом в Армении, как и в ряде соседних с ней стран, был эллинизм. Во всех областях культуры обнаруживалось влияние греческого и иранского элементов с преобладанием первого. Типичным порождением такого скрещения культур является уроженец Амасии географ и историк Страбон (родился около 64 года до нашей эры), грек, среди предков которого были персы.

В Понтийском государстве эллинизм, благодаря своему предшествующему развитию,

² Нахарар — «владельческий князь», крупный феодал. Нахарарство — феодальное владение.

³ Акад. Я. А. Манандян «Тигран II и Рим», стр. 53.

Греческая надпись армянского царя из рода Аршакидов на северной стене Фаркина.

распространялся быстрее. Особенно выделялись города Трапезунд, Синоп и др. В результате деятельности Митридата Эвпатора эллинистическая культура охватывала даже деревню.

В Армении, хотя эллинистическое развитие имело место и до Тиграна, было очень тяжело проводить меры для усиления этого процесса, так как по сравнению с Понтом Армения имела значительно меньшее количество городов. Тиграну была необходима прежде всего столица в центре государства, так как Арташат (Артаксата) находился на крайнем севере, а Антиохия — на крайнем юге. Поэтому Тигран II построил новую столицу — Тигранакерт, город эллинистического типа, который он заселил армянской знатью и жителями завоеванных им эллинистических городов (интересно отметить, что в случае отказа со стороны представителей армянской знати поселиться в новом городе их имущество конфисковалось). Город был окружен огромными стенами. Толщина последних дала возможность устроить в них даже конюшни и склады. Акрополь (крепость) Тигранакерта был сильно укреплен. За стенами города был сооружен дворец царя с роскошными садами, местами для охоты и рыбной ловли. Между прочим, следует отметить, что о местоположении города, вследствие противоречивых сообщений источников, в науку существовали неправильные представления. Лишь за последнее время, по-

сле исследований Лемана-Гаупта и В. Белка, окончательно выяснилось, что Тигранакерт находился на реке Тигре, у пышешнего города Фаркина. Это подтверждается и исследованием Певтингеровой карты, сделанным акад. Манандяном в его труде «Главные пути древней Армении по карте Певтингера» (Ереван. 1936. Изд. на армянском языке). Окончательное выяснение местоположения города имеет то значение, что теперь вполне определилось не только его политическое, но и экономическое и стратегическое значение. Город находился в самом центре государства, на большой военной дороге, созданной еще Ахеменидами, и на торговых путях.

Культурная жизнь в столице Тиграна стояла на большой высоте. Тигран пригласил выдающегося афинского оратора Амфикрата, высланного из Афин, и известного писателя Метродора, которого Плиний называет «римоненавистником». Метродор написал историю Армении Тиграна II, к сожалению, пропавшую бесследно. По словам Плутарха, в городе был создан театр, в котором играли греческие актеры, а в качестве драматурга выступал сын Тиграна Артавазд. Последний писал также исторические и ораторские произведения.

В области религии сближение Армении с эллинистической культурой выразилось в том, что армянские боги «слились» с греческими, то есть установилась идентичность представлений и культов. Стали происхо-

дить перемены и в быте аристократии. Если в культуре и быте до того господствовал иранский элемент, то теперь произошел поворот в сторону греческой культуры. И, наконец, необходимо указать на то, что эллинизации подверглась военная организация Тиграна II. В «Истории Армении» армянского историка Моисея Хоренского сохранились данные, красочно отображающие процесс эллинизации Армении при Тигране II.

5

Третья Митридатова война, разгоревшаяся по поводу присоединения Вифинии к Риму (74 год), повлекла за собой столкновение Тиграна II с Римом. Митридат всячески пытался разжечь пожар восстания по всей Малой Азии против Рима. Он даже заключил союз с Серторием, собравшим большую военную силу в Испании. Однако с зятем своим Тиграном Митридат сделал попытку договориться о помощи лишь после всех неудач этой войны, то есть после того, как Лукулл вторгся в 72 году в пределы Понта. Положение Митридата было столь опасно, что он обратился за помощью и к своему сыну, управлявшему Босфором, и даже к скифам и парфянам. Однако авторитет Митридата после военных неудач и после провала организации восстания против Рима в Азии сильно пал. Сын и зять ему не помогли. Хотя Тигран и обещал помочь, однако обещания своего не выполнил, так как ему приходилось думать не только о возможности возникновения войны с Римом, но и о злейшем враге в тылу — о Парфии, которая, конечно, охотно выступила бы против него совместно с римлянами.

Римские полководцы с большим трудом отвоевывали территорию у Митридата. В 71 году Лукулл двинулся в центр Понта — к Кабире. Сильная конница Митридата создавала большие трудности для снабжения войск Лукулла. Но в конце концов Митридат был разбит у Кабире и бежал в Армению. Не желая ввязываться в войну, Тигран предоставил ему лишь право убежища с царскими почестями в одной из отдаленных местностей Армении. Однако Тигран ошибся в своих расчетах на сохранение мирных взаимоотношений с Римом посредством политики нейтралитета. Рост его могущества очень беспокоил римских политиков.

После занятия Понта и Малой Армении Лукулл провел зиму 71—70 года в Кабире, отправив своего шурина Аппия Клавдия к Тиграну с требованием о выдаче Митридата. В биографии Лукулла Плутарх сообщает довольно подробные сведения о

пребывании Аппия Клавдия в Армении по этому делу. Освещение Плутарха носит весьма тенденциозный характер, не говоря уже о том, что у него встречается целый ряд неверных фактов (как например об объявлении Аппием войны и т. п.). Акад. Манандян указывает на большую достоверность сведений малоазиатского историка Мемнона Гераклеяского (I век до нашей эры), согласно которому Лукулл послал Аппия лишь с требованием выдать Митридата. Мемнон Гераклеяский сообщает, что Тигран ответил отказом, мотивируя свое решение чисто моральным аргументом: стыдно, мол, будет ему перед всей родней, если он выдаст тестя. Тем временем Аппий воспользовался случаем и совершил путешествие по Армении с целью шпионажа и возбуждения к восстанию недовольного Тиграном населения, в особенности жителей некоторых городов Сирии.

В 70 году войска Лукулла взяли Гераклею, Синоп и Амис. Этим в сущности закончилось завоевание Понта. Акад. Манандян правильно замечает, что некоторые ученые, например Ферреро, по недоразумению считают Лукулла горячим поклонником эллинизма, в то время как Лукулл разгромил эллинизм в Понте и в Азии. Под его покровительством римские ростовщики вывезли все, что только возможно в Италию.

Поход против Тиграна II Лукулл готовил тайно, внешне проявляя миролюбивые намерения. В 69 году Лукулл без объявления войны и без согласия римского сената весной начал военные действия против Тиграна. По словам Саллюстия, он быстрым маршем направился через Каппадокию к реке Евфрат, в область Софены. Переход через Евфрат на плотах произошел тайно. Любопытно, что Плутарх умалчивает об этих тайных действиях Лукулла, видимо, не желая бросать тень на прославленного полководца. Интересно и то, что у армянского историка Моисея Хоренского сохранилось предание об этом факте в виде рассказа о внезапном нападении на Армению «разбойника Вайкуна», который будто бы вызвал смуту в стране.

Через Софену Лукулл направился в сторону реки Тигра, намереваясь напасть на Тигранакерт неожиданно. Повидимому, Аппий Клавдий сумел подготовить жителей Софены к встрече римлян, так как они не только не оказали сопротивления Лукуллу, но даже помогли ему продовольствием и фуражом. Лукулл двигался по нынешней Харбердской равнине через Аргану к Тигру, у Днарбекира, то есть по «царской дороге» Ахеменидов. Перейдя реку Тигр, римские войска вторглось в глубь Армении. Акад. Манандян считает, что путь продви-

жения войск Лукулла к Тигранакерту неправильно обрисован у Моммзена, Халатьянца и других, так как эти авторы неверно определяли местоположение столицы Тиграна.

Тигран настолько был в неведении относительно продвижения римлян, что, по словам Аппиана, велел того, кто первый принес весть о приближении римлян, повесить как смутьяна. Но когда это известие подтвердилось, в столице Тиграна поднялось волнение. Тигран вынужден был быстро покинуть город и поручить своему полководцу Меружану (в источниках — Митробузан) воспрепятствовать всеми способами продвижению врага.

Тигран настолько спешно покинул город, что даже не взял с собой жем и казну. Поручив своему полководцу Манкаю защиту столицы, сам он направился в северные районы Армении для сбора военной силы. По мнению акад. Манандяна, войска Лукулла достигли столицы в мае 69 года. Осаду ее Лукулл поручил Секетилию. Последний прежде всего занял находившийся вне города дворец Тиграна, но самый город взять не смог. Ни атака, ни примененные осадных машин не дали римлянам успеха. Осажденные энергично отстреливались и лили горящую нефть на осадные машины. Следует отметить, что Плутарх умалчивает об этих неудачах римлян. Столица продержалась несколько месяцев, вплоть до возвращения Тиграна. Кроме того, присланная царем конница, как сообщают эллинистические источники, сумела прорвать цепь римских войск и вывезти из города жен и казну Тиграна.

Традиционное освещение всех событий этого периода в своей основе восходит к описанию, данному Плутархом. Чтобы оправдать действия римлян, Плутарх всячески старался обрисовать Тиграна и прибывшего к нему Митридата как вероломных противников Рима, прибегавших к совершенно недопустимым приемам борьбы. В частности, стремясь опорочить Тиграна, Плутарх рассказывает в биографии Лукулла об убийстве Митридатом Метродора Скепсийского. Метродор дал совет Тиграну отказать в помощи Митридату, а Тигран будто сообщил об этом своему тестю, и последний велел казнить ученого. Между тем из слов Страбона видно, что Метродор умер еще в 71 году, следовательно, он не мог быть казнен после встречи Митридата с Тиграном в 69 году. В изображении же Плутарха получается, что Тигран, влиятельный, желавший помочь тестю и выступить против Рима, предал крупного ученого Метродора. Иначе говоря, военная политика римлян оправдывалась тем, что нападающими

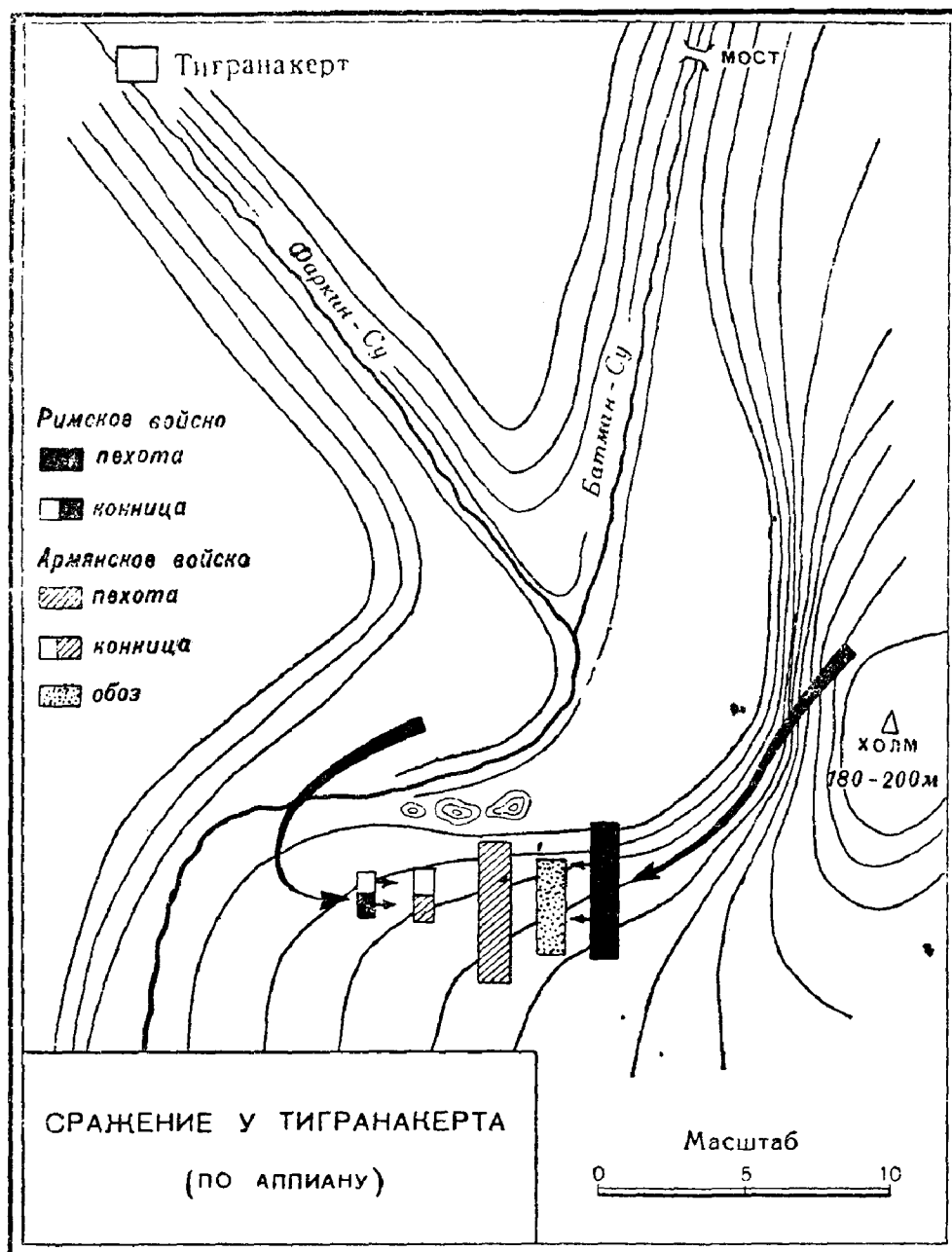
являлись два вероломных восточных владыка.

На помощь Тиграну пришли военные силы из Атропатены, Аднабены, Албании, Иверии и ряда других стран. Войска Тиграна направилось от Мушской равнины к нынешнему Перджику и оттуда по левой стороне реки Батман-су до места слияния рек Фаркин-су и Батман-су. Хотя Митридат и советовал через своих посланцев воздержаться от боя с римлянами, Тигран, желая спасти свою столицу, спешил достичь Тигранакерта, куда его войско прибыло в октябре 69 года.

6

Сражение между армянскими и римскими войсками произошло у реки Никефориона 6 октября 69 года. Немецкий ученый Белк указывает, что войска Тиграна расположились на склоне горы таким образом, что могли видеть Тигранакерт и палатки осаждавших. Осажденные также могли видеть их. Место сражения находилось в юго-восточном районе города, в долине, у места слияния современных рек Фаркин-су и Батман-су. Название Никефорион (Фаркин-су), то есть «Победоносная», река получила в связи с победой Лукулла.

Мнения военачальников Лукулла разошлись, так как одни предлагали снять осаду города и всеми силами идти на Тиграна, а другие предлагали принять бой у стен города. Лукулл же принял решение продолжать осаду и одновременно напасть на Тиграна. У Тигранакерта он оставил 6 тысяч человек во главе с полковником Муреной, а сам пошел на Тиграна с 10 тысячами пехоты, 3 тысячами конных и тысячью легковооруженных солдат. Таковы данные, сообщенные Плутархом. Моммзен и некоторые старые ученые относились с доверием к этим данным, так как Плутарх пользовался первоисточниками. Войска Тиграна, по их мнению, было в 20 раз больше. С этим мнением несогласны Рейнак, Ферреро и Экгардт, считающие цифры Плутарха явно преувеличенными. Они отдают предпочтение малоазийским писателям Мемнону и Флегону, по данным которых армянское войско состояло не более чем из 80 тысяч человек. Римское же войско, по мнению Экгардта, насчитывало 22 тысячи человек. Римские источники не только преувеличивали сведения о составе войска Тиграна и преуменьшали численность войска Лукулла, но и замалчивали участие на стороне последнего разного рода союзников (например фракийцев, галатов и др.). Римским источникам поверил в XVI веке Н. Макиавелли (в труде «О военном искусстве»), поверил и Т. Моммзен, как и многие последующие

буржуазные ученые. А отсюда и вытекала преувеличенная военная слава Лукулла.

Описания сражения, сохранившиеся в трудах Плутарха, Аппиана, Мемнона и Фронтина, полны противоречий. Сравнение всех данных показывает, что до нас дошли два варианта — римский и малоазийский. Первый дан у Плутарха на основании трудов Саллюстия и Т. Ливия, а второй — у Аппиана, быть может, на основе труда Николая Дамасского или других малоазийских историков.

Следуя Плутарху, Эггардт считает, что Лукулл, перейдя реку, приказал фракийской и галатской коннице напасть с фланга на конницу Тиграна, находившуюся на левом фланге. Сам же Лукулл с двумя отрядами пехоты занял в тылу у Тиграна холм, откуда он напал на бронированную конницу Тиграна. Неповоротливая, тяжелая конница, попав в сложное положение, смешалась и в беспорядке разбежалась. Отсюда и поражение Тиграна.

Акад. Манандян считает, что гораздо правдоподобнее описал события Аппиан, который сообщает, что Лукулл приказал

коннице в начале сражения теснить врага с фронта и, порой делая вид, что она отступает, снова бросаться на врага. Сам же Лукулл незаметно зашел со своей пехотой в тыл противника, на холм, у подножья которого находились отряды вьючных животных. Погнав последних на пехоту врага, он вызвал беспорядок в ней, вследствие чего пехота ринулась на конницу. Таким образом все войско Тиграна пришло в замешательство и потерпело поражение без боя. Лукуллу помогло и то, что поле сражения было очень узко для конницы.

В римских источниках сохранились весьма преувеличенные данные о потерях Тиграна и преуменьшенные о потерях Лукулла: будто бы 100 тысяч погибло в войске Тиграна и только 105 человек — у Лукулла. Наиболее вероятную цифру приводит Флегон, у которого потери Тиграна равны 5 тысячам воинов.

После победы над Тиграном Лукулл имел полную возможность всецело заняться осадой Тигранакерта. Но, как указывают Аппиан, Плутарх, Мемнон и Дион Кассий, Лукуллу удалось взять Тиграна-

керт лишь вследствие измены наемных греческих частей, находившихся внутри города. Начальник обороны города Манкай, не доверяя этим частям, велел их разоружить. Последние восстали, заняли стену между двумя башнями города, вступили в переговоры с римлянами и впустили их в город. Римляне беспощадно ограбили город. По словам Плутарха, Лукулл захватил все сокровища. Солдаты захватили 8 тысяч талантов монетой (около 17 миллионов золотых рублей). Лукулл использовал театр и актеров города для устройства триумфальных зрелищ. Всех чужеземцев, в частности греков, Лукулл выгнал из города на родину. Намерение Тиграна развить большой культурный центр рухнуло навсегда.

В результате падения Тигранакерта отпали от Армении и попали под власть Рима области, находившиеся южнее реки Тигра: Северная Месопотамия, Кордуена, Коммагена, Сирия и Восточная Киликия. Лишь часть Месопотамии и Низибис временно остались под властью брата Тиграна — Гураса.

7

После разгрома Тигранакерта Лукулл переместился в Кордуене (69 — 68 годы), — в стране, враждебной Тиграну, так как царская семья вместе с царем Кордуены была казнена, по приказу Тиграна, за измену. Лукулл торжественно похоронил казненного царя и соорудил ему памятник. У Плутарха имеются сведения о том, что Лукулл будто бы затем намеревался совершить поход на Парфию. Акад. Мамандян считает, что это выдумка писателя, сделанная с целью уподобить римского полководца Александру Македонскому, так как едва ли было возможно заняться такой военной операцией, имея в тылу еще не разбитого окончательно Тиграна и Митридата Понтийского. На самом же деле Лукулл даже пытался установить союз с Парфией против Армении. Но переговоры представителя Лукулла Секстилия с парфянским царем Фраатом III в Ктесифоне ни к чему не привели. Дело в том, что по совету Митридата и Тигран в свою очередь предлагал Фраату заключить союз против Рима, но Фраат и той и другой стороне заявил, что Парфия будет нейтральной.

По совету Митридата Тигран стал набирать военную силу как в самой Армении, так и в дружественных северных и северо-восточных соседних странах, отрицательно относившихся к римскому продвижению на Восток. В войсках Тиграна, кроме армян, были иверы (грузины), мидийцы и другие народы. По несколько преувеличенным данным Аппиана, войско Тиграна теперь со-

стояло более чем из 100 тысяч человек, из которых 70 тысяч составляла пехота. Теперь Армения выступала против Рима главным образом своими собственными силами, так как многие ее бывшие союзники находились на стороне противника.

Весною 68 года Лукулл вторгся в северные области Армении, рассчитывая взять северную столицу Арташат и затем подчинить государство Тиграна Риму. Через Таврские горы он направился к Мушской равнине и к долинам Евфрата. Ученые (Моммзен, Халатьянц, Лео и др.) считали, что Лукулл прошел через нынешнее Битлисское уездье и по западному берегу Ванского озера. Исследование Певтингеровой карты, тщательно сделанное акад. Мамандяном, показало, что войско Лукулла прошло мимо Тигранакерта через Нердзик, Кильдиз и Шеник. Это — ранее известный путь 10 тысяч греков под начальством Ксенофонта. Первое затруднение, с которым встретился Лукулл, — это недостаток продовольствия. Лукулл не ожидал, что на армянском плоскогорье урожай снимается позднее, чем в Кордуене. Вторым затруднением явилась стратегия и тактика противника. По совету того же Митридата, Тигран решил не вступать в решительный бой с Лукуллом, а совершать небольшие шабашки и обороняться в горах. Основная задача Тиграна заключалась в том, чтобы втянуть римские войска в глубинные районы Армении, оставляя их без продовольствия и ослабляя их нападками сильной армянской конницы. Митридат взял под свое начало всю пехоту и часть конницы, а Тигран — большую часть конницы. Первый шел по следам римского войска, всячески избегая боя, а второй совершал стремительные атаки, вносил беспорядок и смятение в войска противника и препятствовал их снабжению. Интересно, что римские источники об этих фактах войны 68 года ничего не пишут, исключая некоторые незначительные сообщения Плутарха.

Попытки Лукулла дать решительный бой не увенчались успехом. В течение свыше двух месяцев у северных берегов Ванского озера Лукулл нес большие потери. Поэтому он решил идти прямо на столицу Арташат, полагая, что для спасения города, в котором находились жены и дети Тиграна, последний вступит в бой. Предположение оправдалось. Тигран пошел навстречу Лукуллу и перерезал ему путь на правом берегу Евфрата. В результате исследования карты Певтингера акад. Мамандян пришел к выводу, что столкновение между Тиграном и Лукуллом произошло у нынешнего Дидема, с северной стороны. Перейдя Евфрат, Лукулл выставил 12 когорт, оставив в тылу запасные части. Против них

Тигран вывинул отборные силы, конные и пешие войска, иверских коньеносцев и других. Таковы сообщения Плутарха, по словам которого бой кончился в пользу римлян. Однако, по Диону Кассию, выходит, что Тигран не потерпел поражения и даже нанес большой ущерб римлянам. Таким образом, сражение у Евфрата в сентябре 68 года, очевидно, не дало перевеса ни одной из сторон. Кстати, необходимо иметь в виду, что путь, пройденный Лукуллом до Диема в течение трех месяцев, равен 250 километрам; иначе говоря, римские войска с трудом пробивались к северу.

После евфратского боя Лукулл намеревался идти на Арташат, но в его войсках раздалась протесты. Приближавшаяся суровая зима Армении, большие потери, недостаток в пище вызвали волнения в войске. Это произошло на расстоянии 100 километров от Арташата, в горном проходе нынешнего Карвансарая. Лукулл вынужден был отступить по новому пути, через Беркрийскую долину. Отступая к Северной Месопотамии, Лукулл осадил Низибис, взял его через несколько месяцев и этим несколько смягчил неблагоприятное впечатление, созданное неудачным походом в Северную Армению.

Во время отступления Лукулла в Месопотамию Митридат и Тигран решили выступить против других римских военных частей. Митридат с 8 тысячами солдат, из которых 4 тысячи были армяне, направился отвоевывать Понт, а Тигран начал боевые действия в Южной Армении, у берегов Тигра. Проведение Митридата на запад проходило удачно, так как на его сторону переходили подчиненные римлянам и превращенные в рабов жители Понта. Полководцы Лукулла не смогли удержать власть в своих руках, и Лукулл решил идти к ним на помощь. Но войска отказались идти в поход с Лукуллом раньше весны. Вообще неудачи в военных делах Лукулла стали непрерывно возрастать. Борьба с Митридатом все продолжалась, так как последний очень ловко маневрировал, то наступая на Понт, то отступая в Малую Армению. В 67 году Лукулл вошел в пределы Малой Армении, пытаясь напасть на войска Митридата, но с тыла Лукуллу угрожал Тигран, поэтому он обратился за помощью к военачальнику Киликии Квинтилию Марцию Рекусу. Последний отказался помочь ему. Между тем в Риме было решено лишить Лукулла полномочий ведения войны против Митридата и передать командование консулу Манлию Аквиллию Глабриону. Лукулл сделал еще раз попытку выступить против Тиграна, однако его легионы отказались воевать, тем более что римский сенат постановил

распустить отслуживших свой срок солдат из войска Лукулла.

В том же 67 году Митридат занял всю территорию своего царства и вступил в пределы Вифинии. Тигран же вторгся в Каппадокию вместе со своим зятем, акроатенским царем Митридатом, и изгнал оттула союзника Рима — царя Арнобарзана.

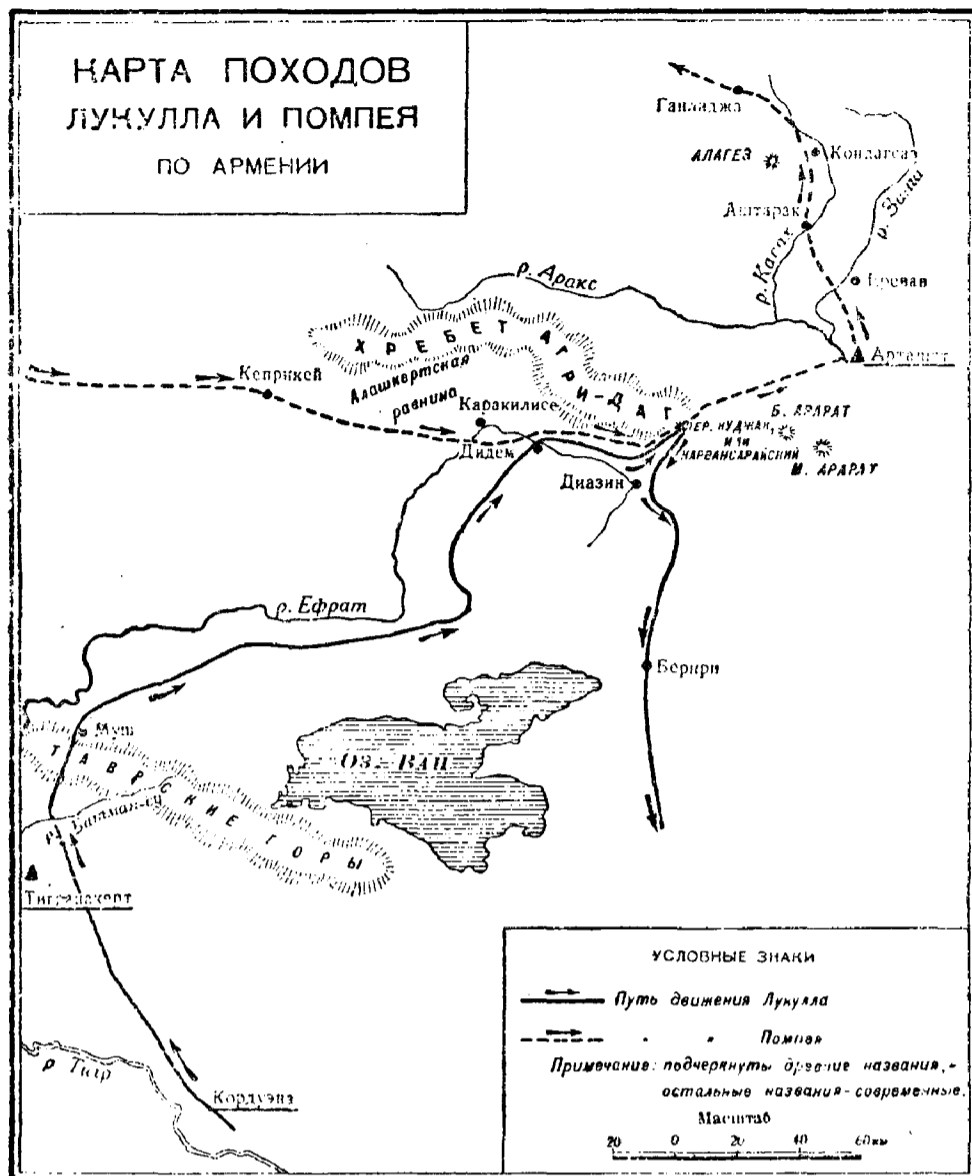
Результаты походов Лукулла на Востоке оказались плачевными. Целаром Цицерон дает в своей речи о полномочиях Гнея Помпея весьма мрачную характеристику положения вещей в Малой Азии. Вместо окончательно обанкротившегося в политическом и военном отношении Лукулла римский сенат назначил в 66 году Помпея, старого соперника Лукулла, верховным военачальником для ведения войны против Митридата и Тиграна. Получив чрезвычайные полномочия, Помпей приступил к действиям на Востоке.

8

До начала боевых действий Помпей отправил к Митридату из Киликии, где он находился в 66 году, будто бы для дружественных переговоров некоего Митрофана. Одновременно были посланы в Ктезифон к царю Фраату III послы для заключения союза против Понта и Армении. Обстоятельства в Понте и Армении сложились очень благоприятно для Помпея. В Армении начались при дворе Тиграна интриги, и поэтому Митридат не мог надеяться на помощь зятя. Три сына Тиграна последовательно пытались занять царский престол. Первые два сына Тиграна были казнены. Младший сын в 66 году поднял восстание против отца, но потерпел поражение и вместе с некоторыми вельможами бежал в Парфию к царю Фраату III, на дочери которого он женился. Весьма возможно, что этого сына подстрекал к выступлению Митридат Понтийский, который хотел через своего внука использовать Армению в своих интересах.

Весною 66 года Помпей отправился в Галатию, чтобы принять от Лукулла власть военачальника. Соперники встретились неприязненно. Помпей старался всячески унижить Лукулла; он отобрал у него все войска, оставив ему лишь тысячу солдат, с которыми Лукулл и вернулся в Италию. Пограбленные в Понте и Армении сокровища дали, как известно, Лукуллу возможность жить в Италии роскошно и устраивать великолепные в историю знаменитые «лукулловы пиры».

Тем временем Помпей начал наступление на Понт с 50 тысячами римских войск и 270 кораблями у берега Черного моря. Митридат смог выставить лишь около 30 тысяч пехоты и 3 тысяч конницы. Так

как в это время Тигран II воевал с Фраатом III и со своим сыном Тиграном Младшим, то Митридат не получил помощи от Армении. Митридат стал применять уже испытанный способ маневренной войны. Однако Помпею удалось после целого ряда операций окружить войска Митридата недалеко от познее основанного Никополя (у нынешнего Сюрка) и дать сражение. Митридат едва спасся, бежав в крепость Спнория, у границы Армении. Здесь находился его сокровища, в том числе 6 тысяч талантов денег (12½ миллионов золотых рублей), которые он роздал войскам. Отсюда Митридат послал к Тиграну послов с просьбой дать ему убежище в Армении. Но Тигран, считая его виновником восстания сына, не только отказал ему, но и отправил послов Митридата в качестве пленных к Помпею. За голову Митридата он объявил плату в 100 талантов (210 тысяч золотых рублей). Митридат бежал к северу по берегу Черного моря к реке Фасису, чтобы оттуда направиться в свое бывшее босфорское владение.

В этот период в Армению вторгся Фраат III вместе с изменившими Тиграну II армянскими вельможами и Тиграном Младшим. Фраат III занял юговосточные райо-

ны Армении и направился к Арташату. Хотя Тиграну II пришлось скрыться в высокогорных районах Армении, город Арташат не сдался парфянам. Арташат был выгодно расположен и хорошо укреплен; парфяне же были неопытны в осадном деле и не смогли взять город. Фраат III вынужден был вернуться в Парфию. Тогда Тигран II внезапно напал на войска сына и разбил изменников. Тигран Младший бежал к Помпею. Однако Тигран II его опередил, послав захваченных послов Митридата к Помпею с предложением начать мирные переговоры. Борьба между отцом и сыном облегчила действия Помпея. Сын Тиграна II помог Помпею повести наиболее удобной дорогой войска к столице Арташату. Путь этот выяснен акад. Манандяном в его исследовании карты Певтипгера. Помпей шел от Саталы на восток к нынешнему Кеприкею, затем по Алашкертской долине и по южному склону Агридага. Через Карвансарайское ущелье он вступил на Араратскую равнину, причем подошел к Арташату, пройдя через отмель не с правой, а с левой стороны реки Аракса. Тигран, видя беспечность сопротивления, впустил отряды Помпея в город и по приглашению последнего отправился в

ставку римского полководца. В результате был заключен мир. По условиям мира Тигран отказывался от Сирии, Восточной Киликии, Финикии, Каппадокии, Кордуены и Софены и оставался только царем Великой Армении. Софена же перешла к его сыну Тиграну Младшему. Кроме того, назначена была военная контрибуция в размере 6 тысяч талантов (около 121½ миллионов золотых рублей). Каждый римский солдат сверх того должен был получить от Тиграна 50 драхм (17½ золотых рублей), сотник — 1000 драхм (350 золотых рублей) и военные трибуны — по 1 таланту (2100 золотых рублей).

Помпей старался действовать внешне мягко, но с максимальной для себя выгодой. Как типичный представитель римского ростовщического капитала, он старался затратить поменьше военной энергии и получить побольше денежных средств. Жажда наживы привела Помпея к тому, что он заключил в темницу своего союзника Тиграна Младшего, оказавшего ему большие услуги. В связи с тем, что сокровища Тиграна II хранились в Софене, сын его вместе с Софеной хотел получить и эти богатства. Заметив недовольство Тиграна Младшего и стремление удержать сокровища, которые должны были быть выданы в качестве контрибуции, Помпей заключил под стражу Тиграна Младшего, нарушив этим даже римские обычаи. Далее он отказал Фраату III в вылаче Тиграна Младшего и отправил последнего с семьей в Рим для участия в своем триумфальном шествии.

Армения, ставшая союзницей Рима, теперь являлась опорой против Парфии.

Перед Помпеем стояла последняя задача — покончить с Митридатом Понтийским, скрывавшимся в Колхиде. Зиму 66—65 года римские войска провели в районе между нынешними Ахалцыхом и Ахалкалаки (Грузинская ССР). Движение войск Помпея по Закавказью изучено акад. Мананьяном в его специальном исследовании¹, в котором показано, что Помпей прошел к указанной стоянке из Арташата через нынешний Антарак (в 30 километрах от Еревана). Копахсаз, Ганлиджа и Хоспию к правому берегу реки Куры. Здесь на Помпея совершили нападение войска иверского и албанского царей, но нападения это было отражено. Весною 65 года Помпей зашел в глубь Грузии и взял Ар-

мозику (около нынешнего Мцхета). Затем по долинам Куры через Сурам и Шорапани он направился в долины Риона и оттуда — в Севастополь (Поти). Однако Митридата поймать не удалось, так как он успел бежать в Босфор. Тогда Помпей решил направиться в Албанию, чтобы подчинить ее. Он прошел через нынешние Абастумани, Хоспию и Ганлиджа, затем Кировакан, Дилиджан, Илжеван и Акстафу в район реки Алазани. Здесь и произошло сражение. Албанский царь был побежден и, как и иверский царь, признал власть Рима.

В 64 году Помпей направился из Великой Армении в Понт и Малую Армению. Это был завершающий поход. Римляне захватили в различных городах оставшиеся сокровища, архивы, предметы искусства и вообще все, что еще оставалось после Лукулла. Все ценности были отправлены в Рим.

Во время военных операций Помпея в Закавказье Парфия сделала попытку захватить Кордуену, вследствие чего возник конфликт между ней и Арменией. По приказу Помпея его помощник Афраний занял Кордуену и передал ее Тиграну II. Затем римляне присоединили к Армении Северную Месопотамию, Держая и Аклисену. Титул «царя царей», признанный раньше римлянами за Фраатом III, теперь был закреплен за Тиграном II. В 55 году Тигран II, дожив до 85 лет, умер в качестве союзника Рима. Митридат Понтийский же кончил жизнь самоубийством в 63 году, оставаясь до конца противником Рима.

«Миролюбивая» политика Рима по отношению к Армении Тиграна II имела в дальнейшей ее истории отрицательное значение. Посредственный полководец, но ловкий политик, Помпей сумел превратить Армению в буферное государство, отгораживавшее римские владения в Малой Азии от Парфии, Кавказа и других восточных стран. Военные силы Армении охраняли восточные границы колоссального римского государства.

Превращение Армении в буферное государство тяжело отразилось на ее социально-экономическом и культурном развитии, лишило ее самостоятельности и внутреннего единства. Элементы эллинизма тянули ее к Риму, а позднее — к Византии. Элементы же иранизма, сохранившиеся с отдаленных веков и довольно сильные в восточной ее части, заставляли склоняться в сторону Парфии, а затем Персии. В первой четверти V века нашей эры Армения была окончательно разделена между Византией и Персией.

¹ «Круговой путь Помпея в Закавказье». «Вестник древней истории» № 4 за 1939 год.

Древнегреческие историки позднелассического периода и эпохи эллинизма

1

Пелопоннесская война, двадцать семь лет (431 — 404 годы до нашей эры), истощавшая наиболее передовые и цветущие области Эллады, оставила неизгладимый след на всем последующем развитии общественной жизни древней Греции. По словам Фукидида, она подорвала все основы существовавшего в полисах порядка, разрушила государственный аппарат и разнуздала человеческие страсти. Резко ускорился процесс разложения гражданства полиса благодаря усилению имущественного неравенства. Охватившая всех жажда наживы и спекуляции способствовала концентрации движимых богатств, рабов и земель в руках все уменьшавшейся группы собственников и все более и более возраставшему обеднению широких масс населения. Разоренная масса люмпен-пролетариев мечтала о насильственном изменении распределения имуществ — о перерасделе земли и рабов, касации долгов.

Подобное положение, а равно и бесконечные, безрезультатные войны между различными греческими городами-государствами (Афины, Спарта, Фивы, Коринф) на протяжении всей первой половины IV столетия до нашей эры, усиливали и углубляли противоречие в среде гражданства отдельных полисов. Все это создавало почву для заговоров, государственных переворотов, вмешательства более сильных полисов (Афины, Спарта) во внутреннюю жизнь своих слабых соседей.

Характеризуя современный ему полис, философ Платон писал: «Не один город, а два: один из людей бедных, другой из богатых... бедные, каких ты видишь в городе, суть не что иное, как спрятавшиеся в этом месте воры, отрезыватели кошелечков, святотатцы и мастера на всякое подобное зло... Так вот и спят они в городе, вооруженные жалами, — одни, обремененные долгами, другие лишённые чести, а иные угнетаемые обоими видами зла, и, питая ненависть и замыслы против людей завла-

девших их именами, да и против всех, задумывают восстания»¹. Не менее характерна передаваемая Аристотелем клятва членов олигархических союзов, защищавших интересы богатых рабовладельцев: «Я буду врагом народу и всеми мерами, какими только могу, буду злоумышлять против него»².

Длительная социальная борьба между имущими и неимущими, сопровождавшаяся часто изгнаниями, а то и просто избиениями побежденных, как это было, например, в Аргосе в 371 году (аргосский скитализм³), и продолжительные, изнуряющие войны, взаимно обессиливавшие и победителей и побежденных, обескровили наиболее мощные эллинические полисы (Афины, Спарту, Фивы). Это привело к распаду руководимых ими союзов (Пелопоннесского, Беотийского) и созданию благоприятной почвы для вмешательства в греческие дела соседних держав: первоначально — Персии, а с середины IV столетия — Македонии. Не пользуясь страхом богатых рабовладельцев, ежедневно опасавшихся выступлений разоренных и обездоленных народных масс, македонский царь Филипп II сумел создать в Афинах и других полисах влиятельную промакедонскую партию, сильно облегчившую ему установление македонской гегемонии в Элладе.

Завоевание Александром Македонским огромных территорий на Востоке и отлив некоторой части беднейших слоев населения в Азию и Египет не отразились сколько-нибудь заметно на положении дел в собственно Греции. Политика Филиппа II и его преемников совершенно не ставила себе целью социальное умиротворение городских общин Греции: наоборот, македонские власти сознательно поддерживали и подогревали антагонизм между имущими и

¹ Платон «О государстве». Кн. 8-я.

² Аристотель «Политика». Кн. 8-я.

³ Скитализм (от скитале — палка) — избиение палками 1500 богатых аргосских граждан городской беднотой.

пролетаризированными слоями рабовладельческого населения, оказывая помощь той из сторон, которая заискивала в данный момент у Македонии и готова была служить опорой македонскому владычеству.

С середины III века, по мере укрепления системы эллинистических государств, македонская политика по отношению к греческим городам приняла несколько иное направление. В значительной части полисов Македония стала уничтожать последние остатки политической самостоятельности, передавая власть тиранам, являвшимся прямыми агентами македонского правительства. Усиление политического давления Македонии и обострению процесса имущественной дифференциации среди населения большинства греческих общин Пеллопоннеса, частично объединившихся для защиты своей политической независимости в Ахейском союзе, способствовали во второй половине III века до нашей эры новому обострению социальной борьбы среди свободного населения.

Центром событий на этот раз становится Спарта, являвшаяся в более ранний период греческой истории оплотом реакции. Целый ряд политических деятелей Лаконики, преодолевая отчаянное сопротивление спартанской знати и враждебные выступления имущих слоев населения соседних городов, пытались осуществить «раздел земли и отмену долгов»¹. Особенно напряженной была борьба в правление Клеомена III, сложившего господство олигархии крупнейших земле- и рабовладельцев в самой Спарте и стремившегося восстановить спартанскую гегемонию в остальных областях Пеллопоннеса. «Среди ахейцев начались волнения, народ надеялся на раздел земли и уничтожение долгов...»². Спасая свою власть, ахейская аристократия, руководимая стратегом Аратом, предпочла поступиться своей политической независимостью и отдаться под власть Македонии, войска которой помогли ополчению ахейской знати разгромить при Селласии (221 год) армию Клеомена и ликвидировать в Спарте его мероприятия.

Разгром войск Клеомена III лишь на время задержал развитие событий. Через несколько лет после битвы при Селласии спартанский царь Хилон сделал попытку провести в жизнь мероприятия своего энергичного предшественника, а после его гибели дело Клеомена пытались осуществить вожди беднейших слоев спартанского населения Механид и Набид, вновь разгромившие местную аристократию и овладевшие властью в конце III — начале II века до нашей эры.

¹ Плутарх «Клеомен».

² Там же.

Обострение социальной борьбы и двойственная политика Македонии, стремившейся окончательно закрепить свое господство над всей Элладой, толкнули часть греческой рабовладельческой аристократии на поиски нового «защитника» и «умиротворителя», который и был найден в лице Рима.

Вмешавшись в греческие дела, римляне под маской «защитников эллинской свободы» вытеснили из Греции македонские войска (200—197 годы) и устами консула Тита Фламиния прокламировали «свободу Эллады». Однако очень скоро население Греции, особенно его беднейшая часть, на практике осознало реальную ценность римских деклараций. Новые «покровители» эллинов вмешивались во внутренние дела полисов еще более грубо и ожесточенно чем македоняне. Они усиленно поддерживали господство имущих аристократических элементов и жестоко подавляли самые незначительные проявления непокорности.

Вызывая все нараставшее недовольство среди низших слоев греческого общества, подобная политика Рима не могла не привести к стихийному взрыву возмущения. Уже во время третьей войны Рима с Македонией (171—168 годы) в некоторых из полисов усилились антиримские настроения, на что римляне ответили рядом репрессивных мероприятий (захват заложников и т. п.). Во время же третьей Пунической войны и восстания покоренной Римом Македонии, в 149—148 годах, народные массы городов Ахейского союза под руководством стратегов Диея и Критолоа поднялись против Рима. Разгром армии восставших и города Коринфа — центра движения восставших — римским полководцем Муммием повлек за собой потерю последних остатков греческой независимости. Большинство территорий Средней Греции и Пеллопоннеса было включено в состав Македонской провинции. Лишь немногие полисы, в том числе Афины и Спарта, сохранили видимость самоуправления, однако и в них вся общественная жизнь протекала под строжайшим контролем Рима.

Таковы были в основном характерные черты исторического развития греческого общества IV—II веков до нашей эры — времени, когда жили и творили воемники и продолжатели Геродота и Фукидида.

2

Одним из наиболее выдающихся историков позднеклассического периода в Греции был Ксенофонт. Он происходил из афинского дема Эрхия и принадлежал, повиди-

мому, к классу всадников¹. Год его рождения в точности неизвестен. Некоторые из филологов и историков древнегреческой литературы датируют это событие 444 годом, большинство же ученых относит рождение историка к 430—425 годам. Детство и молодость Ксенофонт провел на своей родине, в Афинах. Он учился у софиста Продика (об этом есть упоминание в одном из произведений Ксенофонта²), но впоследствии перешел в число учеников Сократа.

Согласно рассказу биографа Ксенофонта — Диогена Лаэртия, Сократ встретил однажды его на улице. Обратив внимание на красивую наружность юноши и его благородный вид, Сократ загородил Ксенофонту дорогу посохом и спросил его, где покупают предметы, необходимые для жизни. «На рынке», — отвечал Ксенофонт. «А куда нужно идти, чтобы сделаться честным человеком?» — продолжал Сократ. Ксенофонт не знал, что ответить на этот вопрос, и Сократ подсказал ему ответ и предложил следовать за собой. Этот рассказ Диогена Лаэртия, повидимому, является легендой.

Гораздо более вероятен факт вступления Ксенофонта в число учеников Сократа по весьма прозаическим мотивам. Молодость Ксенофонта совпала с периодом Пелопоннесской войны и постепенным нарастанием в среде афинской знати антидемократических настроений. Последние особенно резко усилились под влиянием неудачного хода военных действий, гибели афинского флота и войска в Сицилии (413 год) и последующих событий. Преобладание в народном собрании воцарившей крайних демократических группировок, демагогов и выступлений сикофантов³ против представителей знатных фамилий пугали и озлобляли афинскую аристократию. Среди некоторой части аристократических слоев афинского общества, главным образом в среде молодежи, усилилось отрицательное отношение к демократическому строю родного города и предложение перед спартанскими порядками. В этих условиях Сократ, подвергавший жестокой критике демократический строй афинской республики, управляемой, по его словам, «горшечниками и кожевниками», и подчеркивавший необходимость передачи управления в руки подготовленных лиц, сделался одним из популярнейших учителей в среде афинской аристократической молодежи. Очевидно, поэтому Ксенофонт, один из ти-

пичнейших представителей этой молодежи, обратился к Сократу.

Однако он не долго оставался в числе учеников философа. В 401 году Ксенофонт принял предложение одного из своих друзей, беотийца Проксена, участвовать в военном походе наместника Малой Азии персидского царевича Кира Младшего, поднявшего восстание против своего брата — царя Артаксеркса II. Можно предположить, что удаление Ксенофонта из Афин явилось следствием его стремления избежать преследований со стороны восстановленной демократии, для которой Ксенофонт являлся весьма одиозной фигурой благодаря активной поддержке тирании Тридцати. Участвуя в походе Кира, Ксенофонт после битвы при Бунаксе (401 год) и гибели греческих стратегов оказался избранным в число новых руководителей войска. Он проделал весь поход из Месопотамии до берегов Черного моря (до Трапезунда), где греческому отряду удалось перегрузиться на корабли.

Возвратившись в Грецию, Ксенофонт с частью своих боевых товарищей вступил в ряды спартанских воинов, открывших под командой царя Агесилая военные действия против персов (396 год). Вскоре Ксенофонт оказался в числе приближенных спартанского царя, сделавшегося его любимым героем и предметом поклонения. Когда в 394 году Агесилай был отозван из Малой Азии и направился в Грецию для руководства военными операциями против Фивацев, коринфян и афижан, Ксенофонт, изменив рошню, сопровождал его. Он принял участие в сражении при Коронее (394 год), сражаясь не только против беотийцев, но и против собственных землячков. За это Ксенофонт был заочно приговорен афижанами к изгнанию. В течение последующих лет он сопровождал Агесилая во всех его походах, за что после окончания военных действий получил от спартанского правительства поместье Скуллунт в Элиде, близ Олимпии. Здесь он провел пятнадцать—семнадцать лет, занимаясь сельским хозяйством, охотой и литературным творчеством. Дружественные связи Ксенофонта со Спартой и Агесилаем продолжали сохраняться в толной мере; он даже посылал своих сыновей (Грилла и Дискура) на обучение в спартанские воспитательные заведения⁴.

Однако эта спокойная и обеспеченная

¹ Всадники — второй класс афинской знати, установленный по законодательству Солона.

² Ксенофонт «Воспоминания о Сократе», II, I, 21.

³ Сикофанты — доносчики, выступавшие в афинских судах в качестве обвинителей.

⁴ В IV веке до нашей эры спартанцы с целью расширения и укрепления дружественных им группировок среди населения других греческих полисов начали принимать в свои воспитательные учреждения детей из аристократических семей граждан соседних областей Элады. Они воспитывались в особых от юных спартиадов группах и назывались «трофимами».

жизнь была нарушена. В 370 году, когда фиванские войска, разбившие под командой Эпаминонда спарташцев при Левкатрах, вторглись в Пелопоннес, в Элиде началось антиспарташское движение и Ксенофонту пришлось покинуть свое омиклунтское поместье. Он переселился в город Коринф. В 369 году Афины и Спарта вступили в союз против Фив и постановление об изгнании, готовившее над Ксенофонтом, было отменено. Сам Ксенофонт остался жить на чужбине, но его сыновья вернулись в Афины и даже сражались в рядах афинских воинов в битве при Мантинее (362 год). Один из них — Грилл — погиб в этом сражении. Биограф Ксенофонта рассказывает, что старый историк узнал о смерти сына во время жертвоприношения. В знак траура по убитому он снял было венки, но услышав, что сын его погиб смертью героя, вновь надел его со словами: «Я знал, что мой сын смертен».

Ксенофонт умер в Коринфе около 355 года, дожив до глубокой старости. За свою долгую жизнь Ксенофонт написал большое число разнообразных литературных произведений, которые целиком сохранились до нашего времени. Правда, по поводу некоторых из них в среде филологов и историков литературы существуют сомнения, но подлинность большинства его произведений не вызывает сколько-нибудь серьезных сомнений. В общем насчитывается 13 работ, принадлежащих Ксенофонту: «Греческая история», «Анабазис», «Воспоминания о Сократе», «Защита Сократа на суде», «О ведении хозяйства» («Домострой»), «Пир», «Гиерон», «Агесилай», «О верховой езде», «Гилларх», «Воспитание Кира», «О государстве лакедемонян», «О доходах».

Из всех этих произведений наиболее важными в историческом отношении являются «Греческая история», «Анабазис» и «Воспоминания о Сократе».

* * *

«Греческая история» — «Hellenica» — содержит изложение истории Греции с 410 по 362 год до нашей эры. Все произведение состоит из семи книг, разбитых на две неравные части. В первых двух книгах излагаются события до окончания Пелопоннесской войны (до 404 года), а остальные пять — повествуют о времени с 404 по 362 год и заканчиваются описанием сражения при Мантинее.

Повидимому, первые книги были написаны значительно ранее чем последующие, от которых они резко отличаются строгим стилем и некоторой сухостью изложения, напоминающими стиль Фукидида. По предположению некоторых ученых, они составляют окончание работы Фукидида по истории Пелопоннесской войны, незавершенное

самим великим историком вследствие его смерти.

Подобное предположение тем более вероятно, что начальные строки первой главы первой книги Ксенофонта, данные без всякого вступления, как бы продолжают рассказ заключительной части произведения Фукидида: «После этого спустя немного дней...» Описание заключительного периода Пелопоннесской войны является наиболее интересной и совершенной частью всего произведения в целом. Ксенофонт относительно объективно описывает ход военных действий, подробно сообщает об удачных операциях афинского флота под командой Алкивиада, о блестящей победе афинян при Аргинузских островах, исключительно красочно описывает трагичный процесс стратегов — аргинузских победителей, — несчастную для афинян битву при Эгос-Потаме и, наконец, осаду Афин спарташцами и их союзниками в 405—404 годах.

Вторая часть «Греческой истории», писавшаяся по частям в последние годы жизни историка, как мы уже отметили, резко отличается от первых двух книг. Автор не хочет, да, пожалуй, и не может, скрыть своего крайнего пристрастия к Спарте и в особенности к царю Агесилаю. По существу, история Греции обращается им в историю Спарты. Ксенофонт замалчивает неблагоприятные для спарташцев события, неблагоприятные поступки спарташских деятелей и, наоборот, усиленно стремится преувеличить успехи Спарты и ее сторонников.

Не обращая должного внимания на хронологическую точность и взаимную связь событий, полностью отбросив беспристрастие историка, Ксенофонт придает своему произведению характер личных воспоминаний, слобренных в заключительных частях моральной и политической проповеди. Зачастую он сознательно умалчивает о важнейших событиях греческой истории. Так например он не считает нужным сообщить читателю ни о военных реформах и тактике Эпаминонда в битве при Левкатрах, ни о походе фиванцев в Пелопоннес, освобождении Мессении и основании Мегалополя.

О деятельности замечательных вождей фиванской демократии Пелопиде и Эпаминонде Ксенофонт упоминает лишь вскользь. Ничего не сообщая читателю о роли Пелопида в деле освобождения Фив от спарташской зависимости, Ксенофонт говорит о нем лишь в связи с его посольством к персидскому царю. Имя Эпаминонда встречается в «Греческой истории» лишь в последней (седьмой) книге, и, хотя Ксенофонт и отдает должное доблести вождя фиванской демократии, личность одного из замечательнейших людей древней Греции остается в глазах читателя тусклой и приглушенной.

Вторым историческим произведением Ксенофонта является описание похода греческих наездников Кира Младшего и их отступления из Персии, известное под именем «Анабазиса»¹.

Написанное, подобно «Греческой истории», в семи книгах, это произведение, по-видимому, было выпущено автором с тем, чтобы подчеркнуть свои военные заслуги, не отмеченные, как ему казалось, в должной мере другими историками. Об этом свидетельствует не только то, что автор пишет о себе в третьем лице: «некий Ксенофонт», — но и опубликование этой работы не под собственным именем, а под псевдонимом Фемистогена Сиракузянина. Хотя «Анабазис» дает современному исследователю множество мелких бытовых и технических подробностей и содержит ряд интересных исторических фактов по истории Персии IV века до нашей эры, все же это произведение представляет собой, скорее, личные мемуары чем историческое произведение. Ценность его как источника сведений по истории древности весьма ограничена.

Еще более частный интерес представляют собой остальные произведения Ксенофонта: «Воспоминания о Сократе» и «Защита Сократа», а равно «Шир» и «Домострой», — которые не столько воссоздают образ великого философа, сколько раскрывают примитивные представления Ксенофонта о личности и деятельности Сократа. По существу, Ксенофонт здесь, скорее, излагает свои собственные философские взгляды.

Трактаты «О доходах», «Гипшарх» и «О верховой езде» содержат ряд частных сведений о гражданском и военном быте древних греков, весьма интересных для историка, занимающегося вопросами античной культуры.

Работа «О государстве лакедемонян», несмотря на крайнюю пристрастность Ксенофонта, является одним из важнейших источников наших сведений по истории древней Спарты. Наименьшее значение для современного исследователя представляют «Агесилай» и «Кирополиа»: первое произведение — благодаря своей крайней предвзятости, второе — как чисто беллетристическая работа, не основанная на фактах. Ксенофонт здесь высказал свои взгляды на систему воспитания, преподносая их для большей убедительности в виде повествования о будто бы существующих порядках в среде персидской аристократии.

¹ Анабазис — нисхождение, спуск вниз. Так греки называли возвращение из Азии к берегам моря.

Значение Ксенофонта в развитии мировой историографии нельзя сравнивать со значением его великих предшественников — Геродота и Фукидида. Правда, Ксенофонт внес новый элемент в греческую историческую прозу в виде первых известных в истории мировой литературы мемуаров, прекрасно обрабатывая стилистически свои произведения, отличаясь приятностью слога, за что еще в древности получил название «аттической пчелы». Однако как историк он несравненно ниже не только Фукидида, но даже и Геродота. Не говоря о крайней субъективности и реакционности его политических взглядов, он не в состоянии дать больше чем простое внешнее описание событий. Ксенофонт не может отличать существенное от несущественного, бессилён понять внутреннюю связь явлений. Наконец, он крайне суеверен и полностью признает вмешательство богов в развитие событий в человеческом обществе. Сообщая о походе Эпамилонда в Пелопоннес и неудачной его атаке на город Спарту, Ксенофонт подчеркивает, что попытка спартанцев преследовать отбитых от стен города фиванцев потерпела неудачу вследствие того, что «божеством был начертан предел, до которого могла быть дарована победа»². Эта точка зрения отражается во всех произведениях Ксенофонта, что очень невыгодно отличает их от научно-рационалистических трудов Фукидида.

Но все же, несмотря на все недостатки, в сочинениях Ксенофонта запечатлен для потомства ряд интереснейших фактов из политической и бытовой жизни древнегреческого общества. Этим и объясняется то, что его работы неоднократно переводились на новые европейские языки. Литературное наследие Ксенофонта привлекало к себе внимание и классиков марксизма. К. Маркс, анализируя экономику античного общества, приводит ряд цитат и ссылок на сочинения Ксенофонта в «Капитале» и в работе «К критике политической экономии».

Для советского читателя, интересующегося вопросами древней истории, сочинения Ксенофонта вполне доступны. Полное собрание его произведений было переведено на русский язык в конце XIX века. Кроме того неоднократно издавались и отдельные его работы. «Греческая история» и «Сократические произведения» были повторно переведены и изданы в 1935 году.

3

Кроме Ксенофонта в IV столетии жили и творили еще несколько историков: Кратиниш, Фидийст, Эфор, Феодоми. Но их сочинения

² Ксенофонт «Греческая история». Кн. 7-я. Гл. V, 13.

не сохранились до нашего времени, и об их жизни и творческой деятельности имеются весьма скудные сведения. На основании упоминаний ряда более поздних античных авторов и дошедших до нашего времени мелких отрывков из их работ современные исследователи могут лишь в самых общих чертах представить себе содержание и общий характер этих, по видимому, безвозвратно погибших, культурных ценностей.

Наиболее ограниченными являются представления современных ученых о Кратиппе, одном из продолжателей и подражателей Фукидида. Известно, что он был против введения в исторические работы речей политических деятелей и даже порицал за это Фукидида. Абсолютно достоверных произведений самого Кратиппа не сохранилось, но многие из филологов и историков литературы склонны приписывать именно ему большой отрывок исторического произведения, найденный на одном из древнегреческих египетских папирусов, обнаруженных в конце XIX века в Египте, близ селения Оксиринх. Этот отрывок, содержащий рассказ о событиях 396—395 годов, принадлежит какому-то трезвому, точному историку.

Другим крупным историческим писателем IV века был Филлист, уроженец города Сиракуз, сотрудник и верный друг сиракузского тирана Дионисия Старшего. Рассорившись со своим покровителем, Филлист был подвергнут изгнанию. Удалившись в Великую Грецию, он обработал там свое историческое произведение, содержащее «Историю греческой Сицилии» с древнейшей поры до IV века до нашей эры. Известно, что за образец для себя Филлист взял труд Фукидида. Покражая своему замечательному предшественнику, Филлист добросовестно изучал материал. Как и Фукидид, он стремился писать слогом сжатым и кратким. Однако ему многого не хватило для сходства со взятым им образцом. У него не было критического чутья, он слишком доверял мифам, что сделало его труд весьма несовершенным даже в глазах последующих историков.

Гораздо большее значение для развития исторических знаний в древности имели труды Эфора, уроженца малоазийского города Кима. Эфор написал большую, в 30 книгах, «Всеобщую историю Греции», охватывавшую период с эпохи переселения дорян в Пелопоннес до эпохи Филиппа II Македонского. Сам Эфор не успел довести до конца свой труд, и завершил это произведение его сын Демофил. Появление труда Эфора, совпавшее по времени с насильственным объединением Греции под властью Македонии, отражало восприятие этих событий современниками.

Создавая свое произведение, Эфор поставил себе целью дать не историю отдельных греческих городов-государств, а представить картину развития всего греческого мира в целом, но только собственно Греция, но и всех греческих колоний. Подготавливая свой труд, Эфор собрал огромный фактический материал, пользуясь не только трудами своих предшественников, но также надписями. Эфор отрицательно относился к мифам и пытался рационалистически объяснять мифологический материал. Сурово критикуя данные источников, он считал достоверными сведения только действительных свидетелей исторических событий.

Труд Эфора имел огромный успех у современников и ближайших потомков и явился важнейшим этапом в процессе развития греческой историографии.

Однако нужно отметить, что, будучи кабинетным ученым, оторванным от жизни и не имевшим ни военного, ни политического опыта, Эфор был склонен объяснять ряд явлений мелкими причинами. Так например причины возникновения Пелопоннесской войны Эфор свел к личному стремлению Перикла избавиться от ряда неприятностей путем провоцирования конфликта со Спартой.

Выдающимся историком конца IV века до нашей эры был также Феопомп, уроженец Хиоса, написавший большую историю Филиппа в 58 книгах. Произведение Феопомпа содержит описание событий с 362 по 336 год до нашей эры. Поставив в центр изложения образ македонского царя, Феопомп как бы хотел этим подчеркнуть новый этап в развитии общественных отношений древнегреческого общества. Но при этом Феопомп не стеснялся целать большие отступления в область культурной истории и в область прошлого таким образом, что «История Филиппа» превращалась во всеобщую историю Греции. Страстный и темпераментный историк не щадил своих героев. Пытаясь давать объективные литературные характеристики, он зло бичует их недостатки и пороки. По словам одного из последующих античных писателей, Феопомп считался в древности одним из «злоречивейших писателей». Феопомп излишне критически относился к данным источников и придал большее значение географической среде. Но это не мешало ему интересоваться и элементом чужеского, в связи с чем «удивительным вещам» в его истории был посвящен целый специальный раздел.

Подобно Эфору, Феопомп был весьма популярен среди читателей греко-римского мира, по видимому, ценивших его за обилие анекдотического материала и злоречивые,

резкие характеристики исторических деятелей.

Из остальных историков IV—III веков до нашей эры следует упомянуть сицилийца Тимея, написавшего историю Сицилии. Тимей первый ввел счет времени по Олимпиадам.

Существовала еще целая плеяда политических деятелей эпохи борьбы цесдахов, оставивших потомству свои мемуары. К числу лиц, оставивших свои воспоминания, принадлежали основатель династии Птолемеев — Птолемей Лаг, эфирский царь Пирр, стратег Ахейского союза Арат. Однако ни одно из этих произведений не сохранилось в подлинном виде, и о них можно судить лишь по отрывкам и переложению их Плутархом.

* * *

Крупнейшим историком эллинистического периода, о произведениях которого современные ученые могут судить непосредственно по дошедшим до нашего времени частям его труда, является Полибий.

Полибий был уроженцем аркадского города Мегалополя и происходил из одной из знатнейших фамилий этого города. Его отец Ликорт был стратегом Ахейского союза. Родился Полибий около 204 года до нашей эры. В детстве и юности он лично знал известного стратега и руководителя Ахейского союза Филомена, под руководством которого и получил первые сведения по вопросам государственного управления и внешнего дела.

Под влиянием своего отца и Филомена Полибий хорошо подготовился к политической и военной деятельности. В период третьей Македонской войны он занял в Ахейском союзе высокий военный пост — гипшарха, являвшегося заместителем союзного стратега. Защищая интересы свободы и самостоятельности Ахейского союза, Полибий, однако, все же понимал крайнюю невыгодность допущения полного разгрома Македонии римлянами. После уничтожения Македонского царства в правительстве Ахейского союза одержала верх партия сторонников Рима, и Полибий не только был отстранен от должности гипшарха, но, будучи подозрительным римлянам, оказался в числе той тысячи знатных ахейцев, которые были отправлены в Италию в качестве заложников.

С приездом в Рим для Полибия начался новый этап в его жизни. Он поселился в доме Луция Эмилия Павла, детей которого он, повидимому, впоследствии воспитывал, и вскоре сблизился со многими виднейшими представителями римского патрициата. Полибий оказался в числе близких друзей Циципиона Эмилиана, знал Тиберия и Гая

Грахов и многих других выдающихся римлян. Благодаря связям с представителями римской аристократии Полибий мог хорошо ознакомиться с римским государственным аппаратом, который произвел на него исключительно сильное впечатление своей четкой и правильной организацией, особенно выигрывавшей в сравнении с раздорами и бесконечной борьбой различных группировок на родине историка.

Когда в 150 году Полибий по ходатайству своих влиятельных друзей получил разрешение возвратиться на родину вместе с немногими другими, оставшимися в живых ахейскими заложниками, он был уже горячий поклонник и искренний приверженец римского господства в Греции. В 149 году, после начала третьей Пунической войны, Полибий вновь покинул родину и отправился в лагерь к Циципиону Эмилиану, осаждавшему Карфаген. Пока длилась осада, Полибий совершил большое морское путешествие вдоль северных и западных берегов Африки и возвратился в римский лагерь к моменту взятия города. Узнав о восстании пизских слоев населения ахейских городов против римлян, Полибий поспешил на родину, куда и прибыл вскоре после разрушения Коринфа, в 146 году.

По возвращении в Грецию Полибий развил кипучую деятельность, стремясь предотвратить развитие катастрофы и приостановить разорение родного края римскими войсками. Он взял на себя трудную и ответственную роль посредника между победителем — Римом и побежденной Элладой. Благодаря тому что Полибий получил от римского правительства специальное задание реорганизации нового политического устройства греческих городов, упорядочения их отношений и умиротворения страны, ему удалось добиться значительного смягчения римского режима в Греции. Он спас ряд городов от разграбления римскими войсками, а жителей — от продажи в рабство. Ему удалось даже убедить римского командующего Муммия, грубого и некультурного человека, вернуть включенные было в число добычи статуи ахейских стратегов — Арата и Филомена. Столь успешное выполнение возложенной на него миссии снискало Полибию всеобщую благодарность. Ему воздавались почести во многих городах Пелопоннеса, в честь него воздвигались колонны и статуи, одна из которых была найдена при раскопках в Олимпии в 1877 году.

Впоследствии, при осаде Пуманции, Полибий снова сопутствовал Циципиону. По-видимому, к этому же времени следует отнести и другие путешествия Полибия, совершенные им по Южной Галлии, Испании, Африке. Побывал Полибий и на Востоке,

посетив Александрию в Египте и центральные области Малой Азии. Умер Полибий в возрасте 82 лет в 122 году. За свою долгую жизнь Полибий накопил исключительно богатый и глубокий жизненный опыт, позволивший ему создать замечательнейшее произведение античной исторической литературы. Это была «История» в 40 книгах, названная самим автором «Всеобщей» или «Всемирной».

* * *

Хотя Полибий написал еще несколько исторических работ: «Жизнь Филопемена», «Трактат о тактике» и небольшое повествование «О взятии Нуманции», — однако основным его трудом являлась «Всемирная история». Это единственная работа, дошедшая до нас, по которой мы можем судить о стиле и характере изложения этого замечательного историка древности. Полибий создавал свой труд в течение многих лет. Он долго собирал материал и оформлял его, выпустив свое произведение только после 146 года. Основной темой работы Полибия является объяснение причины блестящих успехов Рима, объяснение того, как почти все известные тогда земли подпали под власть римлян.

Исходной точкой для своей «Истории» Полибий берет 220 год, когда, по его мнению, войны, происходившие в различных частях Средиземноморья (вторая Пуническая на Западе и война между Антиохом III и Птолемеем Филопатром из-за Сирии), взаимно переплетаясь, обусловили победу Рима. Этой основной теме отведены книги с III до XXX, содержащие описание истории средиземноморских стран с 220 по 168 год. Первые две книги Полибий отводит описанию хода первой Пунической войны и политической истории Греции до битвы при Селласии. Последние десять книг Полибий посвящает описанию укрепления и упрочения господства Рима в завоеванных им провинциях. Такова общая композиция этого замечательного труда, от которого до нашего времени сохранились полностью лишь первые пять книг. От остальных книг дошли до нас более или менее крупные отрывки, за исключением последней — 40-й книги, исчезнувшей целиком.

Отличительной чертой работы Полибия является ее универсальность. С достойным удивлением уменьем он изложил историю большинства культурных стран своего времени. Разрабатывая вопросы истории Греции, Македонии, Малой Азии, Сирии, Египта и Карфагена, он все же основное свое внимание направлял на описание истории Рима, неоднократно подчеркивая, что «особенность нашего труда и удивительная черта нашего времени та, что почти все собы-

тия мира судьба склонила на одну сторону, направила к одной и той же цели»¹. В своей истории Полибий стремился не только подробно и точно описывать фактический ход событий, но и сделал также попытку осмыслить ход исторического развития. Опираясь на предшествовавшие социологические теории, в частности на классификацию форм государственной власти Аристотеля, Полибий создал собственную теорию исторического развития общества. Исторический процесс Полибий рассматривает как развитие некоей закономерности, совершающейся по твердым и целесообразным законам. Формы правления: монархия, аристократия, демократия — меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются по известному круговороту. «Круговорот государственного устройства — таков порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются»².

Всякий вид государственного устройства постепенно вырождается в родственную ему форму, так как все существующее подлежит порче и переменам, согласно естественным законам.

Однако, подчеркивая планомерность событий общественной жизни, Полибий как бы сам противоречит себе, ссылаясь на влияние судьбы: «как бы сама судьба придала совершенно новый вид обитаемой земле: повсеместно в тот момент произошла перемена правителей, а вместе с тем и в положении дел»³.

Отводя судьбе чрезвычайно видную роль, Полибий в то же время не закрывал глаза на окружающие человеческое общество природные условия, обращая особое внимание на значение географического фактора в историческом развитии. Полибий усиленно подчеркивает значение правильного государственного устройства для всей внутренней и внешней жизни страны. При этом он особенно внимательно останавливается на порядках Римской республики, отмечая положительную роль римского государственного аппарата.

Это усиленное прокламирование симпатий к Риму легко объяснимо с точки зрения классовых позиций историка: Полибий принадлежал к господствующим слоям греческого общества и видел в мощном государственном аппарате Рима якорь спасения для рабовладельцев своей родины. Поэтому он усиленно агитировал за полное подчинение греческой аристократии Риму, старался убедить современников в невозможности дальнейшего существования самостоятель-

¹ Полибий. Кн. 1-я. Гл. 4, 1.

² Полибий. Кн. 6-я. Гл. 9, 10.

³ Полибий. Кн. 4-я. Гл. 2, 4—9.

ных греческих полисов и необходимости установления римской гегемонии над Элладой.

Исходя из этого, Полибий рассматривает свою историю не как материал для праздного чтения, а как средство для накопления политических знаний и опыта. История должна прежде всего приносить пользу. Цель ее, по его мнению, — правдивым изложением событий научить и убедить людей. Если голый рассказ о событиях прошедшего времени может вызвать только общий интерес, то пользу может принести лишь объяснение причинной связи явлений. Большинство желает знать не столько, что произошло, сколько, почему оно произошло. Как врач не в состоянии применить необходимого лечения, если он не знает причин болезни, так и политический деятель будет бессилён, если он не сумеет определить причины событий. Поэтому необходимо особенно дорожить знанием причин каждого факта. Полибий указывает, что большинство предшествующих ему историков имело крайне сбивчивое понятие о причинах. Они не понимали, что повод необходимо отличать от причины. Сам же Полибий усиленно подчеркивает различие этих понятий:

«Со своей стороны началом всякого предприятия я называю первые шаги, ведущие к выполнению уже принятого решения, тогда как причины предшествуют решениям и планам: под ними я разумею помыслы, настроения, в связи с ними расчеты, наконец все то, что приводит нас к определенному решению или замыслу»¹.

Исходя из стремления максимально содействовать прогрессу исторической науки,

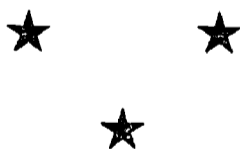
¹ Полибий. Кн. 3-я. Гл. 6, 7.

Полибий настаивает на том, чтобы историк знакомился с политической жизнью не только из книг, но и лично участвовал в общественной и политической деятельности.

Таковы в общих чертах взгляды и идеи этого замечательного историка древности, много сделавшего для развития исторической науки.

Выходец из среды богатых греческих землевладельцев, Полибий целиком осознал основные задачи своего класса. Понимая неизбежность крушения греческого рабовладельческого общества, он видел в Риме и государственном аппарате римских рабовладельцев единственное средство спасения, с помощью которого рабовладельцы Греции могли сохранить свое положение. Этой основной идеей пронизан его выдающийся труд, в который он вложил весь свой жизненный опыт и все свои знания, создав высокоценное историческое произведение, резко выделяющееся из массы остальных исторических работ античных авторов, исключая лишь столь же серьезный и продуманный труд Фукидида.

Полибий и Фукидид являются наиболее яркими и блестящими представителями древней историографии, знакомство с работами которых совершенно необходимо для любого культурного историка и весьма желательно для широких слоев советской интеллигенции. На русский язык труды Полибия были переведены казанским профессором Мищенко и изданы в 1890—1895 и 1899 годах. В настоящий момент эти издания исчезли с нашего книжного рынка, и было бы весьма полезно переиздать этот классический труд.

Н. Новопашенная

1-я школа Свердловского района г. Ленинграда

История народов Средней Азии в курсе истории СССР

(Из опыта работы в 8-м классе)

В школьном курсе истории СССР надо показать богатое историческое прошлое всех народов нашей страны. Однако вследствие того, что преподаватели зачастую слабо знают историю народов нашей страны, во многих школах история СССР еще до последнего времени подменялась историей Великороссии.

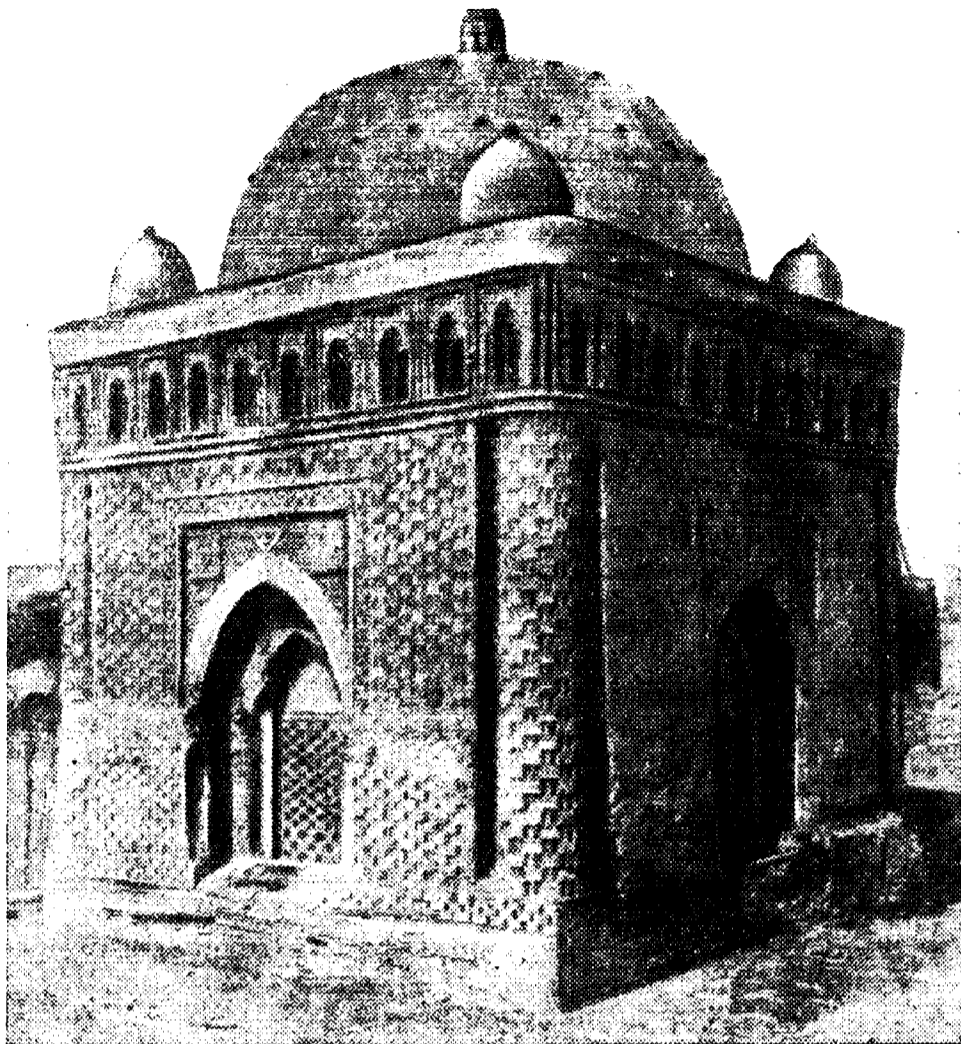
Сейчас создан ряд важнейших условий для улучшения преподавания истории и в том числе истории народов Азии в курсе истории СССР.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» содержатся те руководящие методологические указания, которые преподаватели должны положить в основу своей работы. Выход в свет учебника «История СССР для вузов», а также большая литература по истории народов Средней Азии, опубликованная за последние годы¹, помогают преподавателю овладеть историей отдельных

народов СССР. Но методические трудности попрежнему остаются. Перед каждым преподавателем попрежнему стоят вопросы: как от истории Руси перейти к истории СССР, как историю отдельных народов включить в общий курс истории СССР, как добиться, чтобы народы нашей страны выступали как субъекты исторического процесса в сознании учащихся, как создать конкретные яркие представления о далеком историческом прошлом народов

5. Б. Я. Владимирцев «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм». Изд. Академии наук СССР. Л. 1934. 6. А. Якубовский «Самарканд при Тимуре и тимуридах». Гос. Эрмитаж. Л. 1933. 7. Л. В. Баженков «Средняя Азия в древний период (между VI и II веками до нашей эры)». Узбекстанский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма при ЦК КП(б) Узбекистана. Гиз УзССР. Ташкент. 1937. 8. В. Ян «Чингисхан. Исторические романы». Гослитиздат. М. 1939. 9. Бертельс «Литература народов Средней Азии от древнейших времен до XV в. н. э.». Журнал «Новый мир» № 6—7 за 1939 год. 10. Статьи в журналах «Вестник древней истории», «Исторический журнал», «Историк-марксист», «Известия Отдела востоковедения Академии наук СССР».

¹ 1. «Материалы по истории туркмен и Туркмени». Тт. I и II. Изд. Академии наук СССР. 1938 и 1939. 2. «История Татарии в документах и материалах». Соцэпгиз. М. 1937. 3. «Путешествие ибн-Фадлана на Волгу». Изд. Академии наук СССР. М. 1939. 4. Б. Греков и А. Якубовский «Золотая Орда». Соцэпгиз. Л. 1937.

Мавзолей Исмаила Саманида. X век. Бухара.

нашей страны, как добиться прочных знаний учащиеся по истории народов нашей страны?

Для правильного разрешения этих вопросов мы считаем необходимым выдвинуть одно принципиальное положение: надо включать историю отдельных народов нашей страны в общий курс истории СССР не эпизодически, в виде отрывочных сведений, а большими разделами. Включая в общий курс истории СССР жизнь отдельных народов в историко-хронологической последовательности, необходимо давать крупные периоды, не разрывая их на части. Программа по истории СССР для 8—10-го классов на 1939—1940 год соответствует этому требованию. Отсюда, естественно, вытекают два вывода: во-первых, при изучении истории СССР в старших классах средней школы не должно быть провалов, при которых пропадали бы основные разделы истории народов нашей страны; во-вторых, необходимо при сообщении учащимся материала по истории отдельных народов нашей страны суммировать его по периодам.

На примере народов Средней Азии мы хотим показать, как наиболее целесообразно включать в общий курс истории СССР историю народов нашей страны¹.

¹ В основу статьи положен опыт преподавания автором истории в 8-х классах

1

Согдийцы и хорезмийцы — первые известные нам обитатели среднеазиатской части нашей страны. Далекой окраиной рабовладельческого общества являлась Средняя Азия в то время.

Проходили и сменялись завоеватели, разоряли страну, захватывали в рабство население. Иранское государство Ахеменидов было завоевано Александром Македонским. Эллинистические государства Селевкидов уступили место самостоятельным политическим образованиям народов Средней Азии и Сасанидской Персии, которые пали при наступлении арабов.

Самостоятельные феодальные государства, оформившиеся во время арабского господства, освободившись из-под власти арабов, были завоеваны тюрками. Держава Саманидов уступила место государству Караханидов.

В XIII веке феодальные государства Средней Азии были разгромлены полчищами Чингисхана. На территории Средней Азии, входившей когда-то в состав Монгольской империи Чингисхана в виде улуса Джаягатая, в конце XIV века была создана огромная военно-феодальная держава Ти-

1-й школы Свердловского района Ленинграда в 1936—1937, 1937—1938 и 1939—1940 учебных годах.

мура, которая в свою очередь распалась в XV веке.

Узбекские и казахские ханства пришли на смену большим политическим образованиям в Средней Азии.

Такова внешняя история Средней Азии, с которой надо познакомить учащихся 8-го класса.

Еще более сложными являются социально-экономические процессы во внутреннем развитии народов Средней Азии. На территории Средней Азии за это время первобытно-общинный строй сменился рабовладельческим, последний в свою очередь — феодальным строем. Народы Средней Азии, впитавшие в себя богатую культуру предшествовавших им периодов истории человечества, создали свою высокую культуру, с которой также должны познакомиться учащиеся 8-го класса.

Как же познакомить учащихся с историческим прошлым народов Средней Азии?

В 8-м классе приходится говорить о народах Средней Азии четыре раза. Впервые мы рассказываем о жизни народов Средней Азии при характеристике нашей страны в древнее время. Второй раз мы возвращаемся к истории народов Средней Азии в связи с темой «Феодальное раздробление Восточной Европы». Здесь мы знакомим учеников с историей Средней Азии от арабского господства до монгольского завоевания. Далее, преподаватель особо останавливается на характеристике государства Тимура и его распадении. Наконец, в конце курса дается характеристика Средней Азии в XVI—XVII веках.

Историю народов Средней Азии надо проходить в тесной связи с общей историей нашей страны. Поэтому преподаватель отмечает не только хронологическую последовательность событий в истории Средней Азии, но и одновременность различных событий на территории всей нашей страны.

Историю СССР надо проходить на фоне всеобщей истории. Преподаватель показывает связь народов Средней Азии с мировой историей. На такую связь он указывает, например, при характеристике Средней Азии в древнее время, когда Средняя Азия являлась окраиной рабовладельческого общества.

2

Нетрудно дать представление о природе Средней Азии. Гораздо труднее создать живые представления о людях и общественных отношениях. Чтобы оживить далекое историческое прошлое, сделать его близким и понятным, создать у учащихся

«живое созерцание» исторических событий и дать необходимую сумму знаний о народах Средней Азии, необходимо использовать все многообразие методов педагогической работы. В первую очередь преподаватель использует лучшее средство передачи знаний — живое слово. Чтобы рассказ преподавателя о жизни народов Средней Азии заинтересовал учащихся, он должен отличаться действительно высоким качеством. Чтобы оживить изложение, преподаватель обращается к ценнейшему документальному материалу по истории народов Средней Азии. В его изложении оживут описания современников, очевидцев и участников далеких событий, прозвучат вдохновенные стихи поэта и чаяния народных масс найдут свое выражение в памятниках фольклора. Стремясь к наглядности изложения, преподаватель широко использует исторические карты, разнообразные таблицы, фотографии и картины, а также подлинные памятники исторического прошлого. Преподаватель имеет возможность показать учащимся эти подлинные памятники исторического прошлого народов Средней Азии на экскурсии. Живое слово преподавателя, доклады учащихся, наглядные пособия, экскурсии, организация дополнительного чтения учащихся и самостоятельной работы, повторительно-обобщающие уроки — вот те разнообразные средства, при помощи которых учащиеся приобретают необходимую им знания о народах Средней Азии.

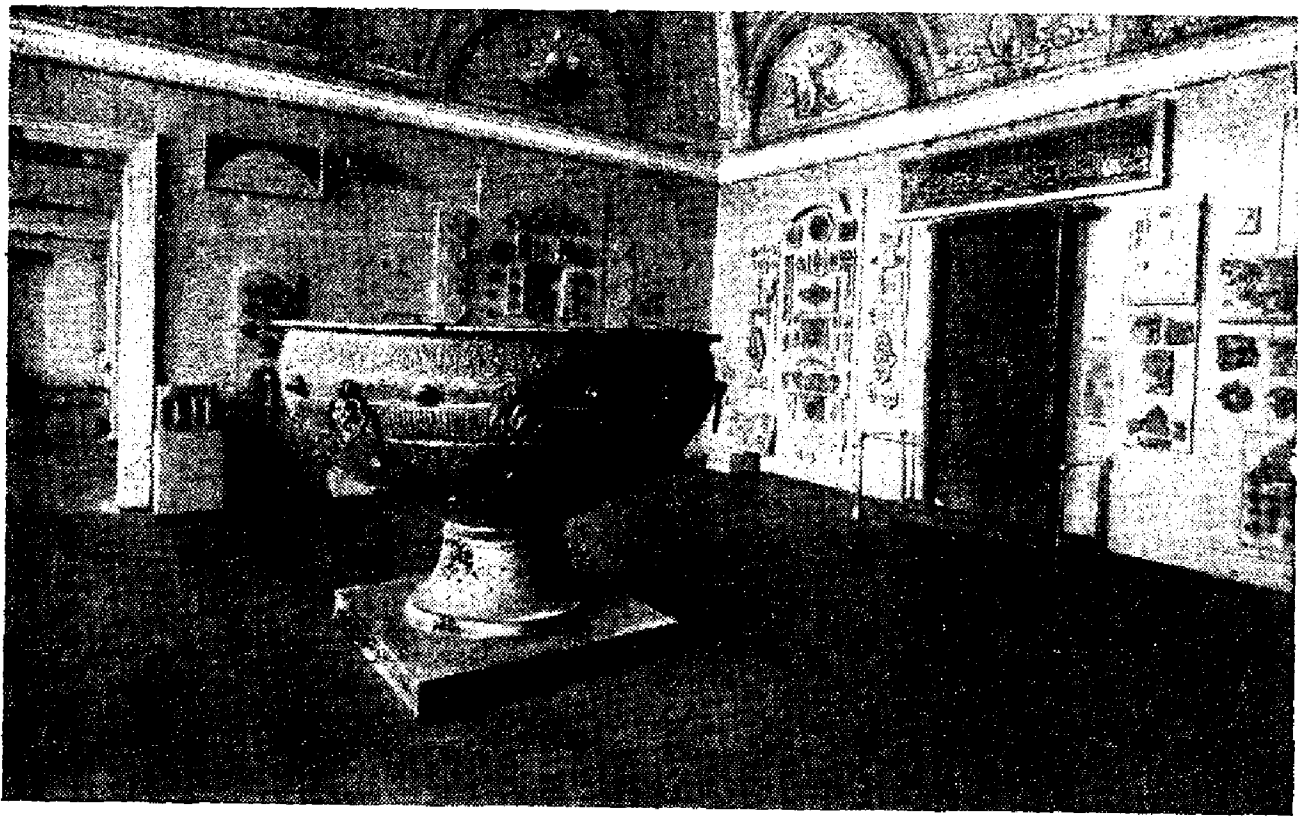
Как же в педагогической практике осуществляется это многообразие методов работы при ознакомлении учащихся с историей народов Средней Азии?

Приведем пример. На уроке истории СССР в 8-м классе речь идет о государстве Саманидов¹. Преподаватель должен показать образование самостоятельных феодальных государств в Средней Азии, рост городов, подъем ремесла и торговли, расцвет феодальной культуры при Саманидах.

Живое слово преподавателя — вот способ передачи знаний, используемый на данном уроке.

Карта «Арабы в Средней Азии и Закавказье в VIII—IX веках» знакомит учащихся с территориями, где происходили описываемые события. На карте отмечены границы государства Саманидов, в состав которого входили Мавераннахр, Хорасан и Северный Иран. Политическая карта СССР

¹ См. программу по истории СССР для 8-го класса. Раздел 1. Тема «Образование феодальных государств в Закавказье и Средней Азии».

Бронзовый котел из мечети Ходжа Ахмед Ясеви. Туркестан, 1399 год.

Государственный Эрмитаж.

показывает, какие социалистические республики Средней Азии находятся в настоящее время на этой территории.

На контурные карты в тетралях учащиеся наносят места раскопок в Средней Азии¹.

После того как очерчены границы государства Саманидов, преподаватель дает характеристику отдельных областей и главных центров хозяйственной и политической жизни Бухары, Мерва, Самарканда, используя для этого ценнейшие документы той эпохи. Арабские и персидские источники дают прекрасный материал для исторической географии. «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу (921—922 годы)» дает возможность преподавателю включить в свой рассказ не только конкретные подробности о своеобразных способах передвижения в то время, но также рассказать о торговых связях славян с народами Средней Азии через болгар и хазар.

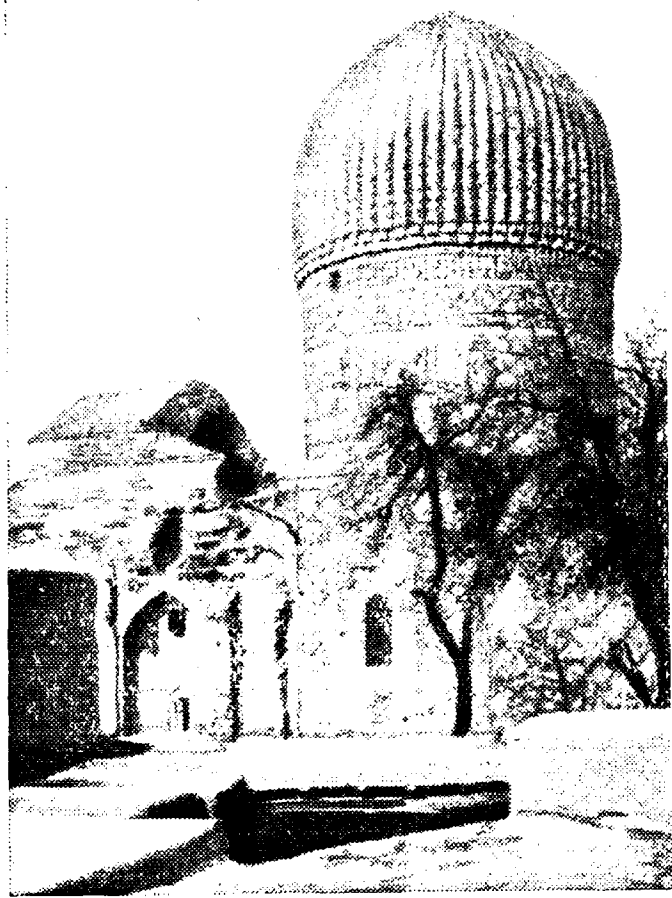
Обстоятельное описание Мерва, составленное одним из арабских писателей около 951 года, дает учащимся наглядное представление об устройстве города, о подземных каналах, о системе распределения воды, о базарах и зданиях Мерва в X веке.

¹ На основании собранного по газетам материала была изготовлена карта, на которой были указаны места раскопок на территории СССР, для иллюстрации урока «Успехи советской археологии». Работа была выполнена в порядке домашнего задания после первого урока по истории СССР.

У арабских историков преподаватель находит прекрасный материал для характеристики занятий населения и показа географического разделения труда².

Таким образом, описания современников показывают хозяйственную жизнь Средней Азии во время Саманидов и дают также материал для изучения культуры той поры. Горы, отличающиеся «красотой расположения, планировкой зданий и кварталов», дворцы и мавзолеи, куполообразные мечети и медресе свидетельствуют о большом строительстве и расцвете культурной жизни при Саманидах. Встречающиеся в документах упоминание о людях «разумения, науки и образования» показывает состояние умственной жизни феодальной аристократии при Саманидах.

² «Большую часть стада Хорасана (составляют) верблюды (которые) пасутся в окрестностях Серахса и Балха. Большая часть баранов привозится из страны гурзов... Лучший скот разводится в окрестностях Балха, лучшие рабы — те, которые привозятся к ним из страны тюрок, лучшие хлопчатобумажные и шёлковые одежды делаются в Нишапуре и Мерве. Лучшие льняные ткани делаются в Мерве». «Материалы по истории туркмен и Туркмени». Т. I, стр. 176—177. Ср. описание Хорезма: «Это округ известный, обширный, со многими городами, населенная местность... (Там) не прерываются жилища и сады, множество прессов для давки винограда, нашен, деревьев, фруктов и жизненных благ, он прибылен для людей торговли». Там же, стр. 185.

Гур-Эмир. 1404—1405 год. Самарканд.

Вот как описывает «царственный пир» эмира Бухары его придворный поэт Рудаки:

«Золотая парча, ковры новых рисунков,
Ароматные травы и столы повсюду.

В одном ряду эмиры сядут и Бал'ами¹
с ними.
В другом азаты² и старый дикхан³
Салих.

На переднем месте на троне сидит пове-
дитель,

Царь царей эмира, эмир Хорасана.
Тысячи турок стоят возле рядов...»⁴

Здесь в немногих словах дана яркая, конкретная картина феодальной иерархии при Саманидах. Тут полузависимые от центральной власти феодальные князья-эмиры и представители родовой аристократии, а также мелкие землевладельцы. Но здесь же и представители новой знати — военная гвардия эмира. Тут и главный начальник военно-гражданского управления — везир Саманидов.

Бухара, «светлая звезда на небесах превращения», «благородная Бухара», как называли ее современники, была центром культурной жизни при Саманидах.

Современники первых киевских князей—Саманиды—старались привлечь к

¹ Везир Саманидов.

² Родовая аристократия.

³ В то время — помещик-землевладелец.

⁴ Бертельс «Литература народов Средней Азии». Журнал «Новый мир» № 6 за 1939 год, стр. 227.

своему двору выдающихся поэтов, художников, ученых. На территории нашей страны в Средней Азии начал свою деятельность знаменитый иранский поэт Фирюси, автор замечательного произведения иранского эпоса «Шах-Намэ». При дворе Саманидов находился и величайший ученый того времени Абу-Али ибн-Сина, известный в Западной Европе под именем Авиценны. Расцвет феодальной культуры при Саманидах преподаватель иллюстрирует примером Авиценны. Красочный, эмоциональный материал автобиографии ибн-Сины и его стихи помогают создать живой образ человека, страстно стремящегося к знанию, и показать состояние науки при Саманидах. (Материал об ибн-Сине можно найти в статье Е. Бертельса «Литература народов Средней Азии». «Новый мир» № 6 за 1939 год).

Культура саманидской Бухары воплощается в многогранном облике Авиценны. Ученый, философ, врач и поэт, впитавший в себя многовековую культуру коренных обитателей Средней Азии — согдийцев и хорезмийцев, — творчески переработавший в своих произведениях культуру Ирана и Аравии; античную философию, Авиценна показал, до какой высокой степени поднялась культура Средней Азии в X веке.

Слова преподавателя становятся особенно убедительными для учащихся, когда он на экскурсии заставляет говорить вещественные памятники исторического прошлого. Приведем пример. В теме «Государство Тимура и распадение Золотой Орды»⁵ преподаватель второй раз говорит в курсе истории СССР о культуре Средней Азии.

Преподаватель рассказывает в классе о развитии феодальных отношений при Чингисхане, дает социально-экономическую характеристику Средней Азии в XIV веке, обрисовывает политическую обстановку Средней Азии к моменту образования государства Тимура, а весь материал о Тимуре и культуре Средней Азии при Тимуре изучается на экскурсии⁶. Учащиеся получают представление о монгольском войске, где главной силой являлась конница. Документ — слова иностранца Блавино — рассказывает о ядре этой конницы воинов — о кочевниках из племени чагатаев, пользовавшихся льготами от царя. Искусство Средней Азии также может быть наглядно продемонстрировано на экскурсии. Мозаичные и расписные изразцы, при-

⁵ См. программу по истории СССР для 8-го класса, стр. 40.

⁶ См. В. Н. Бернадский «Методы преподавания истории в старших классах», стр. 128—131. Л. 1939.

везенные в Эрмитаж из Самарканда, план группы мавзолеев Шах-и-Зиндэ, фотоснимки главной мечети Тимура и его дворца, изразцовая, мозаичная надпись у входа в «Гур-Эмир» (мавзолей Тимура) и резные двери, большой бронзовый подсвечник, инкрустированный серебром и золотом, огромный бронзовый литой котел для воды (весом в 2 тонны, диаметром в 2,5 метра) — таковы объекты изучения. Удивительная тонкость художественной работы среднеазиатских мастеров демонстрируется на изразцовой мозаичной надписи у входа в «Гур-Эмир». Белые буквы на синем фоне так искусно вписаны в общий орнамент, что с трудом можно прочесть арабские слова: «Это могила султана мира — Тимура Гургана».

Резные двери из арчевого дерева показывают замечательное искусство среднеазиатских мастеров в художественной резьбе орнамента и в отделке тонкой инкрустацией из кости и перламутра.

Памятники искусства, воздвигнутые при Тимуре, поражали своей красотой не только современных ему арабских и персидских писателей, но и людей, приезжавших из Западной Европы, в том числе испанского посла Клавихо.

Описания современников дают возможность представить тяжелый труд тех, кто создавал эти замечательные памятники искусства.

Самостоятельная работа учащихся над произведениями фольклора, художественной литературы изучаемой эпохи и исторической беллетристики также является средством для закрепления и расширения полученных на уроке знаний.

Для знакомства с жизнью и бытом народов Средней Азии преподаватель рекомендовал учащимся для чтения роман Яна «Чингисхан». Книга была рекомендована в начале учебного года, так что учащиеся уже имели некоторый запас сведений, когда подошли по курсу к описываемым в книге событиям. Более подготовленным ученикам было предложено подготовить несколько докладов. Одни преподавателя использовали доклады на уроке, другие — во внеклассной работе.

Подготовка к докладу (по книге Яна) «Хорезм накануне монгольского завоевания» не вызвала больших трудностей. Работа докладчика свелась к отбору сведений, имеющих у Яна о жизни городов, о быте и занятиях жителей Хорезма и его правителей. При отборе материала и составлении плана ученик получал необходимые указания от преподавателя.

Большое образовательное и воспитательное значение такой самостоятельной работы ясно. Достигнутые результаты вполне оправдывают затраченное время.

Но недостаточно создать живые образы, яркие, конкретные представления. На основе накопленных знаний необходимо и правильно обобщить исторические события.

По теме «Держава Тимура» преподаватель может разобрать и обобщить накопленный материал. Преподаватель заранее дает учащимся вопросы, по которым они должны привезти в систему материалы экскурсии. Затем, на экскурсии, учащиеся получают необходимый конкретный материал. После экскурсии на уроке путем беседы проводится разбор и обобщение экскурсионного материала по данному ранее плану. Вот вопросы, подлежащие обсуждению:

- 1) как создавалось государство Тимура;
- 2) культура Средней Азии при Тимуре;
- 3) международные связи государства Тимура;
- 4) личность Тимура;
- 5) причины непрочности державы Тимура.

Особенно важное значение приобретают разбор и обобщение исторических событий в тех разделах курса, где народы Средней Азии выступают как борцы за свою национальную независимость, против иноземных захватчиков. Нельзя ограничиться только рассказом о героической борьбе народных масс Средней Азии под руководством Муканни против арабов. Преподаватель не достигнет цели, если он даст только описание восстания крестьян и рабов под руководством Муканни против арабского господства или Мухмала Тараби — против татарского господства. Необходимо заставить учащихся осмыслить эти события. Необходимо выяснить особенности восстания, причины, которые привели к восстанию, причины поражения восставших, какое значение имело восстание в дальнейшей борьбе народов Средней Азии за свою независимость. Только в таком случае народы Средней Азии выступают «как субъекты истории», как борцы за свое национальное освобождение, имеющие героическое историческое прошлое.

При анализе исторических событий преподаватель использует ценный материал произведений классиков марксизма-ленинизма. Например в теме «Монгольское завоевание» после изложения хода событий и показа примеров героической борьбы против татарского господства используются известные слова Маркса для общей характеристики татарского ига:

«...это иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало душу народа, ставшего его жертвой. Монгольские татары устано-

вили режим систематического террора, причем разорения и массовые убийства стали его постоянными институтами».

Эта оценка Маркса помогает обобщить большой конкретный материал по истории нашей страны. Учащиеся предлагается привести известные им исторические факты для иллюстрации оценки татарского ига, данной Марксом. В своих ответах учащиеся приводят многочисленные факты, говорящие о разрушении культурных ценностей при монгольском завоевании, а также примеры борьбы против татарского ига не только в Средней Азии, но на территории всей нашей страны.

Разбор и обобщение исторических событий имеют важное значение и для закрепления в памяти учащихся знаний о народах Средней Азии. Излагая в курсе истории СССР историю народов Средней Азии, преподаватель заботится, чтобы не было разрывов между отдельными разделами. Поэтому всякий раз, когда он вновь приступает к ознакомлению учащихся с историей народов Средней Азии, он кратко повторяет предыдущее. Повторять материал надо при помощи синхронистической таблицы, которая помогает суммировать материал по периодам.

Учащиеся должны уметь объяснить и причины, которые привели к созданию русского национального государства в Восточной Европе и к распадению военно-феодалного государства Тимура в Средней Азии.

Особенно большое значение имеет повторительно-обобщающая работа в конце больших разделов курса. Например, закан-

чивая большую тему «Феодалное раздробление Восточной Европы», учащиеся восстанавливают в своей памяти в хронологической последовательности всю историю народов Средней Азии—с древнейших времен до распада державы Тимура. При таком повторении становится понятным, кто такие узбеки и какую богатую культуру они получили в наследство от оседлых жителей Средней Азии.

Заканчивая курс истории СССР в 8-м классе, учащиеся вновь повторяют основные исторические события из жизни народов Средней Азии в связи с последней темой курса—«Закавказье и Средняя Азия в XVI—XVII вв.». С помощью документа—описания путешествия Дженкинсона¹ по городам Средней Азии—преподаватель дает в своем рассказе материал для ответа на вопрос, какие изменения произошли в XVI веке в жизни народов Средней Азии. Учащиеся должны объяснить и причины упадка городов Средней Азии.

Используя все многообразие методов педагогической работы, преподаватель добивается прочных и отчетливых знаний учащихся. Классная письменная работа, проведенная на тему «Народы Средней Азии в период феодальной раздробленности», показала довольно высокий уровень знаний учащихся.

¹ «Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухары в Бактрии в 1559 г., описанное им самим для лондонских купцов Московской компании».

Новый документ о Н. Г. Чернышевском

В рукописном отделении Всесоюзной библиотеки имени Ленина хранится подлинник письма генерал-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова военному министру Д. А. Милютину от 10 декабря 1871 года о Н. Г. Чернышевском.

Публикуемое впервые письмо Синельникова относится к последним моментам пребывания Н. Г. Чернышевского в Нерчинских рудниках, на Александровском заводе. Документ является яркой иллюстрацией исключительного «внимания» Александра II и его правительства к личности «государственного преступника». Предписания петербургской жандармерии сибирскому начальству и распоряжения последнего об усилении надзора, как известно, посылались в течение всего периода каторги и ссылки Чернышевского.

К окончанию срока каторги, 10 августа 1870 года (срок был сокращен на $\frac{1}{4}$ в силу Высочайшего манифеста от 28 октября 1866 года), в III отделении была заготовлена управляющим 1-й экспедицией А. Ф. Шутьем подробная справка, регистрировавшая все действительные и мнимые попытки революционных кругов освободить Чернышевского. Тогда же, по запросу генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова, последовал доклад шефа жандармов Шувалова царю. Шувалов представлял соображения о неудобствах освобождения Чернышевского, и тогда же последовало повеление Александра II о рассмотрении вопроса в Комитете министров.

По постановлению Комитета от 25 сентября 1870 года срок тюремного заключения Чернышевскому был продлен впредь до изыскания мер к обращению его в ссыльно-поселенцы в таких условиях, которые бы устранили всякое опасение насчет его побега и сделали бы невозможными новые попытки со стороны молодежи к его освобождению.

По новому представлению генерал-губернатора Корсакова, сделанному лично в Петербурге (записка от 28 октября 1870 года № 62) и утвержденному Александром II 22 декабря 1870 года, такой мерой являлся перевод в Вилюйск, наиболее отдаленный угол Якутской области, и водворение в тюремном помещении под личной охраной из казаков.

Вследствие смены высшего руководства краем перевод Чернышевского на поселение ссыльно-поселенца с тюремным режимом состоялся только через год, при новом генерал-губернаторе Н. П. Синельникове, в результате его личной ревизии Александровского завода, последовавшей, как это видно из публикуемого здесь письма, в силу напоминания Александра II о Чернышевском.

Прием нового генерал-губернатора у царя (о приеме этом упоминается в публикуемом письме) состоялся, нужно предполагать, в 20-х числах января 1871 года (указ о назначении вышел 21 января). 20 марта Синельников прибыл в Иркутск и вскоре выехал на Амур с расчетом в начале июня встретиться во Владивостоке с военным губернатором Приморской области, контр-адмиралом Кроуном, как было условлено в Петербурге. Поездка продолжалась более двух месяцев, следовательно, ревизия Александровского завода на обратном пути произошла приблизительно в конце июля, может быть, начале августа 1871 года. (В своих воспоминаниях¹ Синельников упоминает одну дату, 29 июля, когда на обратном пути в Иркутск им были посланы письма в Петербург с отчетом о поездке.)

Понятен страх, которым проникнуто письмо Синельникова. Помимо напоминания царя ему напомнили о Чернышевском и с другой стороны. Незадолго до прибытия Синельникова в Иркутск была совершена новая, исключительно дерзкая попытка освободить Чернышевского, предпринятая Г. А. Лопатиным отчасти под влиянием Маркса.

Широко распространившиеся слухи о попытке Лопатина вызвали прибытие в Иркутск 20 сентября 1872 года князя Голицына, специально командированного из Петербурга для проверки надзора за Чернышевским.

О произведенной ревизии и найденных при этом беспорядках Синельников и сообщает военному министру Д. А. Милютину:

¹ «Записки Н. П. Синельникова». «Исторический вестник» №№ 1—7 за 1895 год.

«Милостивый государь
Дмитрий Алексеевич!

Я смелся доверить почте это письмо и потому отправляю оное с генерал-майором Ивановым, вызванным в Петербург по приказанию его императорского высочества телеграммою генерал-майора Зейме к начальнику штаба.

12 ноября за № 5946 я имел честь представить Вашему высокопревосходительству о назначении Черчинским комендантом полковника Нарского, вместо устаревшего полковника Кноблоха, но по означенным же причинам воздержался объяснить подробности, которые относил к старости Кноблоха.

Государь император при представлении моем изволил, между прочим, обратить внимание на содержание государственного преступника Чернышевского; после представления я тотчас же дал телеграмму в Иркутск усилить надзор за ним; я по прибытии в Иркутск повторил мое требование и потом хотел захватить на завод, проезжая во Владивосток, но боялся потерять двое суток, чтобы не опоздать к времени прибытия туда контр-адмирала Кроуна, почему и заехал на обратном пути.

Не говоря о многих беспорядках, найденных мною по содержанию вообще преступников, например, пища не приготовлялась три дня по случаю повредившейся печи, меня поразила увеличившаяся часть забора при доме, где содержался Чернышевский, при коей не было и человека, между тем как для поминки этой достаточно было несколько часов; представляю на суд Вашему высокопревосходительству последствия, если бы Чернышевский воспользовался этой непростительной оплошностью.

Полковника Нарского я представил потому, что он по своим качествам вполне соответствует месту коменданта, отличный хозяин и вместе с тем по бедному семейному положению затрудняясь по дороговизне «служить в Иркутске, просил о назначении командиром батальона на Сахалин.

Прошу принять уверение в искреннем уважении и душевной преданности.

Николай Синельников.

10 декабря 1871 года.

г. Иркутск».

О. МАРКОВА

Расстрел иванововознесенских рабочих в 1915 году

Публикуемые документы о расстреле иванововознесенских рабочих 10 августа 1915 года являются новым материалом по истории революционного движения в период первой мировой империалистической войны.

Выступление иванововознесенских рабочих в 1915 году не было единичным явлением. Аналогичные события происходили в годы войны и в других частях России. Они свидетельствовали о назревании революционного кризиса в нашей стране.

Экономическая борьба пролетариев Иваново-Вознесенска, вызванная резким ухудшением их материального положения, переросла к августу 1915 года в борьбу политическую, в борьбу против империалистической войны, против всего помещичье-буржуазного строя.

Из публикуемых документов видно, что крупные торговые фирмы Куражевых и Латышевых препятствовали ввозу хлеба в Иваново-Вознесенск и, имея на складах большие запасы, перепродавали хлеб по спекулятивным ценам в другие губернии.

Над рабочими нависла угроза голода. Представители царской власти по существу союкнулись с организаторами голода, обеспечивая безнаказанность действий крупнейшим спекулянтам.

После того как под влиянием забастовки хлебная такса была снижена, ни в одном магазине рабочим не отпускали хлеба по установленной цене. Голод и нищета становились все более невыносимыми.

На основе своего опыта и благодаря пропаганде большевиков рабочие поняли, что только одной экономической борьбой нельзя улучшить свое положение: необходимо выступить с требованием о прекращении войны и свержении самодержавия. Публикуемые документы показывают, что революционным движением иванововознесенских рабочих руководила большевистская организация. Состоявшаяся в июле 1915 года партийная конференция вынесла решение о необходимости перейти от экономической борьбы к политической, к вооруженному восстанию. Члены большевист-

ской организации вели большую подготовительную агитационно-разъяснительную работу, распространяли листовки и прокламации.

Из документов видно, что охранка пыталась обезглавить движение, арестовав накануне событий большевистское руководство. Но группа уцелевших от арестов большевиков сумела перестроить свои ряды, выдвинула к руководству новых людей, организовала выпуск печатных прокламаций, выступила на многотысячном митинге и т. д.

Свидетельства очевидцев доказывают, что расстрел иванововознесенских рабочих был заранее подготовлен, что место для засады было специально подобрано, что стрельба была открыта без предупреждения. Поэтому к официальной документации надо подходить весьма критически, учитывая, что она призвана оправдать разбойничьи действия царских властей.

За два—три дня до расстрела командир 199-го пехотного запасного батальона полковник Смирнов созвал совещание командиров рот и отдал приказ действовать оружием. «Застава» — непосредственные исполнители расстрела — была тщательно

подобрана и выставлена к Приказному мосту. Она «добросовестно» выполнила приказ полковника, расстреляв около 30 человек и ранив более 50.

Приехавшие из Москвы и Петрограда генералы «расследовали» это событие и признали виновными во всем рабочих. Старший следователь по важнейшим делам Владимирского окружного суда начал следствие «о нападении толпы на воинскую заставу 10 августа в городе Иваново-Вознесенске». Но даже царский суд бессилён был репрессировать оставшихся в живых участников августовских событий и вынужден был вынести им оправдательный приговор.

В 1925 году советский суд приговорил полковника Смирнова, руководившего расстрелом иванововознесенских рабочих, к расстрелу.

Часть документов, относящихся к расстрелу иванововознесенских рабочих, опубликована в журнале «Красный архив» (том 68). Данные документы, хранящиеся в архивном отделе УНКВД по Ивановской области, публикуются впервые.

А. КОЗЛОВА

* * *

**Из донесения
начальника Владимирского губернского
жандармского управления директору
департамента полиции,
3 июня 1915 г.¹**

Повсеместное вздорожание продуктов первой необходимости в районе Владимирской губернии особенно тяжело отозвалось на бюджете рабочего населения.

В городе Иваново-Вознесенске, как большом рабочем фабричном центре, населенность которого, считая с пригородом, доходит до полутора миллиона, вопрос о продовольствии, благодаря беззастенчивой эксплуатации крупных мучных поставщиков не желавших считаться с потребностями рабочих и мелких торговцев перекупщиков, все более и более обострял нормальное положение вещей. Острота эта сказалась в особенности в то время, когда Городской думой был вывинут вопрос об отмене таксы, объявленной 4 февраля текущего года.

Одновременно с этим повышенное настроение рабочих стало прогрессировать и 25 минувшего мая рабочие фабрики Куваева прекратив работы, направились к фабрике Маракушева с целью идти совместно к зданию Городской управы и требовать понижения таксы. Не будучи до-

пущены на фабрику, куваевцы разошлись по домам в сильном возбуждении.

26 мая, в час дня, во время смены на фабриках, рабочие забастовали и собравшись на площади около Городской управы, в количестве нескольких тысяч, обратились к находившемуся там же Иваново-Вознесенскому полицеймейстеру с просьбой о понижении цен на продукты. На предложение последнего выбрать из своей среды уполномоченных, для переговоров, рабочие не согласились, при чем настроение их обострилось еще больше и разговор в толпе стал принимать угрожающий тон. Не имея возможности вести переговоры с толпой, полицеймейстер принял все меры к ее успокоению. Рабочие с площади разошлись в одиннадцатом часу ночи. 27 мая на эту же площадь толпа рабочих собралась к 8 часам утра в количестве свыше 7 тысяч с теми же требованиями о понижении таксы. К этому же времени в управу прибыл г. владимирский вице-губернатор, который обратился к собравшимся призывая их выбрать из своей среды уполномоченных для дальнейших переговоров и в виду того, что из толпы громко заявили о том, что уполномоченные могут быть арестованы, вице-губернатор выдал на своей визитной карточке письменное удостоверение в Городскую управу, где в то время обсуждалось в общей комиссии положение вопроса об открытии городским самоуправлением про-

¹ Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 347, оп. 1, д. 1020, лл. 193—195.

даже из своих складов предметов первой необходимости — муки обдирной вальцевой, и сахара по пониженным ценам, как равно и другие вопросы. С утра 29 мая на фабриках по городу были расклеены объявления г. главноначальствующего призывающие рабочих к спокойствию и к выбору доверенных для переговоров по вопросу об устранении чрезмерной дороговизны продуктов. Выбор доверенных было разрешено произвести в каждой фабрике отдельно. К 12 часам утра рабочие стали вновь стекаться к зданию Городской управы по численности менее чем в предыдущие дни... Вечером того же 29 мая в управе было заседание в присутствии выбранных уполномоченных при чем им было выяснено все то, что сделано для понижения цен и как результат этой работы была роздана на руки и вновь утвержденная такса. В этом же заседании уполномоченные заявили о других своих просьбах, но так как таковые касались исключительно их взаимоотношений к фабрикам, то им было предложено непосредственно обратиться к хозяевам. Просьбы эти касались: повышения заработной платы, вежливого обращения с рабочими и др. Во время вечернего заседания на площади и на прилегающих к ней улицах собралась огромная толпа, свыше 15 тысяч, которая спокойно ждала выхода своих выборных из управы... уполномоченные вышли из управы к толпе, где ознакомив ее с вновь утвержденной таксой пригласили разойтись и на завтра приступить к работам...

Полковник Н. Данченко.

Из доклада
владимирского губернатора
министру внутренних дел,
5 июня 1915 г.¹

...главным регулятором цен на предметы продовольствия не только для города Иваново-Вознесенска, но и значительной части Шуйско-Ивановского фабричного района являются исключительно две крупные торговые фирмы «братьев Куражевых» и «братьев Латышевых», эти фирмы как мне удалось документально выяснить, имея громадные запасы хлеба, приобретенные, по их личному заявлению в частном совещании с представителями города, по цене от 65 коп. и не выше 1 р. 20 коп. за пуд, искусственным путем повышали цену на муку, а равно умышленно с той же целью для уменьшения запасов хлеба в городе не представляли полученные ими от Городской управы удостоверения начальнику станции

¹ Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 348, д. 47, лл. 30—31.

Кинешма для получения вагонов для погрузки муки уверяя городскую управу, что вагонов не даст начальник станции в Кинешме. В то же время Куражевы и Латышевы не переставали продавать в другие губернии хлеб, разрешенный по моим ходатайствам, к вывозу из Пермской и Уфимской губерний, для снабжения им исключительно Ивановского района... Полученные таким образом мной сведения, с несомненной очевидностью устанавливали тот факт, что возвышение в Иваново-Вознесенске цен на муку являлось искусственным и при том не добросовестным путем и таким образом представители фирм братьев Куражевых и Латышевых оказывались не только нарушителями обязательного постановления, изданного мной для населения Владимирской губернии, но и главными виновниками рабочего движения...

Губернатор Крейтон.

Отношение
владимирского губернатора начальнику
Владимирского губернского жандармского
управления,
5 июня 1915 г.²

В последнее время в некоторых местностях империи участились случаи забастовочного движения рабочих, представляющих администрациям предприятий требования, главным образом, об увеличении заработной платы, вследствие вздорожания предметов первой необходимости. Принимая во внимание, что всякие волнения в рабочей среде в настоящее время представляются особенно нежелательными, а остановка работ будет во многих предприятиях сопряжена с замедлением в выполнении спешных заказов, связанных с государственной обороной, министр внутренних дел просит обратить самое серьезное внимание на общее настроение фабрично-заводских рабочих во вверенном мне районе, своевременно³ учитывать самые малейшие проявления каких бы то ни было замешательства на отдельных фабриках и заводах, выяснять ближайшие их основания и если окажется, что виновниками таковых являются сами владельцы предприятий, то путем соответственного энергичного воздействия и влияния побуждать их к немедленному улажению возникающих недоразумений, если же виновниками замешательства окажутся рабочие то немедленно применять к главарям самые суровые ме-

² Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 347, д. 1020, оп. 1, лл. 205—206.

³ Текст, начиная со слова «своевременно», подчеркнут синим карандашом и напротив сделана пометка «что самое главное».

ры в пределах особых прав, предоставленных мне положением о чрезвычайной охране. Об этом сообщаю вашему высокоблагородию для сведения и могущих последовать с вашей стороны распоряжений.

Губернатор (подпись).

Правитель канцелярии (подпись).

Телеграмма
владимирского губернатора иваново-вознесенскому полицеймейстеру,
17 июля 1915 г.¹

Ввиду сообщенных вами по телефону сведений предписываю вам усилить наблюдение за настроением рабочих, не допускать никаких сборищ, энергично пресекать всякие попытки снимать рабочих с фабрик и всякое подстрекательство к забастовке, особое внимание обратите на выяснение подстрекателей, применяя полномочия, предоставленные вам по чрезвычайной охране и при малейшем замеченном вами волнении войдите в соглашение с начальником гарнизона о назначении воинских патрулей и караулов.

Губернатор (подписал) Крейтон.

Телеграмма
начальника Московского охранного отделения начальнику Владимирского губернского жандармского управления,
8 августа 1915 г.²

По заслуживающим доверия агентурным сведениям в Иваново-Вознесенске в минувшем июле состоялась районная эсде большевиков конференция с участием представителей: Тейково — один, Гольчихи — два, Родников — два, Кохмы — три, Иваново-Вознесенск — шесть. Выбран временный комитет, присвоивший себе наименование областного, район области точно видимо им не установлен. Принят ряд резолюций, из них обращает внимание призыв к стачкам для перехода при неудовлетворении требований к вооруженному восстанию. В дальнейшем члены названного комитета вступили в связь с некоторыми городами Поволжья, переходя к необходимости непосредственного восстания. Срок восстания приурочивают к восьмому—девятому сего августа, когда в Иваново-Вознесенске, возможно в других местах видимо Костромской губернии может быть в городах, вошедших в связь будут произведены попытки вооруженных столкновений с полицией, без предварительного предъявления каких-либо экономических требований. Из Москвы 8 сего

¹ Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 348, л. 47, л. 78.

² Ивановский областной архив «Октябрьской Революции» УНКВД, о. ф. 380, л. 23а, оп. 1, л. 192.

августа в Иваново-Вознесенск выезжает неизвестный на днях приехавший сюда из Самары, будет сопровождаться под наблюдением, вне связи с местной ликвидацией. Прошу во избежание провала агентуры его не задерживать номер 289283.

Полковник Мартынов.

Верно: ротмистр (Ганька).

Прокламация
Иваново-Вознесенского временного областного организационного комитета РСДРП,
август 1915 г.³

Российская Социал-Демократическая Рабочая партия.

Пролетарии всех стран соединяйтесь! Товарищи рабочие и солдаты! Братоубийственная война все разрастается, да разрастается. Все, что только есть цветущего, здорового и работоспособного принесено на алтарь войны в интересах буржуазии. Лютуют слезы вдов, сирот и матерей. Голод, нищета, разорение и произвол царят всюду. Правительству мало тех миллионов регулярных воинов, запасных, первоатников и новобранцев 15 и 16 года, которых погнали в первую очередь и уложили на поле брани. Оно забирает туда на убой и неокрепших еще 18 летних юношей, а за ними погоняют ратников второго разряда. На убой отправляют последних работников, кормильцев семей. Но для чего же все это? За что пролито это море народной крови? Ведь война не была нужна ни немецкому, ни русскому рабочему. Он знает лишь одну борьбу — борьбу классовую, лишь одного врага — буржуазию. Так кому же была нужна война?

Буржуазии. Эта война — борьба буржуазии одного государства за господство над другим, за преобладание на мировом рынке. И вот пока миллионы наших товарищей погибают на поле брани за дело буржуазии — сотни тысяч хорошо обмундированной и откормленной полиции и жандармерии, упитанной кровью и потом народа, стоят на страже интересов той же буржуазии и расправляется с внутренним врагом — сознательным пролетариатом. Сибирские тундры и тюрьмы переполнены. Туда загнали представителей народов, туда же все еще тянутся, гремя кандалами, бесконечные вереницы наших товарищей. В эту трудную минуту перед нами возникает вопрос: так что же нам делать?

Послушаться ли призыву правительства, позабыть партийную рознь и пойти на братоубийственную войну верными слугами царизма?

³ Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 69, оп. 1, д. 28, лл. 63 — 64.

Нет, товарищи!

С правительством не может быть никакого примирения. Мы до конца останемся его врагами. Подчиняясь силе, нам придется взять в руки оружие и направить против своих инородческих товарищей по несчастью. Но будем же помнить тогда, товарищи, что в неприятельских окопах против нас такие же пролетарии, как и мы. насильно взятые и живущие мыслью повернуть оружие в обратную сторону и превратить буржуазную войну в войну гражданскую. Этой благородной мыслью живет и наш народ. Но нужно эту мысль осуществить на деле. Надо смести всех палачей от царя и министра до урядника, надо на развалинах деспотизма и варварства водрузить знамя свободы, мира и братства народов. И теперь время упустить нельзя. Так будем же помнить об этом товарищи, уходящие на дикую битву за врагов своих. На фабриках и заводах, в казармах и окопах будем напоминать об этом другим товарищам, будем сплочаться в нелегальные организации вокруг красного знамени социал-демократии. И когда революционная волна охватит Россию, не получим по приказу правительства оружия на товарищей своих. Будем прислушиваться к голосу социал-демократии и при первом удобном случае повернем оружие против нашего настоящего врага — правительства. — превратим эту братоубийственную резню в гражданскую войну, в революцию. Рабочие и солдаты! Преступление упустить время. В наших руках лучшая жизнь, свобода и право. Чем помирать за врагов своих, помрем на баррикадах за постоянный мир, за свободу!

Иваново-Вознесенский Временный
областной организационный комитет РСДРП.

**Из донесения
фабричного инспектора города Иваново-
Вознесенска старшему фабричному
инспектору Владимирской губернии,
10 августа 1915 г.¹**

Сим имею честь уведомить вас, что ныне в обед, группа неизвестных рабочих (по видимости XI участка), явившись на вторую ткацкую фабрику Т-ва Полушиных сняла рабочих и увела с собой. Вскоре та же участь постигла фабрики Т-во Ивана Гарелина с С-ми и Т-ва Бурлыгина, Н. Дербенева С-вья, завода Калашникова и Механического Товарищества. Судьба других фабрик лишь пока неизвестна. Сейчас получил сведения, что бастуют (сняты другими рабочими) фаб-

рики Т-ва Иваново-Вознесенской Ткацкой Мануфактуры, Т-ва Полушиных и Т-ва Зубковых. Таким образом в настоящее время, 3½ часа дня можно считать, что забастовали все фабрики и заводы 6 участка. Причины забастовки по видимости — протест против войны, т.-е. причина политическая. На одной фабрике (у Т. Дома Гарелина С-вья) был арестован рабочий, кричавший «долой войну и самодержавие»... с политической же темы вероятно рабочие перейдут на почву экономическую, а может быть и сразу как в прошлый раз у Думы, предъявят требования о понижении расценок... таким образом, чтобы удержать желательных понижаться заманчивые перспективы удешевления таксы и нового повышения расценок. Повидимости на этот раз полиция действует энергичнее и если собрания рабочих систематически не будут допускаться, можно надеяться, что в скором времени работа на фабриках наладится...

Фабричный инспектор Владим. губ.
6 участка Полубенин.

**Из протокола
допроса судебным следователем Владимирского окружного суда по важнейшим делам
рабочего Карпова З. М.,
11 августа 1915 г.²**

...на площади когда я пришел было народа немного, оказалось, что главная толпа ушла за кладбище. Потом пришла толпа обратно на площадь, один какой-то человек встал на плечи другому и сказал «пожалуйста господа полиция, пригласите полицеймейстера, чтобы он вышел к нам». Полицеймейстер вышел и о чем-то поговорил с толпой... затем полицеймейстер ушел, а человек, который говорил ранее, опять стал объяснять толпе, что полицеймейстер не хочет освободить «депутатов», которых забрали. «Их нужно освободить» сказал этот же человек... после слов этого человека толпа двинулась от управы к арестантской, я шел приблизительно в середине толпы. Было в толпе народа тут не менее восьми тысяч. Я в руках кого-либо из толпы ни камней, ни оружия не видел... ния в толпе я увидел за мостом у колбасной Качалова, стоящих солдат. Тут толпа хотела, видимо, разделиться на двое: одна часть намеревалась пойти на «Ямы»³ а другая часть в арестантской. Затем когда я был на мосту, раздались выстрелы, стреляли солдаты, толпа на мосту обернулась назад и побежала, ви-

² Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 69, д. 26, лл. 8—9.

³ «Ямы» — в то время пригород Иваново-Вознесенска.

¹ Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 401, д. 65а, л. 1.

жу на мосту и на мостовой валяются трупы. Затем когда я бежал по мосту, я почувствовал удар в правую руку, я в этот момент унал. Гляжу от Городской управы гонят казаки, мчатся во весь опор, начали хлыстать толпу. Я встал и побежал. Оказался я раненым в правую руку потом, когда я побежал, я был ранен в левый бок. Я удержался на ногах, вбежал в какой-то двор, постоял минут пять, а затем идя проулками дошел до больницы...

И. д. судебного следователя (подпись)
Товарищ прокурора (подпись).

**Из протокола
допроса судебным следователем Владимирского окружного суда по важнейшим делам ткачихи Сорокиной А. Я.,
11 августа 1915 г.¹**

...в третьем часу дня явилась к нам на фабрику рабочая масса и потребовала нас на волю. Говорили, что нужно кончать работу, что «требуют каких-то требований». Тут у нас на фабрике работа кончилась и мы вышли на улицу. Было тут народа очень много. Тут в толпе какой-то рабочий стал объяснять что нужно идти на площадь к управе попросить об освобождении задержанных каких-то рабочих. Вся толпа двинулась на площадь. Шла в толпе и я. Дошли мы до площади, на площади была вся рабочая масса города Иванова... затем толпа двинулась от площади к мосту, для того, чтобы опять просить начальство об освобождении арестованных. Женщины шли впереди, шла впереди и я. Дошли мы до солдат, солдаты стояли за мостом в строю... был с солдатами какой-то прапорщик. Женщины, подойдя к солдатам, стали просить солдат пропустить их к тюрьме. Солдаты ничего нам не ответили, а сделали какие-то сигналы, сделал им сигналы старший. Три раза был подан свисток. Я была от солдат сажень в двух. Потом тут солдаты стали стрелять, толпа сначала была в недоумении, а потом выстрелы продолжались, толпа стала разбегаться. Я тут увидела, что падает народ, я побежала к управе, отбегла я от моста сажень на пять и тут почувствовала ожог в правом бедре. Я продолжала бежать, потом я почувствовала головокружение, опнував рукой узнала, что я ранена, выстрелы все продолжались, я вернулась обратно и недалеко от моста на мостовой, где валялись убитые и раненые, легла... я в руках толпы ни камней, ни оружия не видела...

И. д. судебного следователя (подпись)
Товарищ прокурора (подпись).

¹ Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 69, оп. 1, д. 26, лл. 13—15.

**Из протокола
допроса следователем Владимирского окружного суда по важнейшим делам прапорщика 199 запасного батальона Носкова П. И.,
14 августа 1915 г.²**

Батальон, к которому принадлежу я 199 квартирует в городе Иваново-Вознесенске. 10 августа в 10 часов утра я получил от батальонного командира приказание взять заставу из 51 нижнего чина и занять участок в районе Соковской улицы, Кокую, Негорелой и 1-й Борпесовской улиц города Иваново-Вознесенска. По объяснению батальонного командира в Иваново-Вознесенске ожидалась в этот день забастовка фабричных рабочих и весь батальон наш был разбит по всему городу для охраны порядка... около пяти часов вечера или позднее я заметил у здания Городской управы огромную толпу народа, при чем видно было, что на возвышении появлялись отдельные лица и повидному говорили речи... около семи или половина седьмого, когда я хотел вновь послать патрули, вся толпа с Георгиевской площади устремилась через приказный мост к Кокую. Видя, что толпа вступила на мой участок, я вывел солдат из двора гостиницы и построил в две шеренги сомкнутым строем перед зданием гостиницы, перпендикулярно Приказному мосту... первоначально толпа направилась было в сторону арестантского помещения, а затем заметив меня с солдатами повернула прямо на нас... послышались отдельные голоса «товарищи солдаты, присоединяйтесь к нам и вам и нам одинаково тяжело жить, неужели вы в нас будете стрелять, мы идем освобождать арестованных, идите с нами»... в переднем ряду толпы мне запомнился один мужчина, который все время выкрикивал упомянутые мною возгласы... после третьего свистка когда я командовал «пли» мужчина этот, ринувшись ко мне, упал в полтора шагах от меня убитый...

Прапорщик 199 пех. запасного батальона Носков.
Судебный следователь (подпись)
Товарищ прокурора (подпись).

**Из протокола
допроса судебным следователем Владимирского окружного суда по важнейшим делам полицеймейстера Авчинникова,
16 августа 1915 г.³**

В последних числах июля и особенно в первых числах августа с. г. по городу

² Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 69, оп. 1, д. 26, лл. 127—128.

³ Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 69, оп. 1, д. 26, лл. 135—139.

упорно циркулировали слухи, что в середине августа фабрики станут, а рабочие предъявят в начале целый ряд экономических требований а затем, прикрывшись этим, перейдут на политическую забастовку, а именно: а) потребуют прекращения войны, б) свержения самодержавия и в) выразят протест против правительства... В ответ на последний мой доклад по телефону 8 сего августа об усилившемся брожении среди рабочего класса, я того же числа получил от г. управляющего губернией телеграмму с призывом ко всему населению города не допускать никаких беспорядков и предупреждением, что для подавления таковых будут приняты самые крайние, решительные меры. Эта телеграмма в приказ по вверенной мне полиции от 9 августа с. г. за № 222 и разослана в форме объявления исполнительным чиновникам для возможно широкого распространения ее среди населения... в 9 часов вечера я устроил совещание с оными чинами вверенной мне полиции по поводу могущей быть забастовки... около половины 11-го часа старший городской при фабр. Т-ва на паях И. Гарелина, Белов доложил мне по телефону, что рабочие фабрики Т-ва Покровской М-ры П. И. Грязнова прекратив работы пришли на фабрику И. Гарелина и приступили к с'емке рабочих с работ. Я тут же позволил в казачью казарму и приказал немедленно послать на эту фабрику пять конных казаков... по дороге к фабрике И. Гарелина я под'ехал к полицейскому управлению и не слезая с лошади вызвал к себе помощника полнеймейстера Троицкого, которому и приказал немедленно по телефону вызвать войска... не доезжая до фабрики И. Гарелина, я узнал, что фабрики Полушина, Бурылина, Дербенева и И. Гарелина уже сняты и рабочие разбившись на отдельные группы по 200—300 человек, направились на фабрики: Компания, Зубкова, Полушина, Т-ва механических изделий, Н. и Л. Гандурных и Ямановского... прийдя в начале 5 часа к Городской управе, толпа около 4 тысяч, разбившись на отдельные группы недолго совещалась, после чего... мирно двинулись по Часовенной улице за город... около 6 или начало 7 часа вечера толпа вновь возвратилась к Городской управе и требовала меня выйти к ней. Я в это время находился в Городской управе. Минуты через три я вышел к толпе, просил ее сначала успокоиться, а затем обратился с вопросом, что им нужно. Стоявшие впереди трое молодых людей, судя по костюмам, рабочие, вступили со мной в переговоры, предъявив первым долгом требование освободить арестованных в ночь с 9 на 10 августа их товарищей. Я им кате-

горически в этом требовании отказал, добавив, что власти сами разберут, кого следует освободить и кого нет, а потому и просил этот вопрос не возбуждать. На этот мой ответ последовал шум со стороны толпы. Затем когда толпа успокоилась, те же три лица предъявили ко мне требование о недостатке в городе соли, указывая при этом, что им более трех фунтов не отпускают... минут через 15—20 мне доложили, что толпа опять требует меня. Через 2—3 минуты я вышел к толпе и опять те же три лица обратились ко мне от имени всех рабочих с требованием «освободите арестованных». Я и на этот раз в этом им категорически отказал. После этого толпа сильно зашумела и послышались возгласы «долой войну и самодержавие, товарищи, во что бы то ни стало освободим арестованных»... Околоточному надзирателю Колоколову было вменено в обязанность, что после трехкратного предупреждения сначала пустить в ход нагайки, а если это окажется недостаточным то употребить в дело и оружие... в начале 8-го часа вечера, на площадь явился только что освобожденный по распоряжению жандармской полиции из арестантской рабочей фабрики И. Гарелина — Зиновьев¹. После нескольких слов, сказанных Зиновьевым, толпа, приблизительно 1000 человек направилась к арестантской через Приказный мост. Мне сейчас же об этом доложили и я немедленно вышел из управы, чтобы ехать к арестантской. Но едва я только успел взять в руки поводья, как послышался залп и вся эта толпа, охваченная паникой, бросилась обратно на Георгиевскую площадь и немедленно вся разбежалась. Я тут же вместе с командиром батальона и подведомственными чинами отправился на место происшествия...

Иваново-Вознесенский полнеймейстер

Авчинников

И. д. Судебного следователя (подпись).

Из протокола

допроса судебным следователем Владимирского окружного суда по важнейшим делам унтер-офицера 199 пехотного запасного пехотного батальона Батракова Е. А.,
17 августа 1915 г.²

...офицер дал третий свисток и командовал «иди». Мы сделали залп... в это

¹ Егор Степанович Зиновьев (кличка — «Федор»), рабочий фабрики Гарелина, — один из активных руководителей стачки иваново-вознесенских рабочих в августе 1915 года. Накануне выступления рабочих был арестован и выпущен 10 августа 1915 года по требованию стачечников. Первым залпом заставы Зиновьев был убит.

² Ивановский областной исторический архив УНКВД. о. ф. 69, оп. 1, д. 26, л. 150.

порядке положения о государственной охране. Перепиской выясняется, что в целях поднятия рабочих масс, вечером 8 августа были привезены из Москвы прокламации, которые в ночь на 9-е были розданы участникам собрания и затем разбросаны и распространены в предместьях г. Иваново-Вознесенска.

Произведенные по моему распоряжению в ночь на 10 число обыски и аресты лиц, на которых падало основательное подозрение в той или иной причастности к распространению прокламаций и ведению преступной пропаганды среди рабочих, не предотвратили, как оказалось, выступления рабочих, так как помимо местной с.-д. группы оказалось немало лиц, которые выступили на замену арестованных, активными деятелями и проводили свое решение тем интенсивнее, что боялись, как бы аресты не внесли в их среду дезорганизации и не помешали выполнению ранее предпринятого выступления...

Показание писано мной собственноручно
Ротмистр **Лызлов.**

Судебный следователь (подпись).

Товарищ прокурора (подпись).

**Из донесения
товарища прокурора Владимирского окружного суда по важнейшим делам прокурору
Московской судебной палаты,
7 октября 1915 г.¹**

...в феврале месяце сего года агентурным путем было установлено возникновение в городе Иваново-Вознесенске местной группы с.-д., у членов которой в конце июня явилась мысль о созыве областной партийной конференции. Днем созыва было назначено 10 июля и к этому числу были посланы приглашения делегатам с.-д. партии в г.г. Нижний-Новгород, Кострому, Ярославль и Саратов, однако, делегаты эти в назначенный день не явились и конференция была признана несостоявшейся, а собравшимися представителями местной группы рассматривался ранее выработанный ее устав. Одним из участников собрания была предложена резолюция в которой говорилось о необходимости добиваться улучшения экономического положения рабочих путем стачки, а при неудовлетворении, вести агитацию в пользу вооруженного восстания, для подготовки которого заняться организационной работой — связать соседние организации во едино и избрать Областной Комитет. Для выяснения отношения с.-д. партии к этой резолюции опросить группы на местах... 8 августа от начальника Московского охранного отделения была получена теле-

¹ Ивановский областной исторический архив УНКВД, о. ф. 349, оп. 1, д. 51, лл. 14—15.

грамма за № 289283, сообщавшая о выезде из Москвы в Иваново-Вознесенск «известного». Выезд этот ставился в связь с полученными в Москве сведениями о предстоящем якобы в городе Иваново-Вознесенске вооруженном восстании, при чем в телеграмме была высказана просьба не арестовывать «известного» вне связи с местной ликвидацией... Действительно, в тот же день вечером «известный» прибыл в Иваново-Вознесенск в сопровождении наблюдающих агентов и вместе с тем были получены некоторые данные о том, что он привез прокламации, однако, арестован он не был в виду упомянутой просьбы начальника Московского охранного отделения и отсутствия оснований к местной ликвидации. На следующий день утром в разных местах города Иваново-Вознесенска были обнаружены разбросанные и расклеенные печатные воззвания от имени Иваново-Вознесенского временного областного комитета к рабочим и солдатам, призывающие к активным выступлениям против войны и ниспровержению существующего в России государственного строя и замене такового демократической республикой.

В виду всего изложенного, а также полученных сведений о том, что распространение прокламаций совершилось при помощи членов местной с.-д. группы, было приступлено к ее ликвидации, в целях чего в ночь на 10 августа был произведен ряд обысков и арестов.

Товарищ прокурора (подпись).

**Из вопросного листа
Московского военно-окружного суда,
июль 1916 г.²**

Вопрос:

Доказано-ли, что 10 августа 1915 года в г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ, воинская застава из 51 нижнего чина под начальством офицера, из состава 199 пехотного запасного полка, расположенная на площади между улицами Кокуй и Соковской, подверглась насильственному нападению скопища людей.

Ответ:

Нет, не доказано, судом признано, что упомянутая в вопросе воинская застава нападению со стороны скопища не подвергалась.

Вопрос:

Если доказано изложенное в 1 вопросе, то доказано-ли что участники упомянутого в 1 вопросе скопища, действуя соединенными силами, подойдя вплотную к указанной в 1 вопросе воинской заставе, оттеснили ее на несколько шагов

² Ивановский областной архив «Октябрьской Революции» УНКВД, о. ф. 380, д. 23а, л. 207.

назад, зашли ей в тыл, бросали в нее камнями и пытались обезоружить солдат.

Ответ:

Нет, не доказано, в виду ответа на 1 вопрос, судом признано, что застава не была оттеснена, в тыл ей никто не заходил, камни в заставу не бросались и попыток обезоружить заставу не было.

Председательствующий:

Генерал-майор кн. Друцкой.

Временные члены: (подпись).

(подпись).

**Из протокола
судебного заседания Иваново-Вознесенского
губернского суда по уголовному отделу,
21 августа 1925 г.¹**

...подсудимый Смирнов² показал, что он в то время получил телеграммы от губернатора и командующего войсками о выставлении застав, что и было сделано. Лызлов³ и Авчишников действительно ко мне приезжали по вопросу, чтобы я принял меры... я собрал дня за три до расстрела всех командиров и отдал распоряжение, и в то же время я их спрашивал где лучше поставить заставы, так как город я знал плохо. Приказ составлен был адъютантом по моему распоряжению. По

¹ Ивановский областной архив «Октябрьской Революции» УНКВД, о. ф. 380, д. 23а, лл. 310—313.

² Смирнов — командир 199-го запасного пехотного батальона, находившегося в Иваново-Вознесенске.

³ Лызлов — помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления.

гарнизонной службе была инструкция, по которой я приказал действовать командирам... Когда было нападение⁴ на заставу, когда солдатам нельзя было отступать — они произвели залп. После расстрела рабочих я солдат благодарил за их исполнение, по уставу благодарить конечно не полагается, но раз солдаты исполнили долг я благодарил... я действовал по инструкции, которая прямо говорит «стрелять без предупреждения», я по совести действовать не мог, я должен был действовать по закону... для производства дознания приезжали генералы из Москвы и Ленинграда, кроме этого из Государственной думы... когда приезжали генералы, они виновными нашли рабочих, но не прапорщика Носкова и не меня. Случаев избиения солдат не помню, может быть я бил, бил потому, что нужно было предавать суду, а я ударю ему и иди на все четыре стороны... в заставу ивановцев не послал потому, что они были только что призваны и они бы не исполнили приказа о расстреле, кто же бы стал свою кровь проливать, да они ружья не могли держать... в гражданскую власть я не вмешивался, а стреляли по моему распоряжению, потому что мне приказал сделать губернатор...

Председательствующий (подпись).

Секретарь (подпись).

⁴ Нападения рабочих на воинскую заставу не было, что подтверждено следствием Московского военно-окружного суда. Привлекавшиеся к суду рабочие были оправданы.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», Госполитиздат. 1940.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) выпустил отдельным изданием брошюру Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». Эта работа впервые выходит на русском языке и не переиздавалась за границей с 1874 года. Выдающееся произведение марксистской мысли замалчивалось социал-демократией II интернационала, ибо оно направлено не только против анархизма, но и против оппортунизма вообще.

В брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» Маркс и Энгельс выступают непримиримыми борцами за революционную пролетарскую партию, за единство ее рядов. Они наносят сокрушительный удар мелкобуржуазному течению в рабочем движении — бакунизму, — вскрывают его разлагающую, враждебную деятельность в рядах Интернационала.

Период со времени французской буржуазной революции (конца XVIII века) до Парижской коммуны (1871 год) был периодом победы и утверждения капитализма в передовых странах. Буржуазия стала господствующим классом. Вместе с ростом крупной капиталистической промышленности росли и силы «могильщика» буржуазии — пролетариата. Рабочий класс становится самостоятельной революционной силой, он выдвигает свои классовые требования и создает свою партию. Ленин указывал, что время с 1844 по 1883 год есть «эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской тактики и политики» (Ленин, Собр. соч. Т. XVII, стр. 30). Международное Товарищество Рабочих было первой международной пролетарской партией. Маркс и Энгельс создавали эту партию в борьбе с различными мелкобуржуазными течениями и политическими группами, в борьбе с различными формами непролетарского, домарксистского социализма — прудонизма, лассальянства, бакунизма и др. Маркс в письме к Фридриху Больте от 23 ноября 1871 года писал: «И н т е р н а ц и о н а л был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией

рабочего класса для борьбы» (Маркс и Энгельс. Т. XXVI, стр. 174).

Первый период истории Интернационала был заполнен борьбой против прудонизма. На Брюссельском конгрессе Интернационала (сентябрь 1868 года) прудонисты как политическое течение были окончательно разбиты.

Со времени Базельского конгресса (1869 год) в Интернационале появился новый враг — бакунизм. Бакунисты создали международную тайную организацию — «Альянс социалистической демократии» — с разветвлениями во многих странах, поставившую своей целью борьбу не против буржуазных государств, а против Интернационала.

«Перед нами общество, — пишут Маркс и Энгельс, — которое под видом самого крайнего анархизма направляет свои удары не против существующих правительств, а против революционеров, не приемлющих ни его догмы, ни его руководства» (К. Маркс и Ф. Энгельс «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», стр. 9).

На Гаагском конгрессе Первого Интернационала (сентябрь 1872 года) была полностью вскрыта разлагающая деятельность бакунистского тайного общества — «Альянса социалистической демократии». Главари Альянса Бакунин и Гильом были изгнаны из Интернационала.

Брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» была написана Марксом и Энгельсом при участии Лафарга по поручению Гаагского конгресса и вышла отдельным изданием в 1873 году на французском языке.

* * *

Среди произведений основоположников марксизма, написанных ими в связи с борьбой против бакунистов в Интернационале: «Конфиденциальное сообщение» (Маркс и Энгельс. Т. XIII, Ч. 1-я), «Мнимые расколы в Интернационале» (вышла отдельной брошюрой в Госполитиздате) и др., — «Альянс социалистической демократии» представляет собой заключительную главу. В этой работе подводятся итог многолетней борьбы в Интернационале.

В брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» Маркс и Энгельс на основе

многочисленных фактов вскрывают разлагающую деятельность бакунистов в Швейцарии, Италии, Испании, Франции, России, показывают контрреволюционную сущность бакунинского «Альянса социалистической демократии».

Ядро этой организации сложилось в 1868 году внутри буржуазной пацифистской организации Лиги мира, созданной в противовес Интернационалу.

Маркс и Энгельс отмечают, что ближайше подручные Бакунина вышли из той же Лиги мира: французский анархист Альбер Ришар, впоследствии бонапартовский полицейский агент, итальянский адвокат Гамбуцци, русский эмигрант Жуковский и другие.

Маркс и Энгельс подробно разъясняют в брошюре, при каких условиях бакунистам удалось пробраться в Интернационал. Первоначально бакунисты пытались подчинить Интернационал руководству Лиги мира и, следовательно, превратить рабочую партию в хвост буржуазии. При посредничестве Бакунина Лига мира предложила Международному Товариществу Рабочих заключить между обоими обществами оборонительный и наступательный союз. Но Брюссельский конгресс Интернационала отклонил это предложение. Тогда бакунисты решили обманым путем пробраться в Интернационал и овладеть им изнутри. В 1868 году Альянс был принят в Интернационал при условии роспуска своих секций. Но это условие Альянс не выполнил. Альянс остался внутри Интернационала тайной организацией, имевшей центральный комитет во главе и секции во многих странах.

Маркс и Энгельс показывают в брошюре, что все усилия бакунистов были направлены к разрушению международной пролетарской партии.

Борясь якобы за демократию в Интернационале, против авторитарности (власти, авторитета), за федеративный принцип построения Интернационала, бакунисты на деле были против того, чтобы Интернационал был боевой пролетарской партией, которая не мыслима без дисциплины и централизованного руководства.

Стремясь обезглавить Интернационал, они сосредоточивали свои удары главным образом против Генерального совета и вождей Интернационала — Маркса и Энгельса. Бакунисты в угоду буржуазии стремились превратить Генеральный совет в простое корреспондентское и статистическое бюро, лишить его руководящей роли в Интернационале.

Маркс и Энгельс показывают в брошюре, что в то время как бакунисты боролись против Интернационала под флагом

борьбы за демократию, внутри бакунинского Альянса никакой демократии не было, а был полнейший произвол его главней.

Члены тайного Альянса делились на три категории: 1) «Интернациональные братья», 2) «Национальные братья», 3) «Рядовые члены Альянса».

«Интернациональные братья» составляли «священную коллегию кардиналов», в руках которой находились все дела Альянса. Рядовые члены Альянса были простыми пешками в руках последних. Внутри Альянса царили иезуитские порядки. Рядовые члены Альянса должны были подчиняться иезуитскому правилу *Perinde ac cadaver* — будь подобен трупу.

Никакого выборного руководящего органа в Альянсе не было. Центральный комитет Альянса, «присвоивший себе учредительную и законодательную власть над всем Альянсом, назначил себя сам» (Маркс и Энгельс «Альянс социалистической демократии», стр. 15). Постоянная исполнительная делегация центрального комитета Альянса — Женевская центральная секция — получила свои полномочия тоже от самой себя, и центральное исполнительное бюро этой секции не было избрано, а было навязано ей «группой лиц, которые передали свои полномочия гражданину Б.», т. е. Бакунину. Бакунин был диктатором Альянса, его бесконтрольным главою. Энгельс в письме об Альянсе в Италии писал, что бакунисты, «требуя от Интернационала, чтобы он строился «снизу вверх», сами как члены Альянса покорно повинуются команде, подаваемой «сверху вниз» (Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIII. Ч. 2-я, стр. 476).

Маркс и Энгельс пишут:

«Интернационал знает лишь один род членов, с равными правами и обязанностями для всех; Альянс делит их на два разряда, на посвященных и непосвященных, причем последние обречены на то, чтобы первые руководили ими с помощью организации, о самом существовании которой руководимые не знают. От своих членов Интернационал требует, чтобы они признавали основой своего поведения истину, мораль и справедливость; Альянс требует от своих сторонников, в качестве их первого долга, чтобы они обманывали непосвященных членов Интернационала, скрывая от них существование тайной организации, а также мотивы и самую цель своих слов и своих действий» («Альянс социалистической демократии», стр. 46).

Так выглядела на деле «демократия», под флагом которой боролись бакунисты против Интернационала.

Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике бакунинские теории, показали их идейное убожество и буржуазное существо.

В некоторых случаях Маркс и Энгельс ограничилишь только приведением тех или иных «теоретических» положений бакунистов, ибо, как пишут они, критиковать эти «теории» означает затушевывать их шутливый характер.

Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике анархистское учение Бакунина о государстве.

Причиной социальной несправедливости бакунисты, как и все анархисты, считали государство, они были против всякого государства, в том числе и пролетарского.

Бакунисты заявляли, что «...революционеры, которые хотят на следующий день после революции «строить революционное государство», гораздо опаснее всех существующих правительств...» («Альянс социалистической демократии», стр. 18).

Это бакунинское положение целиком выражает интересы буржуазии, ибо без диктатуры пролетариата, без пролетарского государства трудящиеся не смогут удержать захваченную власть, не смогут добить своих классовых врагов и построить коммунистическое общество. Маркс и Энгельс исключительно остроумно показывают это на следующем примере. Во время лионского восстания в сентябре 1870 года бакунисты заняли городскую ратушу. «Бакунин получил возможность, — пишут Маркс и Энгельс, — совершить самый революционный акт, какой когда-либо видел мир, — он декретировал у н и ч т о ж е н и е г о с у д а р с т в а. Но государство в виде двух рот буржуазных национальных гвардейцев вошло в дверь, перед которой забили поставить охрану, очистило зал и заставило Бакунина поспешно отправиться в обратный путь в Женеву» (там же, стр. 28).

Маркс и Энгельс указывают, что бакунисты боролись не с конкретным буржуазным государством, а с абстрактным государством, с государством, витающим в облаках. «Дело, следовательно, заключается не в том, чтобы низвергнуть бонапартовское, прусское или русское государство, — пишут Маркс и Энгельс, — а в том, чтобы низвергнуть государство отвлеченное, государство как таковое, государство, которое нигде не существует» (там же, стр. 17—18).

В силу этого буржуазии были совершенно нестрашны вопли бакунистов о разрушении всякого государства.

Выступая против отвлеченного государства, бакунисты не забывают, как прони-

чески замечают Маркс и Энгельс, пользоваться благами реальных буржуазных государств. Многие члены Альянса с разрешения Бакунина были депутатами буржуазных парламентов.

Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике и бакунинскую «теорию» революции. Бакунисты отрицали необходимость организации революции, они утверждали, что революции возникают стихийно, самоотеком. Задача революционеров, по мнению бакунистов, сводится к тому, чтобы, так сказать, бросить искру в пороховой погреб. Поэтому бакунисты отрицали необходимость создания массовой пролетарской партии, которая руководила бы движением. Они считали, что «Для международной организации во всей Европе достаточно ста серьезно и крепко сплоченных революционеров» (там же, стр. 21). Это положение, как указывают Маркс и Энгельс, говорит о том, что бакунисты не верили в силу массы, относились к ней с презрением. «Сказать, что сто интернациональных братьев должны «служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами», значит создать непроходимую пропасть между альянсистской революционной идеей и пролетарскими массами, значит признать невозможным набербовать эту сотню гвардейцев иначе, как из среды привилегированных классов», — пишут Маркс и Энгельс (там же, стр. 21—22).

В русских документах Альянса, которые цитируют Маркс и Энгельс, бакунинская «теория» революции развертывается наиболее полно. Бакунин превозносит русского разбойника как образец подлинного революционера.

«Разбой, — пишет Бакунин, — одна из почетнейших форм русской народной жизни. Разбойник — это герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством... Разбойник в России настоящий и единственный революционер, — революционер без фраз, без книжной риторики... революционер народнообщественный, а не политический и не сословный...» (там же, стр. 72). Бакунин стремился заменить экономическую и политическую борьбу рабочих действиями героев уголовного мира, предлагал «выпустить босяков, которых сами рабочие устраняли во время «революции по западному классическому образцу», и тем самым предоставить безвозмездно в распоряжение реакционеров хорошо вышколенную банду агентов-провокаторов» (там же, стр. 110—111).

Применение на практике бакунинской «теории» революции неоднократно приво-

лило к поражению рабочих. По вине бакунистов потерпело поражение восстание рабочих в Лионе в сентябре 1870 года. По вине бакунистов потерпело поражение революция в Испании в 1873 году. Характеризуя деятельность бакунистов в этой революции, Энгельс в статье «Бакунисты за работой» делает вывод: «...бакунисты в Испании дали нам неподражаемый образец того, как не следует делать революцию» (Маркс и Энгельс. Т. XV, стр. 124).

Маркс и Энгельс на конкретных примерах изобличают сиезунтскую тактику общества бакунистов, применявшуюся в борьбе против Интернационала.

«Для достижения своих целей,— пишут Маркс и Энгельс,— оно не отступает ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере» («Альянс социалистической демократии», стр. 9).

В России бакунист Нечаев и его сподвижники убили студента Иванова, осмелившегося выступить против Нечаева и приказов несуществовавшего «Тайного комитета», от имени которого орудовал Нечаев; в Швейцарии бакунисты пытались убить представителя Интернационала — Утина; в Испании они путем запугивания пытались заставить рабочих отказаться от поддержки Интернационала. Для протаскивания своих взглядов бакунисты пытались использовать авторитет Интернационала.

Маркс и Энгельс приводят много фактов о связи бакунистов с буржуазными элементами. Бакунисты оказывали неоценимые услуги буржуазии. Буржуазия в свою очередь помогала бакунистам.

Крикливые пиитания Бакунина и бакунистов распространялись с благосклонного разрешения полиции. В Испании бакунисты выступали в защиту буржуазных республиканцев. В угоду бакунистам полиция арестовывала активных сторонников Интернационала.

Маркс и Энгельс вскрывают социальную природу бакунистов, показывают, на какие социальные элементы они опирались. Альянс, как указывают Маркс и Энгельс, был сбродом деклассированных элементов: в нем находили приют различные проходимы, мелкие и крупные жулики и авантюристы.

Бакунизм выражал мелкобуржуазные взгляды и настроения. В своей деятельности он опирался главным образом на Италию и Испанию — страны со слабо развитой крупной промышленностью. Сам Бакунин писал: «В Италии есть то, чего не хватает другим странам: пылкая, энергичная молодежь, с о в е р ш е н н о в ы б и т а я

из колен, без перспектив на карьеру, не видящая выхода, молодежь, которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, в нравственном и умственном отношении не inferior до такой степени, как буржуазная молодежь остальных стран» (там же, стр. 56).

Большое место в брошюре занимает глава «Альянс в России». В ней дается много фактов о деятельности бакунистов в России. Бакунист Нечаев выдавал себя за представителя Интернационала; путем мошенничества и шантажа он создал так называемое Общество народной правды. Деятельность Нечаева привела только к тому, что десятки молодых людей попали на каторгу или погибли в царских тюрьмах. Русские документы Альянса наиболее ярко характеризуют бакунизм. Его «теории», шантаж, двурушничество выступают в этих документах с полной отчетливостью. «Революционный катехизис» Бакунина, почти полностью опубликованный в брошюре,— это кодекс сиезунтской морали.

Маркс и Энгельс показывают на конкретных фактах политическое хамелеонство Бакунина, его неразборчивость в средствах.

При вступлении в Интернационал Бакунин двурушничал, прикидываясь сторонником Маркса. Он писал в то время Марксу: «Со времени торжественного, публичного «прости», которое я сказал буржуазии на Бернском конгрессе, я не знаю теперь другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. Моим отечеством будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого являешься ты».

Другим примером двурушничества и хамелеонства Бакунина является такой факт, приводимый Марксом и Энгельсом.

В 1868 году, при вступлении в Интернационал, Бакунин всячески издевался над теорией воздержания от политики. Он писал: «Воздержание от политики — это глупость, придуманная мошенниками, чтобы одурачивать идиотов» (там же, стр. 92). Однако это не помешало Бакунину впоследствии усердно проповедывать и навязывать Интернационалу теорию воздержания от политики.

В добавлении к главе «Альянс в России», в статье «Гетжра Бакунина», излагается история бегства Бакунина из Сибири. Бакунину удалось удрать из сибирской ссылки при помощи своего дяди генерал-губернатора Сибири — Муравьева.

Маркс и Энгельс не знали, что Бакунин избавился от заключения в Петропавловской крепости благодаря своей холуйской «Исповеди» Николаю I, в которой Бакунин

лебезил перед Николаем, обещал «говорить, как бы говорил перед самым богом, которого нельзя обмануть ни лаской, ни ложью», и покаянной просьбе, направленной Александру II в 1857 году. Но и в то время Маркс и Энгельс разоблачили связь Бакунина с русскими правительственными кругами.

Критикуя Бакунина, разоблачая его подрывную деятельность в России, Маркс и Энгельс защищали честных русских революционеров от нападок Бакунина и бакунистов, в частности защищали революционера-демократа, великого русского ученого и критика Чернышевского, Петрашевского и других.

Деятельность бакунистов принесла огромный вред рабочему движению и Интернационалу. «Цюрихская «Tagwacht», — пишут Маркс и Энгельс, — в ответе Бакунину имела полное право заявить: «Если Вы не являетесь платным агентом, то во всяком случае ясно одно, что никакой платный агент не смог бы причинить больше вреда, чем причинили Вы» (там же, стр. 10).

Брошюра «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» написана на основании подлинных документов. Во французском издании брошюры к основному тексту были приложены документы: 1) Секретные статьи Альянса, 2) Устав и регламент открытого Альянса, 3) Письмо Бакунина к Франциско Мора.

В издании ИМЭЛ эти документы не даются, так как они потеряли свою злободневность.

Борьба Маркса и Энгельса с бакунистами была принципиальной борьбой за пролетарскую партию и пролетарскую политику. Маркс и Энгельс боролись за чистоту пролетарской партии, за очищение ее рядов от буржуазных и враждебных элементов. Они боролись за то, чтобы партия была дисциплинированным, организованным отрядом рабочего класса, с централизованным руководством, ибо без этих условий партия не может быть боевым отрядом рабочего класса.

Маркс и Энгельс нанесли бакунизму — буржуазной агентуре в рабочем движении, выступавшей под «левым» флагом, — сокрушительный удар, разгромили бакунизм как идейное течение.

Маркс и Энгельс боролись за объединение сил рабочего класса под знаменем передовой революционной теории.

Они отстаивали пролетарскую точку зрения на все вопросы революционной

борьбы в противовес взглядам «взбесившихся» от ужасов капитализма мелких буржуа — бакунистов.

34 года тому назад товарищ Сталин вскрыл мелкобуржуазные основы анархистской программы и тактики, их авантюризма, боязни организации и организованной борьбы.

«Марксизм и анархизм, — писал товарищ Сталин в 1906 году, — построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба под социалистическим флагом выходят на арену борьбы. Краеугольный камень анархизма — личность, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, т. е. по мнению анархизма освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, в виду чего его лозунг: «Все для личности», тогда как краеугольный камень марксизма — масса, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности, т. е., по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, в виду чего его лозунг: «Все для массы» (Цитируется по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 114. Партиздат. 1938).

Маркс и Энгельс дали основные наброски учения о партии как передовом отряде рабочего класса, они также дали и образец борьбы за пролетарскую партию. Ленин развил идеи Маркса и Энгельса, дал полное учение о пролетарской партии. Эту работу продолжает гениальный ученик Ленина товарищ Сталин. Ленин и Сталин, не пользуясь опытом Маркса и Энгельса, растили большевистскую партию так же и в принципиальной борьбе против мелкобуржуазных партий внутри рабочего движения, в принципиальной борьбе против оппортунистов всех мастей внутри партии.

Выпуск брошюры «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» поможет советскому читателю получить более полное представление о подрывной деятельности Бакунина в рабочем движении и в I Интернационале, об истинной сущности бакунизма — враждебного коммунизму течения, проникшего в пролетарскую партию. Брошюра Маркса и Энгельса даст читателю отчетливое представление о борьбе основоположников научного социализма за чистоту партии пролетариата, за изгнание из ее рядов враждебных рабочему классу элементов.

И. ВИКТОРОВ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К СОЧИНЕНИЯМ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА. ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). М. Госполитиздат. 1940. 112 стр. Цена 4 руб.

Рецензируемый «Указатель» отвечает давно назревшей потребности широких кругов научных работников, партактива, советской интеллигенции, повседневно пользующихся Сочинениями Маркса и Энгельса и поставленных до сих пор перед необходимостью тратить много лишнего времени на отыскание нужных им произведений на страницах 29 вышедших книг Сочинений.

Хотя 7 книг из предусмотренных планом 36 до сих пор еще не вышли в свет и произведения, которые войдут в эти книги (это особенно относится к многочисленным письмам Энгельса, входящим в XXVIII и XXIX томы Сочинений), не могли быть в связи с этим описаны в «Указателе» с необходимыми подробностями (т. е. с указанием страницы тома), тем не менее нельзя не признать правильным решение Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) выпустить «Указатель» уже сейчас, тем более что выпуск Сочинений чрезвычайно растянулся и трудно сказать, как скоро он будет закончен.

Весьма важным является включенный в «Указатель» «Список важнейших поправок к переводам произведений Маркса и Энгельса, напечатанных в томах Сочинений». Публикуя данный «Список», ИМЭЛ выполняет указание ЦК ВКП(б) о необходимости в кратчайший срок исправить искажения, допущенные в переводах Сочинений Маркса и Энгельса на русский язык. Впрочем, эти поправки уже вошли в новый текст перевода большинства работ, вышедших из печати как отдельным изданием, так и в составе нового издания двухтомника Избранных произведений К. Маркса (М. Госполитиздат. 1940). Но наряду с этими поправками в «Список» вошли также поправки к переводам таких работ, как «Нищета философии», «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», которые еще не появились в новом издании. Опубликование «Списка поправок» к тексту старых переводов этих работ имеет большое научное и политическое значение.

Приведем несколько характерных примеров. В тексте «Анти-Дюринга», напечатанном в XIV томе Сочинений, была, оказывается, пропущена целая фраза, имеющая особенно важное значение: «Но задача заключалась в том, чтобы, с одной стороны, объяснить неизбежность возникновения капиталистического способа производства в его исторической связи и необходимость его для определенного исторического периода, а поэтому и неизбежность его гибели, а с другой — в том, чтобы обнажить также

внутренний, до сих пор еще не раскрытый характер этого способа производства, так как прежняя критика направлялась больше на вредные последствия, чем на существо самого дела» («Алфавитный указатель», стр. 107).

В другом месте, на стр. 359, было напечатано, что познание мира «предполагает познание всей естественной истории». В действительности же нужно читать: «...предполагает познание в с е й природы и истории...»

Не менее важное теоретическое значение имеют поправки к прежнему переводу «Диалектики природы».

На стр. 416 XIV тома Сочинений было напечатано, что «по отношению к движению высшего цвета органической материи, человеческому духу, как и по отношению к движению неорганической материи, действует обратный закон». Следует читать совсем иначе: «по отношению к движению высшего цвета органической материи, человеческому духу, имеет силу закон, обратный закону движения неорганической материи».

Укажем еще на один важный пример. На стр. 488 было напечатано: «Благодаря общественному развитию подобная организация становится с каждым днем все возможнее». В действительности же у Энгельса сказано: «Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной».

Уже из этих немногих примеров видно, какое большое теоретическое значение имеют поправки к переводам Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, опубликованные в «Алфавитном указателе».

Неясным является лишь одно обстоятельство. В «Списке» даны поправки к переводам 8 (правда, важнейших) работ. Значит ли это, что имеющиеся поправки к переводам остальных работ, вошедших в тома Сочинений (а среди них такие крупные работы, как «Капитал», «Немецкая идеология», «Положение рабочего класса в Англии» и др.), не носят столь важного характера и что, стало быть, текст переводов этих работ, напечатанный в томах Сочинений, более или менее удовлетворителен?

«Указатель» составлен достаточно подробно и тщательно. Нельзя, впрочем, согласиться с решением редакции не включать в него переписку Маркса и Энгельса, напечатанную в XXI — XXIV томах. «Указатель» должен быть полным, т. е. включать в себя все произведения и письма, вошедшие в Сочинения. Довод авторов предисловия о том, что упомянутые письма напечатаны в томах в хронологическом

порядке и поэтому «нахождение соответствующего письма Маркса и Энгельса не встречает затруднений», неудобителен. Письма к третьим лицам (томы XXV — XXIX) также напечатаны в хронологическом порядке, и, если встать на точку зрения составителей, эти письма тоже можно отыскать в соответствующем томе. Смысл «Указателя» в том именно и заключается, что он избавляет читателя от необходимости рыться в томах для розыска того или иного письма или произведения.

Полезным является включение в «Указатель» перечня разделов и глав важнейших работ К. Маркса и Ф. Энгельса: «Анги-Дюринга», «Диалектики природы», «Каннигала» (томы I, II, III) и «Манифеста коммунистической партии». Досадно лишь, что этим перечнем не охвачены такие важные работы, как «Немецкая идеология», «Положение рабочего класса в Англии», «Революция и контрреволюция в Германии» и «Теории прибавочной стоимости».

Вполне целесообразным является также включение в «Указатель» перечня томов Сочинений. К сожалению, описание томов сделано с чрезмерной краткостью. Не указан ни размер каждого тома (число страниц), ни год выхода в свет, ни наличие донечаток тома. Поскольку в «Алфавитный указатель» вошли произведения, напечатанные не только в томах Сочинений, но и в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», следовало также дать перечень томов «Архива» с их кратким описанием и справкой о составе каждого тома.

Известно, что некоторые исследователи считают несомненным, что отдельные статьи, приписываемые перу К. Маркса и Ф. Энгельса и без оговорки включенные в тома Сочинений (таковы, например, статьи «Франкфуртское национальное собрание» и «Бунзен» в томе VI, стр. 129—131 и 261—263), в действительности принадлежат перу других лиц и, таким образом, ошибочно включены в Сочинения Маркса и Энгельса. Мы считаем, что Институту Маркса — Энгельса — Ленина следовало оповестить об этом читателей и дать в рецензируемом «Указателе» перечень этих статей. Необходимо указать также на ряд неточностей, допущенных подготовителями «Алфавитного указателя» гг. Б. А. Гайваронским и А. С. Дергуновой.

Так, список исторических карт, вошедших в тома Сочинений, лучше было представить не в алфавитном, а в хронологическом порядке. Неестественно выглядит такой перечень, при котором за картами сражений при Мадженте и Сольферино (1859 год) следует карта сражения при Асперне (1809 год), затем — при Аустер-

лице (1805 год) и, наконец, — при Бородине (1812 год).

Если письма в редакции (и издателям) газет и рабочим организациям выделены в особую рубрику (стр. 24 — 29), то чем объясняется помещение письма Маркса к издательницам «Woodhull and Claflin's Weekly» от 23 сентября 1871 года, а также писем Энгельса к издательству Мелло и Нестлера в Гамбург от 13 мая и сентября 1886 года в общем списке писем (расположенных по алфавиту) на стр. 59, 74 и 75?

Если «Список указателей в томах Сочинений», помещенный на стр. 102, претендует на полную, то почему в нем не упомянуто, например, о предметном указателе к томам писем к третьим лицам (т. е. XXV — XXIX томы), который, надо полагать, будет помещен в XXIX томе, а также о других указателях, которые, безусловно, войдут в состав томов, не вышедших еще в данное время в свет?

Принятый редакцией принцип воспроизведения заглавий произведений по тексту томов является, разумеется, правильным. Однако в ряде случаев от него следовало все же отступить. Чем, например, можно оправдать тот факт, что во 2-й части XVI тома (стр. 279) «Манифест коммунистической партии» неточно назван «Коммунистическим манифестом»? И стояло ли воспроизводить рядом в «Списке иллюстраций» (стр. 97) и то и другое наименование? (Другое дело — список произведений. Там нужна отсылка к правильному тексту заголовка, и она правильно сделана на стр. 17.)

Некоторые письма помещены в «Указателе» дважды. Так например Катар М. и Ютар М. — одно и то же лицо. И письмо, о котором упоминается в тексте «Указателя» дважды (на стр. 59 и 64), есть одно и то же письмо от 8 апреля 1893 года.

На стр. 74 указаны два письма Энгельса издательству Мелле и Ф. Г. Нестлера, от 13 мая и от сентября 1886 года (Соч. Т. XXVII, стр. 560 — 561 и 590 — 591). На стр. 75 эти же письма повторяются как письма «издательству Ф. Г. Нестлера и Мелле» вместо отсылки к стр. 74.

На стр. 93 упоминается письмо Лелевиля Марксу от 10 февраля 1860 года. Между тем это — то самое лицо, которое на стр. 69 правильно названо Лелевелем.

В целом ряде случаев встречаются отклонения описания от принятого редакцией порядка. Так, на стр. 54 описаны письма Маркса Р. Даниэльсу в Кельн от 7 марта 1847 года и в мае 1851 года. Однако на следующей строчке письмо Энгельса тому же лицу в Манчестер от 2 но-

ября 1859 года описано как письмо Даниэльсу без указания его имени.

На стр. 69 вслед за описанием письма Лафаргу от 2 сентября 1891 года приведено краткое изложение содержания письма. Подобные же аннотации встречаются и на стр. 25 и 26. Поскольку во всех других случаях подобная аннотация не дается, остается непонятным, почему редакция сделала исключение для данного письма.

Отметим также, что на стр. 76 в перечне писем к третьим лицам пропущена

рубрика «Т» и что «Указатель», к сожалению, оказался несвободен от опечаток.

Указанные выше погрешности легко могут быть устранены при следующем издании «Указателя». Мы имеем в виду сводный справочник-указатель к Сочинениям, который будет включать в себя именной, алфавитный и предметный указатели, а также ряд других необходимых справочных сведений. Издание этого указателя предусмотрено, как известно, перспективой Сочинений и давно уже с нетерпением ожидается советскими читателями.

С.

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ».
Орган Народного комиссариата обороны
Союза ССР. №№ 1 (6)—7 (12). Воен-
издат. М. 1940.

В стране диктатуры рабочего класса, где армия является родным детищем народа и до конца верна своему народу, своей партии, своему вождю, военные дела, военная история близки пониманию не только военных работников, но и сознанию сотен тысяч и миллионов людей, готовых в любую минуту стать с оружием в руках на защиту завоеваний социализма. Именно этим объясняется интерес к военной литературе, который наблюдается у нас повсеместно. Военные произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, военно-исторические труды тт. М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилова, статьи и брошюры, посвященные военному прошлому нашей родины, являются необходимой частью литературы, изучаемой передовыми людьми Советской страны.

В конце 1939 года «Исторический журнал» с удовлетворением отмечал выход первого номера «Военно-исторического журнала». Сейчас этот журнал накопил опыт работы, опубликовал много десятков ценных статей по военной истории. В пределах журнальной рецензии трудно раскрыть содержание всех этих материалов. Мы ограничиваем свою задачу кратким описанием того, что появилось в первых семи номерах 1940 года, и более детальным рассказом о части статей и заметок, которые, по нашему мнению, представляют особый интерес для нашего читателя.

К 70-летию со дня рождения В. И. Ленина «Военно-исторический журнал» напечатал статью полкового комиссара Н. Френкеля «Вдохновитель побед Красной Армии» (№ 4). Задолго до Великой пролетарской революции были заложены основы армии социализма. «Это были боевые рабо-

чие отряды, Красная гвардия и военные организации большевиков. Ленин вместе со Сталиным в этих боевых организациях выковывал руководящие кадры будущей Красной Армии (Фрунзе, Ворошилов, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Дзержинский, Каганович, Мехлис, Щаденко и другие)» (стр. 3).

Боевые силы пролетариата, руководимые Лениным и Сталиным, прошли школу гражданской борьбы против врагов социализма и превратились в сильнейшую в мире армию.

Статья рассказывает о том, как Ленин, гениально предвидя ход событий в нашей стране и за ее рубежами, в период гражданской войны безошибочно определял важнейший фронт и направление главного удара, сосредоточивал в нужном месте максимальные силы и средства и обеспечивал успех на решающем участке борьбы. «Ленин всегда требовал всестороннего учета сил и обстановки, тщательной подготовки каждой операции, всемерного взаимодействия всех родов войск и максимального использования местности» (стр. 21). Владимир Ильич учитывал все трудности предстоящей борьбы, предостерегал от самообольщения. Так, в директиве М. В. Фрунзе от 17 октября 1920 года Ленин писал: «Получил Гусева больше восторженные телеграммы, боюсь чрезмерного оптимизма, помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее. Проверьте, изучены ли все переходы в брод для взятия Крыма» (экспонат Центрального музея В. И. Ленина).

В лице товарища Сталина Ленин имел верного соратника и надежнейшего помощника по руководству Красной Армией. По замыслу Ленина и Центрального Комитета партии товарищ Сталин выезжал на решающие фронты, на самые опасные для революции участки борьбы, преодолевал любые трудности и обеспечивал победу над врагами социалистической революции.

Гениальному вождю трудящихся всего мира товарищу И. В. Сталину посвящены статьи: маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова — «Сталин и строительство Красной Армии» (№ 1) (была напечатана в «Правде» в связи с 60-летием товарища Сталина), Ем. Ярославского — «Под руководством Сталина по ленинскому пути» (№ 1). В работах комбрига Ф. Судакова — «Военное искусство на пороге нового этапа развития» (№ 1), полкового комиссара А. Федорова — «Основные этапы строительства Красной Армии» (№ 2) и в других статьях, освещающих важнейшие этапы строительства и борьбы Рабоче-Крестьянской Красной Армии за социализм, говорится о военном гении товарища Сталина, его мудром руководстве военной политикой советского государства, силе его предвидения, обеспечившего Красной Армией победы всемирно-исторического значения. Перед «Военно-историческим журналом» стоит благодарная задача — продолжать разработку материалов, освещающих роль товарища Сталина как гениального новатора военной науки и роль товарища Сталина в области военной истории.

В пятидесятилетие товарища В. М. Молотова «Военно-исторический журнал» напечатал статью полковника Е. Болтина «Любимый друг Красной Армии» (№ 3). Помимо известных биографических сведений о ближайшем друге и соратнике великого Сталина статья излагает интересные документы, характеризующие заботу В. М. Молотова о создании, укреплении и снабжении боеприпасами Рабоче-Крестьянской Красной Армии начиная с самых первых ее шагов. Выступая на пленуме СНХ 8 декабря 1918 года, товарищ Молотов говорил: «Нужно создать армию для борьбы с хищниками, а для этого нужно прежде всего организованность и организация промышленности для военных нужд. Центральная задача наша: переход от одноплюнковой армии, которая у нас уже есть, к трехмиллионной... Мы должны направить исключительно энергию в деле организации изготовления боевого снаряжения и снабжения армии продовольствием... Мобилизуя промышленность, мы должны мобилизовать и весь рабочий класс. Тогда победа Советской республики обеспечена» («Северная коммуна» № 175 от 10 декабря 1918 года).

Вячеслав Михайлович неизменно заботится о нуждах обороны, о воспитании бойцов и командиров Красной Армии, об усилении политической работы в РККА, об очищении ее рядов от проклято-бухаринских шпионов и диверсантов.

Истории строительства Красной Армии и истории гражданской войны в нашей стра-

не кроме того посвящены статьи: Н. Мурашвера — «Первые мобилизации в Красную Армию» (№ 2) и «Подготовка командных кадров Красной Армии в годы гражданской войны» (№ 6), публикация документов — «Из истории формирования Красной Армии» (№ 2), работы П. Разгона — «Разгром Корнилова на Кубани» (№ 2), комбрига С. Тимошкова — «Разгром южной армии Колчака» (№ 3), Р. Голубевой — «Борьба с интервенцией в Закаспии» (№ 4), доцента-комбрига Ф. Жемайтиса — «Прорыв польского фронта 1-й Конной Армией» (№ 6). Детальнее останавливаясь на статье батальонного комиссара Ф. Сухого «Большевики и партизанское движение в Западной Сибири» (№ 3).

Большевистская организация, находясь в подполье, руководила народным партизанским движением в Сибири. Коммунисты возглавили рабочие восстания и партизанские отряды.

Рабочие и крестьяне все чаще восставали против эсеровско-меньшевистской «демократии». Так, в селе Архангельском, Славгородского уезда, где была небольшая группа крестьян, примыкавших к коммунистам, в ночь с 1 на 2 сентября 1918 года началось восстание. Плохо вооруженные повстанцы захватили Славгород, обратив в бегство вооруженный до зубов офицерский отряд. В Славгороде была восстановлена советская власть.

Эсеров-меньшевики, смертельно напуганные восстанием, двинули против небольшого партизанского отряда крупные части пехоты, кавалерии и артиллерии под командованием белогвардейского карателя генерала Анненкова. «Разбив повстанцев у ст. Бурлы, Анненков ворвался в с. Архангельское (Черный дол), разграбил деревню и стал уничтожать оставшееся население. Захватив Славгород, он произвел такую же расправу. Убивал без следствия, «по одежде» («Правда» № 171 за 1927 год. Дело Анненкова). В Славгородском уезде он расстрелял 1667 человек. Многие деревни Анненков сжигал дотла.

В ответ на зверское уничтожение сотен героев народной революции поднимались тысячи новых красных бойцов, вливавшихся в партизанские отряды; середняцкое крестьянство все активнее поддерживало большевиков.

Ленин, Сталин и Свердлов непосредственно давали руководящие указания сибирскому большевистскому подполью. Товарищ Свердлов послал в начале 1919 года письмо Омскому комитету: «Мы ни на минуту не забываем о вас. Посылали неоднократно деньги — мало — не по нашей вине. Теперь решили создать специальное Сибирское бюро ЦК из 5 человек... Принимаем

сейчас меры к постановке прочной связи с вами... Установим срочную связь, и работа пойдет полным ходом. Привет всем от всех нас. Я. Свердлов» («Партизанское движение в Западной Сибири», стр. 30. Новосибирск. 1936).

Фронт партизанской борьбы становился все более широким. Все новые и новые пункты оказывались в руках красных партизан. Население повсеместно встречало их с восторгом, снабжало продовольствием, пополняло партизанские отряды. Для укрепления крестьянских отрядов городские партийные организации направляли в деревню рабочих, политических комиссаров.

Партизанская армия испытывала затруднения в связи с нехваткой огнеприпасов. Рабочие помогали партизанам в этом деле, организовав починку оружия, отливку пуль, перезарядку гильз, производство пороха. «Эти крохотные кустарные мастерские снабдили отряды даже пушками собственного изделия» (стр. 66).

В сентябре 1919 года, после того как троцкистский ставленник вредитель Ольдеропе был отстранен от командования Восточным фронтом, 5-я Красная армия была переформирована, снабжена всем необходимым и двинута в наступление на белогвардейцев. Теснимые частями Красной Армии, испытывая сильнейшие удары партизан, воодушевленных наступлением регулярных советских войск, белые отступали, теряя тысячи убитыми, ранеными, оставляя на поле боя большое количество пленных и богатейшие трофеи.

Богато представлены в журнале работы, посвященные истории первой империалистической войны и роли Англии как провокатора и поджигателя империалистических войн. К таким работам относятся статья профессора генерал-лейтенанта А. Коленковского «Дарданельская операция (1915 г.)» (№ 6). Эта операция была одним из самых драматических эпизодов первой мировой империалистической войны. Она явилась «результатом того дипломатического и военного тупика, в котором оказались страны Антанты в конце 1914 г.» (стр. 24).

План Ллойд-Джорджа, именуемый «ливерией на Востоке», предусматривал расширение военного театра; балканские страны, согласно этому плану, должны были быть втянуты в войну на стороне англо-французского блока; тем самым предполагалось ускорить разгром Германии. Но противоречия внутри Антанты и между балканскими государствами привели к тому, что «ливерия на Востоке» вылилась в Дарданельскую операцию, которая представляет собой апофеоз преступного легкомыслия» (там же). Автор статьи описывает обстановку, сложившуюся к этому времени на

фронтах империалистической войны, упорную борьбу между «восточниками» и «западниками», т. е. между теми, кто добивался посылки крупной сухопутной армии на Балканы, и теми, кто не хотел этой посылки. От царского правительства эти споры тщательно скрывались. Англия стремилась захватить Константинополь в свои руки. «Англо-французская политическая разведка, повидимому, имела сведения о том, что Германия... предлагала русскому царю Константинополь и проливы за отход России от Англии и Франции. Захват Дарданелл союзниками явился бы гарантией против сепаратного мира России с центральными державами» (стр. 27).

Когда царское правительство узнало о подготовке этой операции, оно потребовало от англо-французов письменного признания прав России на Константинополь и проливы. После известной проволочки Англия и Франция дали на это формальное согласие.

Генерал Коленковский детально показывает соотношение и расположение сил в Дарданельской операции и проследивает все ее этапы, вплоть до печального для Англии и Франции исхода, стоившего союзникам 200 тысяч убитых, раненых и пропавших без вести. Автор характеризует действия англо-французов как импровизированные и занозалые и делает, исходя из Дарданельской операции, ряд интересных выводов.

С большим интересом читается статья профессора-комдива Н. Корсуна «Кампания 1914 г. на Кавказском фронте» (№ 5). Война между Россией и Турцией началась после того, как два турецких миноносца напали 16 октября на русские суда, стоявшие на одесском рейде. Вскоре костер войны разгорелся на восьми фронтах: Кавказском, Месопотамском, Аравийском, Суэцком, Палестинском, Сирийском, Персидском и Галлипольском. Война, как известно, была проиграна Турцией. Турецкая империя потерпела крушение.

Н. Корсун приводит документы, свидетельствующие о провокационной роли Англии, политика которой была направлена на то, чтобы «оказывать поддержку России и Франции лишь настолько, чтобы, истощая их, истощать Германию—своего смертельного врага» (из Манифеста I конгресса Коммунистического Интернационала. «Большевик» № 9 за 1939 год, стр. 27—28).

Англо-французский блок действовал в вопросе о проливах двурушнически, предавая своего союзника—Россию. На словах соглашаясь поддержать притязания России на проливы, англо-французы всячески затягивали военные операции против Турции и, скрывая свои истинные цели, мешали русской армии выполнить ее стратегиче-

скую задачу на Кавказском фронте. Чтобы не допустить высадки русского десанта в зоне Босфора и подорвать все усилия России, английское командование пропустило в Черное море крейсера «Гобен» и «Бреслау», переданные Турции Германией.

В то же время Франция двуручнически срывала взаимодействие победоносно наступавших русских войск с войсками Франции. Дарданельская операция, окончившаяся провалом, также была организована Англией и Францией, которые боялись, что Россия окажется хозяином проливов. В итоге противоречий, углублявшихся по мере развития войны, планет Н. Корсун, согласованность действий союзных армий на Ближнем Востоке так и не была достигнута.

Центральным вопросом в империалистических планах царской России был вопрос о проливах. Кавказский фронт считался второстепенным. Однако операции русских войск, протекавшие в труднейших условиях, увенчались большими успехами. Несмотря на ошибки командования героические русские солдаты ломали на своем пути все препятствия. План командования вооруженных сил России по обороне Закавказья был не только выполнен, но военные действия были перенесены на территорию Турции.

Говоря об этой группе статей, надо отметить следующие материалы: А. Георгиева — «Английская дипломатия в период июльского кризиса 1914 г.» (№ 1), А. Ерусалимского — «Документы о подготовке мировой войны 1914—1918 гг.» (№ 1), М. Галактионова — «Английская стратегия и Антанта (1916 г.)» (№ 6), полковника В. Попова — «Операции в Трапезиции осенью 1916 г.» (боевые действия в горах) (№ 7).

Особого внимания наших читателей заслуживает статья Ф. Канелюша «Восстания во французской армии в 1917 году» (№ 3). В ней показано, как под влиянием февральской революции в России и провала французского наступления в апреле 1917 года массовое движение на фронте и в тылу против войны приняло во Франции революционный характер, как началось и развертывалось антиимпериалистическое, революционное восстание во французской армии. Автор приводит свидетельства французского военного министра Пенлеве о том, что «растет бурный поток обвинительных писем: они клеймят недостаточную подготовку наступления и пагубное легкомыслие, с которым бросили пехоту на невыполнимое дело... Армия переживала кризис, она потеряла веру». Неудачная попытка прорвать германский фронт обошлась Франции в 61 тысячу убитых. Французские части были разгро-

млены и отброшены на исходные позиции.

О настроениях во французской армии можно судить по многочисленным запискам в дневнике президента Франции Пуанкаре:

«...учащаются случаи нарушения дисциплины в армии. На этих днях в Дорман солдаты кричали: «Да здравствует революция!», «Долой войну!» Одна рота отказалась выйти из окопов» (стр. 73—74).

«...На заседании военного комитета Петэн снова сделал сообщение о состоянии армии. Пять корпусов почти целиком заражены. «Болезнь серьезна, — заявил генерал, — необходимо применить устрашающие меры ко всем взбунтовавшимся полкам и отказаться от помпования во всех случаях коллективного отказа в повиновении, а также в случаях стоевора об оставлении своего поста» (там же).

• «...Фурнье сообщает, что еще один полк прошел через Шалон с революционными криками и возгласами: «Да здравствует мир!» ...Предстоит пять новых казней...» (там же).

В середине мая сплоченно выступали против войны уже целые армейские корпуса. Движение приобретало чрезвычайно грозный для империалистической буржуазии характер. Во многих частях создавались солдатские организации, которые стремились взять руководство движением в свои руки. Не случайно Пуанкаре сделал в своем дневнике запись о том, что «все это никак не производит впечатления стихийного движения» (там же).

Ф. Канелюш приводит сообщение депутата Жюбера на закрытом заседании парламента от 29 июня. В этом сообщении говорится о том, что восставшие стреляли из пулеметов. В Мисеп-о-Буа 700 солдат окопались, выставили пулеметы, наладили караульную службу, набрали начальников (по словам одного из опрошенных офицеров, «как в России»). Они вынуждены были слаться, так как пять дней оставалось без продовольствия.

Всюду, где расквартировывалась войска, были разбросаны листовки с лозунгами «Долой войну!», «Смерть виновникам бойни!» Солдаты открыто пели «Интернационал», устраивали революционные манифестации, выступали с оружием в руках против военных властей.

Антивоенное движение на фронте было связано со стачками и революционными выступлениями в тылу. Пуанкаре записал 29 мая 1917 года, что министр «Стэт очень озабочен состоянием умов в Париже, забастовками, митингами и демонстрациями, происходившими в последние дни» (стр. 77—78).

Революция в России показывала пример трудящимся Франции, революционизировала французский тыл и фронт. Автор статьи

приводит выводы парламентской комиссии, обследовавшей причины «бунтов» в 6-й армии. Эти выводы подтверждают, что влияние нашей революции было очень сильным: «Газеты давали точные изложения событий в России, преподносили без слова осуждения и даже без каких-либо оговорок факты, касающиеся армии: введение выборности офицеров, согласие старых офицеров примениться к этому новому пониманию военной дисциплины. Несомненно, эти сообщения действовали чисто-эмоционально на психику многих солдат...»

Во французскую армию проникли идеи большевизма, листовки, брошюры, письма большевиков. «Комитет по восстановлению международных связей», одна из лучших революционных организаций, действовавшая не только в тылу, но и на фронте, распространил среди солдат первомайскую прокламацию, призывавшую к гражданской войне и социальной революции.

Однако свирепый, беспощадный террор, физическое истребление многих тысяч лучших сынов французского народа, а также преступные действия социал-предателей Жуо и К^о помогли правящему классу Франции справиться с движением, потопить восстания в реках народной крови.

О беспощадности этого террора можно судить по такому примеру: «Капрал Брюнель. 18 лет, доброволец, всегда сам вызывался на самые опасные поручения. 26 сентября проник один в неприятельские окопы и привел в плен 83 здоровых солдат. Серьезно раненый... он не переставал поддерживать в своих солдатах бодрость словом и примером». Так значится в его послужном списке, зачитанном на закрытом заседании парламента. Брюнель предстал перед судьями с военным крестом на груди. Он был расстрелян. Пуанкаре отключил пресью о помиловании» (стр. 81).

В связи со второй империалистической войной «Военно-исторический журнал» напечатал статьи комбрига А. Де-Лазарн — «Военное положение Польского государства» (№ 1) и К. Гофман — «Дипломатическая подготовка войны в Европе» (№ 2). Последняя статья написана по дипломатическим документам, опубликованным в Англии, Франции и Германии.

Описанию военных действий в Испании и Китае посвящены статьи: полковника А. Соробрякова — «Баталонская операция (1938—1939 гг.)» (№ 2) и «Операция на р. Эбро (1938 г.)» (№ 6), полковника Ф. Ходмова — «Панкисская операция» (№ 4), проведенная японской армией в ноябре—декабре 1937 года.

В свете военных событий последнего года представляет значительный интерес обстоятельная работа профессора-дивизионера В. Яковлева — «Исторический очерк

развития «линии Мажино» (№ 7). Автор детально описывает эту полосу укреплений, грандиозное сооружение современной фортификации, созданное на границе Франции и Германии, отмечает важнейшие этапы ее строительства. «Линия Мажино» должна была сыграть огромную роль в обороне Франции, однако решающие удары были нанесены этой стране на других рубежах, а «линия Мажино» оказалась несколько в стороне от решающих военных столкновений.

Протянувшись от швейцарской границы до Лонгви, «Линия Мажино» защищала Францию только частично, так как ее укрепления не были продолжены вдоль всей бельгийской границы, до Дюнкерка.

Автор указывает, что в решении этого вопроса большую роль должно было сыграть повеление Бельгии. «В 1924 г., по видимому, между Францией и Бельгией... существовала какая-то секретная договоренность, и на укрепление бельгийской восточной границы французы твердо рассчитывали. Поэтому на своей границе с Бельгией они решили ограничиться созданием подготовленного поля сражения в виде постройки нескольких укреплений средней мощности и ряда мелких казематов, которые должны послужить остовом для будущих укрепленных групп и рубежей» (стр. 61).

Пороки, типичные для военной политики Франции, остались неизменными на протяжении двух десятилетий. Урок 1914 года не был учтен французским генеральным штабом. Германская армия прорвала бельгийские восточные укрепленные зоны, не соответствовавшие новейшим средствам нападения, и ударила по северному рубежу Франции, который был так же слабо укреплен, как и в 1914 году. Мопная линия обороны была обойдена с фланга германскими вооруженными силами.

Из ряда содержательных статей о политике и истории Англии отметим статью капитана Н. Павленко и капитана П. Пароткина «Традиционная политика политикателей войны» (№ 2), описывающую более давние времена.

В статье рассказывается об отношениях между Москвой и Англией в XVI и XVII столетиях. Деловые и политические отношения между этими странами возникли в середине XVI века, после того как английские купцы и разветчики, прибывшие на большом корабле в устье Северной Двины, были привезены в Москву к Ивану Грозному. Английским купцам в России, так же как и русским купцам в Англии, были даны многие льготы.

Незадолго до этого Россия в результате Ливонской войны потеряла Прибалтику, без которой Русское государство не могло пор-

мально развиваться. Иван IV отдавал себе ясный отчет в значении этой потери и прилагал усилия, чтобы вернуть России потерянные земли. Для осуществления этих своих планов он хотел заручиться поддержкой сильного европейского союзника. В 1569 году Иван IV предложил английской королеве Елизавете быть «другом его друзей и врагом его врагов» и чтобы «Англия и Россия должны быть во всех делах заодно» (стр. 96). Одновременно же русский царь просил привозить в Россию наряду с другими товарами военное снаряжение.

Но в планы Англии не входило содействие экономическому и политическому развитию России. Елизавета английская и ее агенты рассматривали нашу страну как объект для хищнической наживы, шпионажа, будущих захватов, а также как промежуточную территорию для дальнейшего проникновения на Восток—в Персию, Индию и Китай. Елизавета прислала Ивану IV вежливый и уклончивый ответ. Тогда он приказал написать ей грамоту, в которой было сказано:

«И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобой делать... А ты пребываешь в своем девичьем чину как есть пошлая девица» (С о л о в ь е в «История России с древнейших времен». Т. VI, стр. 293). Дальше в грамоте указывалось, что «московское государство покамест без английских товаров не скудно было».

Английское правительство того времени постаралось льстивыми речами и обещаниями рассеять неудовольствие Ивана IV и в то же время предприняло ряд разведывательных, шпионских экспедиций на подступах к русскому государству, а также усилило шпионскую деятельность своих купцов, торговавших в России.

Царь имел все основания обвинять английскую королеву и ее правительство в двуличности, лживости. Разговаривая с послом Англии 28 января 1576 года, Иван IV сказал:

«Неудовольствие наше состоит в неискренности ответов нашей сестры и в сомнениях и недомолвках, которые они содержат» («Первые 40 лет сношений между Россией и Англией (1553—1593)», стр. 186. СПб. 1875).

Документы показывают, насколько был прав в своем мнении о Елизавете русский царь. Елизавета вела тогда тайные переговоры с исконным врагом Русского государства — польским королем Сигизмундом. Истинные планы Англии того времени в отношении Московского государства заключались в том, чтобы ослабить его и превратить в свою колонию. Двурушническая,

подрывная политика Англии по отношению к России продолжалась, как известно, на протяжении столетий вплоть до настоящего времени.

С большой эрудицией написана статья академика Е. Гарле «Англо-французская дипломатия и Крымская война» (№ 4). После падения империи Наполеона перед Англией, Францией, Австрией и Пруссией возник грозный вопрос: не пойдет ли русский император по пути Наполеона, к всеевропейскому владычеству? Уже тогда «стал формироваться план, который сорок лет спустя привел к крымскому взрыву» (стр. 98).

Вскоре после того как Турция объявила России войну и адмирал Нахимов напал 18 (30) ноября 1853 года на турецкий военный флот в Синопе и потопил его, Наполеон III обратился к императору Николаю I с грозным посланием. «В этом письме он говорил, что гром синопской победы потряс как во Франции, так и в Англии всех, кто обладает чувством национальной чести, и что союзники Франции (т. е. турки) должны быть уважаемы всюду, куда достигают французские пушки. Он предлагал Николаю убрать войска из Молдавии и Валахии и начать переговоры с Турцией» (стр. 105). Николай отказался выполнить эти требования.

В марте 1854 года Франция и Англия объявили России войну, которую они готовили на протяжении многих лет.

Паводлив турецкие воли согнали своих военных кораблей, «союзники» Турции, по существу, лишили ее какой бы то ни было самостоятельности. Объединенная англо-французская армада начала активные операции в Черном море, надеясь в кратчайший срок разгромить Россию. «Но тут началось историческое чудо, получившее название обороны Севастополя. Прозойшла неожиданность, превратившая в прах девять десятых тех планов, с которыми союзники явились в Черное море» (стр. 106).

Еще задолго до этих событий Франция и Англия через своих шпионов знали, что Севастополь — основная база русского военно-морского флота — только именовался крепостью, а на самом деле был почти беззащитен. Однако героические защитники Севастополя под руководством Корнилова, Тотлебена, Нахимова, Истомина в несколько недель создали крепость заново, перестроив всю систему обороны. Защита крепости длилась почти год, и защитники ее показали невиданное упорство и подлинный героизм в этой кровавой и несправедливой борьбе.

Когда 6 (18) июня 1855 года, после длительной осады, англо-французы штурмовали Севастополь, они были отбиты на всех участках фронта. Союзники вынуж-

лены были искать новых путей для победы.

Э. Тарле детально описывает хитросплетения дипломатической и военной деятельности Англии и Франции, непримиримые противоречия в лагере союзников. Франция боялась усиления Англии, загребавшей жар чужими руками. Она знала, что Россия уже ослаблена войной, и считала, что следует приложить старания, чтобы ослабить Англию. Поэтому Франция не очень-то стремилась извлекать капитал для английских карманов. Грандиозные планы Англии (захват Кавказа, Крыма, Финляндии, Прибалтики, Польши) провалились: «Потери, которые Россия понесла по Парижскому миру, заключенному 30 марта 1856 г., были в сущности доволно ничтожными: клочок земли на Дунае и эфемерное запрещение иметь свой флот на Черном море, запрещение, которое было официально отменено Александром II в порядке одностороннего волеизъявления уже в 1870 г.» (стр. 112). Это объясняется, конечно, не только противоречиями в лагере союзников, но прежде всего тем, что русские патриоты вопреки николаевскому режиму проявили доблесть и героизм, неожиданный для врагов России. Русские солдаты бесстрашно проливали кровь в борьбе за свое отечество и спасли Россию от тяжких и унижительных потерь.

Из отдела статей заслуживают быть отмеченными также работы: профессора Н. Коробкова — «Пальциг в Кунерсдорф (1759 г.)» (№ 1) и «Армия и стратегия эпохи Семилетней войны» (№ 4); С. Рафайловича — «Американо-американская война за независимость» (№ 2); Е. Барсукова — «Парская армия накануне Октябрьской революции» (№ 4) и «Артиллерия в обеспечении прорыва. (Мартовская операция 1916 г.)» (№ 7); А. Монгайта — «Русская артиллерия в XIV—XVI вв.» (№ 7). В последней статье дан обзор состояния русской артиллерии на протяжении указанных столетий. Обосновывая свои доказательства фактами и документацией, автор утверждает, что «артиллерия в XVI в. была самым передовым из всех родов войск в России. Она не отставала от европейской, а кое в чем даже и опережала ее (полковые пушки)» (стр. 76). Русская артиллерия превратилась во второй половине XVI столетия в грозную для того времени силу, стала одной из самых могущественных в Европе.

В № 7, помимо отмеченных статей, напечатаны работы батальонного комиссара Б. Тельпуховского — «Борьба русского народа за выход к Балтике (XIII—XVII вв.)», И. Шаскольского — «Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой», М. Тихомирова — «Сражение на Неве». Все они описывают исторические события в При-

балтике, о которых следует помнить в наше время.

Б. Тельпуховский напоминает в своей статье о том, что территория, принадлежавшая Киевской Руси, простиралась от Черного до Балтийского моря. Берега Балтийского моря являются искони русскими землями. Отмечая, что Киевская Русь являлась могущественнейшим для своего времени государством, игравшим крупную роль в международных отношениях, что империя Рюриковичей, как указывал Маркс, предшествовала образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и самого Московского государства, автор статьи говорит о том, что отсталость России — явление более позднее. Оно было обусловлено тем, что у Северной России не было естественного выхода для продукции, что в Восточной Европе господствовали татаро-монголы, что производительные силы страны сдерживались феодально-крепостническими отношениями.

На протяжении нескольких столетий русские упорно боролись за подчинение своему влиянию жизненно необходимых им берегов Балтики. Но лишь к концу XVII века условия для того, чтобы решить эту задачу, созрели. Выполнить ее взялся гениальный Петр I.

К 140-летию со дня смерти великого русского полководца А. В. Суворова «Военно-исторический журнал» опубликовал (в № 5) ряд содержательных работ: профессора Н. Коробкова — «Великий русский полководец», В. Афанасьева — «Рымникская победа», полковника Е. Болтина — «Наука побеждать». Кроме того в отделе «Исторические заметки» напечатаны материалы: Н. Новикова — «Малозвестный эпизод войны 1799 г.» (о победоносном походе десантных сил русского адмирала Ушакова на Рим в то время, когда армия Суворова совершала свои операции в Северной Италии), Л. Шеншиной — «Англия и Суворов». Этим статьям предпослана справка В. Афанасьева о важнейших датах жизни и деятельности А. В. Суворова. В разделе «Документы» даны интересные публикации суворовского плана наступления на Генуэзскую ривьеру, а также суворовский план обороны Финляндии. В том же разделе напечатаны публикуемые впервые три письма А. В. Суворова астраханскому губернатору, а также донесение Суворова о Швейцарском походе 1799 года и избранные места из его переписки. В отделе «Критика и библиография» опубликована ценная статья обзорного характера, написанная И. Колубовским — «Суворов в литературе». Интересные заметки, связанные с именем Суворова, даны в разделе «На историческом фронте».

Среди материалов, посвященных великому русскому полководцу, обращают на себя внимание опубликованные в разделе «Документы» «Замечания генерал-аншефа гр. Суворова-Рымницкого об оборонительной и наступательной войне в Финляндии, 1792 г. (на случай войны со Швецией)».

После того как русские войска, руководимые Суворовым, одержали замечательную победу, захватив Измаил, Суворов был повышен в чине. Однако немалость князя Потемкина привела к тому, что Суворова отозвали из армии, и он был отправлен в почетную ссылку в Финляндию для обследования русско-шведской границы. Суворову было поручено «с точностью определить пункты, кои могут служить для обороны против Швеции» (стр. 116). После того как он блестяще выполнил это задание и составил план укрепления границы, ему было приказано заняться стрепательством этих укреплений.

Он приступил к работе, но, тяготясь несвойственной ему деятельностью, писал секретарю императрицы Екатерины Турчанинову:

«Баталия мне лучше, чем долота извести и пирамиды кирпича; мне случше 2—3000 человек в поле, чем 20—30.000 в гарнизоне... Я не могу оставить 50-летнюю привычку к беспокойной жизни и моих солдатских приобретенных талантов... Я привык быть действующим непрестанно, чем и питается мой дух» (стр. 131).

В упомянутых выше «Замечаниях» Суворова излагаются необычайно интересные мысли о войне в финляндских условиях.

«Незнатные набеги презирать, — пишет Суворов, — ежели вредны земле, на то репресалии. Самим таковых иррупциев не чинить, они опасны. Лучше усыплять, нежели тревожить, — и делать большой удар. Малая война обоюднo ровна и не полезна, изнуряет войску... Внедрился бы где неприятель в нашу землю, — это ложный стыд: он отдалает свою сущестенцию и сам пришел к побегению соединением на него корпусов. Сил быть всегда нераздробленным, как здесь в обыкновенных партизанах нужды нет» (стр. 117).

И приводит пример:

«Таков есть пункт Сердобольский. Им-мальный отряд наступающих отрезывает, или бьет в спину, или топит в Латоге, сам казнен, окружен острыми горами, не зашптен, под протекцией Шлессельбурга озером в полном отвесе» (там же).

Несмотря на недовольство Суворова порученным ему строительством укреплений, он и здесь показал блестящий стратегический талант и исключительное знание военно-инженерного дела. С восторгом он пишет о строительстве крепостей, например о Роченсальмской крепости и Нейшлоте:

«Знатная крепость, помилуй бог, хороша: рвы глубоки, валы высоки...» (стр. 131).

В своих замечаниях Суворов так описывает Нейшлот:

«Нейшлот окружен не замерзаемым волнующимся глубоким озером; плоты с лестницами к его высшим стенам беспречно пристать не могут; сии никаких выстрелов не бьются, и от бомбардирования люди в казематах с двухгодовым провиантом...» (стр. 117).

В разделе «Герои гражданской войны» помещены статья В. Гербушковой — «Беззаветный воин коммунизма (Н. А. Руднев)» (№ 1), В. Костромкина — «Василий Кякквилзе» (№ 2), Г. Рейхберга и Р. Кроль — «Сергей Лазо» (№ 4), В. Фица — «Тойво Антикайнен» (№ 6).

«Военно-исторический журнал», первый из столичных журналов, напечатал материал об Антикайнене, этом выдающемся деятеле финляндской революции.

Вступив в 1915 году в Социал-демократическую партию, он отдал все свои силы служению великому делу социалистической революции. Когда осенью 1917 года Ленин обратился к финскому пролетариату с призывом: «Вставайте, вставайте немедленно и берите власть в руки организованных рабочих», — Антикайнен по-нес ленинские слова в рабочие массы, организовывал красногвардейские отряды, призывал трудовой народ к захвату власти.

В январе 1917 года в Гельсингфорсе на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии выступил товарищ Сталин. «В атмосфере войны и разрухи, — сказал он, — в атмосфере разгорающегося революционно-го движения на Западе, нарастающих побед рабочей революции в России — нет таких опасностей и затруднений, которые могли бы устоять против вашего натиска. В такой атмосфере может удержаться и победить только одна власть, власть социалистическая. В такой атмосфере пригодна лишь одна тактика, тактика Дантона: смелость, смелость, еще раз смелость!

И если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам ее, братски протягивая вам руку» (Ленин, Сталин «Избранные произведения 1917 года», стр. 634. Партиздат, 1937).

Антикайнен боролся за дело Ленина — Сталина, смело выступая против оппортунистического большинства Финляндской социал-демократии. В январе 1918 года в Финляндии началась рабочая революция, вооруженная борьба пролетариев

против белогвардейцев и интервентов. Вместе с другими верными сынами трудовой Финляндии Тойво Антикайнен отважно сражался в первых рядах Красной гвардии. Но превосходящие силы белогвардейцев и интервентов победили в этой борьбе. Антикайнен вместе с разрозненными отрядами Красной гвардии отступил в Советскую Россию...

Зимой 1921 года, когда финские белогвардейцы, финансируемые международными империалистами, вторглись на территорию Советской Карелии, командование Красной Армии поручило лыжному отряду Интернациональной школы во главе с Антикайненом пробиться в тыл к белофиннам, разгромить их штаб, уничтожить продовольственные склады, запасы вооружения и т. д.

В сильнейшие морозы стремительно прошел небольшой отряд героев через снежные пространства, леса, болота, озера, перевалы, считавшиеся непроходимыми, уничтожая на своем пути неприятельские группы, захватывая пленных.

Отряд Антикайнена неожиданно напал на штаб белофиннов в Кимас-озере, разгромил белогвардейцев и их центр, захватил богатые трофеи, уничтожил все, что не мог захватить с собой.

Эта блестящая операция вызвала среди белофиннов панику, ускорила их отступление в пределы Финляндии. Вот как характеризовал Антикайнен результаты действия лыжного отряда:

«Что касается значения произведенной отрядом лыжников операции, то надо признать, что она решительно помогла южной и средней колонне в быстрой ликвидации бандитизма» (стр. 108).

К сожалению, последующая жизнь Тойво Антикайнена почти не отражена в данном очерке. Между тем ценный для очеркиста материал об Антикайнене был опубликован в газетах Ленинграда и Петрозаводска.

Отмечая как положительный факт то, что «Военно-исторический журнал» систематически печатает материалы о выдающихся героях гражданской войны, надо пожелать только, чтобы форма подачи очерков отдела была более живой, более литературной; сейчас они несколько засушены и являются иногда перечислением дат и событий в жизни героя. Образ Николая Руднева, образ Василия Кимовича заслуживают более яркого отображения. Надо отметить также, что финляндским материалам не повезло в смысле опечаток, но исправленных в последующих номерах: вместо «Массельская» напечатано «Массельская», вместо «Подужемскую» — «Подуженскую», вместо «Егредля» — «Егредя».

В разделе «Военные деятели прошлого» отметим отличную статью Вилли Бределя — «Шарнгорст, Гнейзенау, Клаузевиц» (перевод с немецкого) в № 1. Эта статья выделяется блестящим стилем изложения и яркими характеристиками, данными писателем крупнейшим военным деятелем Германии:

«Шарнгорст умер в начале войны 1813 г., от исхода которой он ждал освобождения и национального объединения Германии. Этому делу Шарнгорст отдал двенадцать лет своей жизни; во имя его он терпел неудачи, разочарования, горькие обиды; вел упорную борьбу с реакционерами и обскурантами, с прусскими юнкерами и придворной камарильей, доказывая необходимость вооружения народа и удовлетворения его элементарных социальных нужд. Преждевременная смерть избавила Шарнгорста от огорчения, которое он испытывал бы при виде плачевных результатов своих трудов» (стр. 105).

В своей работе «Об основных причинах успеха французских войск в революционную войну», появившейся в 1798 году, Шарнгорст признал себя учеником якобинцев и писал о том, что победить, подобно якобинцам, можно только пробуждая и направляя коллективный дух, используя все ресурсы нации: жизнь и имущество граждан, их инициативу, любовь к родине.

Столь же интересны приводимые в статье данные о Гнейзенау и Клаузевице. Объективно рисуя их облик, отмечая замечательные черты в их талантах, характерах и взглядах, Вилли Бредель не идеализирует их, но говорит о том, что «после бесконечных усилий, страданий и жертв они подобно другим прусским преобразователям остались на том же месте, с которого начали» (стр. 118). Они не учли уроков французской революции, не поняли необходимости уничтожить феодализм и пойти «к национальному обновлению и социальному преобразованию «французским» путем» (там же). Идя по пути компромиссов и замазывания социальных противоречий, по «немецкому» пути, они попали в болото реакции.

В отделе «Памятники старины» (№ 3) опубликованы отрывки из «Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря», написанного келарем монастыря Авраамием Палицыным. Тексту «Сказания» предпослана краткая статья проф. В. Панова, выясняющая сущность этого военного эпизода, важного в истории борьбы русского народа против чужеземных захватчиков и их боярских приспешников. Являясь первоклассной для своего времени крепостью, Троице-Сергиев монастырь подвергся в сентябре 1608 года осаде со стороны

войск двух крупных польских авантюристов: Петра Сапег и Александра Лисовского — и «русских изменников», сторонников Якедмитрия II. Монастырь окружили огненной цепью из 63 пищалей, которые были наведены на важнейшие его пункты. Осаждавшие применяли потопы, засылали к осажденным лазутчиков; крупные войсковые силы несколько раз штурмовали монастырь. Однако несмотря на большие потери осажденные смогли продержаться до 12 января 1610 года, когда Сапега и Лисовский, опасаясь приближения Скопина-Шуйского, прекратили осаду. Как указывает В. Панов, «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» является интереснейшим литературным памятником XVII столетия. Автор «Сказания» был некогда воеводой в Коле, затем за выступление против Бориса Годунова был пострижен в Соловецком монастыре и оттуда попал в Троице-Сергиев монастырь. Авраамий Палицын был активным и влиятельным участником сложных событий в Московском государстве в период польско-шведской интервенции.

Вот один из примеров описания событий в «Сказании»:

«Словно звери с ревом и яростью они бились целый день во многих местах. Уже под вечер на врагов напал большой страх; в большом смятении они обратились в бегство. Русские полки гнали, поражая литовских людей, до Рябова монастыря, много литовских людей побили и поранили, много знаменитых панов живыми в плен взяли... Польские и литовские люди и русские изменники как из-под Твери, так из-под Калязина монастыря бежали...» (стр. 128).

Проф. Панов, проделав полезную работу и в общем правильно прокомментировав событие, несколько некритически изложил в своей вводной к «Сказанию» статье факты о совместных действиях русских со шведами. Как известно, Яков Делагарди был не только «искусным полководцем», как его называет проф. Панов, но и врагом России, принесшим ей много бедствий. «Союз Василия Шуйского со шведами», о котором пишет автор вступительной статьи, был одним из звеньев шведской интервенции. Нельзя писать о действиях Якова Делагарди в России и о шведской «помощи», не выясняя сущности того, что происходило в отношениях между Россией и Швецией того времени.

Раздел «Из опыта боев» представлен в журнале статьями: полковника П. Сергеева — «Прорыв укрепленной полосы (51 сд в штурме Перекопа)» (№ 1), бригадного комиссара А. Калишева — «Фланговый марш в предвидении встречного боя» (№ 2), полковника М. Авгар-

ского — «Атака укрепленного населенного пункта зимой» (№ 3), майора Ф. Беркова, капитана Н. Горбина и капитана Б. Головчишера — «Наступление стрелковой дивизии» (№ 3), комбрига А. Редкина — «Атака укрепленной полосы» (№ 6), майора Г. Лукьяненко — «Прорыв 17-го корпуса у Сопанова» (№ 7). По небольшим статьям этого отдела, основанным на внимательном изучении архивного материала и содержащим квалифицированный разбор военных операций, можно сделать только одно критическое замечание: авторы их несколько суживают вопрос, ограничиваясь изложением схемы боев, без связи с другими факторами, влияющими на исход сражений: политической работой среди бойцов, поддержкой населения, действиями в тылу у противника и т. п.

В двух последних номерах журнала появился интересный отдел — «Исторические заметки». В № 6 напечатаны материалы о военном прошлом новых советских городов — Выборга и Кексгольма, в № 7 — о военном научном обществе СССР (1920—1926 годы), об инженерных школах при Петре I, о химических средствах в русско-японской войне. Напечатана также в № 6 заметка интенданта 1-го ранга В. Ладухина — «Малозвестный эпизод из Отечественной войны 1812 г.». Речь идет о нападении русских казаков на Наполеона 25 октября 1812 года.

Заслуживает одобрения своеобразный по содержанию отдел «Из писем в редакцию». Своеобразие заключается в том, что письма, являясь откликами читателей на волнующие их вопросы, в то же время целиком связаны с военно-исторической тематикой. В № 3 помещены письма: А. Носкова — «Глубже изучать опыт прошлого», Г. Габаева — «О некоторых ошибках русской военной историографии», К. Осипова — «О происхождении Суворова»; в № 4 — Г. Габаева — «Русское военно-историческое общество (1907—1914 гг.)», А. Полуанова — «Из истории Днепровской флотилии», М. Назарова — «Восемьдесят пять лет назад».

В отделе «На историческом фронте» даны интересные заметки: «Мортира-уникум» (№ 1), «Оружейная палата в Несвиже» (№ 2), «В центральном военно-историческом архиве» (№ 4), «В секретариате главной редакции «Истории гражданской войны»» (№ 5), «В Институте истории Академии наук СССР» (№ 6), «История вооруженного восстания в Москве в 1905 году» (№ 7), «Памятники бородинского сражения» (№ 7) и др. Особенное внимание привлекают опубликованные в этом отделе малозвестные документы о восста-

нии Пугачева, извлеченные из архивов Татарии (№ 7). В пояснительной заметке сообщается, что значительную часть обнаруженных документов составляют донесения сельских попов, свидетельствующие о симпатиях крестьянства к Пугачеву, об активных выступлениях крестьян при слухах о приближении армии Пугачева. К нему присоединилось много чувашей, особенно притеснявшихся царскими колонизаторами.

Духовенство шпионило за повстанцами и предавало их. Императрица Екатерина имела в лице попов верных людей и не напрасно в письме к «преосвященному Вениамину Казанскому» от 22 октября 1773 года писала:

«...желание наше есть, чтоб ваше преосвященство в помощь Казанскому и Оренбургскому Губернаторам отравили от себя в те места епархии вашей, где по сим обстоятельствам за нужно наймете, к священникам наставления, как бы они своим прихожанам со увещаванием читать, и тем удерживать их могли от присоединения к сему самозванцу, толкуя им, коль страшно преступление перед богом и перед светом есть нарушение учиненной государю своему присяги, и что таковых преступников святая наша церковь предала и предаст всегда вечному проклятию» (материалы архивного отдела ЦКВД Татарии).

При помощи духовенства царскому правительству удавалось захватывать все новые и новые группы повстанцев, которых подвергали жестокой расправе: поролы плетью, отрезывали уши и т. д. Так, именем Екатерины приписывалось «десятника Васку сыскать и, если обличит Миронов десятника, что он наряжал его в толпу, то сего десятника высесть плетью и отрезать ухо при сходе всей деревни» (там же).

За недостатком места мы сможем остановиться только на одной из статей отдела «Критика и библиография». Речь идет о работе Е. Беркова «Военные вопросы в учебнике «Истории СССР» (№ 4). Наряду со слишком обширными для учебника гражданской истории требованиями по военным вопросам Е. Берков высказывает ряд ценных замечаний, которые следует учесть при повторном издании «Истории СССР».

Указывая на «Краткий курс истории ВКШ(б)» как на блестящий образец освещения военных вопросов в общенсторическом курсе, Е. Берков правильно подчеркивает необходимость органического единства изучения общей истории и истории войн и военного искусства. Между тем авторы учебника не учли этой необходимости и ограничились беглой фиксацией военных событий в истории прошлого.

Среди других серьезных недочетов учебника в этой области тов. Берков указывает на то, что «все войны «свалены в кучу», без анализа их классового характера», что история развития военного искусства России выпала из поля зрения авторов, что почти ничего не сказано в учебнике и об истории нашего военноморского флота, его героических людях. В разделе «Древнейшие сведения о славянах и первые славянские княжества Восточной Европы» главы седьмой учебника ничего не сказано о военной организации славян, их боевых качествах, вооружении. Между тем известно, что восточные славяне с давних пор отличались воинской доблестью, отвагой, выносливостью, упорством в бою. Е. Берков приводит свидетельство восточно-римского императора Маврикия (около 539—602 годов) о высоких боевых качествах восточных славян:

«Племена славян и антов... живут свободно и не дают никому поработить себя или подчинить. Их весьма много в их стране, и они очень выносливы, выносят легко и зной, и стужу, и дождь... Врагов любят они подстеречь в лесной чаще, в ущельях и крутизнах; пользуются в достаточной мере засадами, внезапными нападениями и хитростями, и ночью, и днем, изобретая всевозможные способы борьбы. На чем угодно умеют они переправляться через реки и могут подолгу оставаться в воде. В случае опасности они покидают свои жилища и погружаются в глубину воды, держа во рту длинные, полые внутри стволы тростника... они выставляют концы тростников паружу и дышат через них» (стр. 135).

Автор статьи считает, что и в разделе учебника «Феодальное абсолютистское государство» также недостаточно выявлена роль вооруженных сил. При характеристике вооруженных сил русского государства при Иване IV ничего не сказано о том, что «городовые» казаки превратились в поместное постоянное войско приграничных районов, не сказано о том, что наряду с основными поместными войсками имелось и ополчение из крестьян (так называемые даточные люди). При описании завоеваний Ивана IV на Востоке и трех походов на Казанское ханство авторы не объяснили причин безрезультатности первых двух походов.

Тов. Берков отмечает также как серьезный недочет учебника то, что в нем не дается хотя бы общего понятия «о военной организации, оружии и способах борьбы, применявшихся войсками Пугачева» (стр. 139).

Заканчивая наш обзор, надо сказать, что «Военно-исторический журнал» успеш-

но выполняет основные свои задачи: разрабатывает и освещает историю войн, историю гражданской войны в России и историю РККА, историю первой и второй империалистических войн, историю развития специальных родов войск и военной техники, историю военного искусства. Журнал выступает с правильной критикой ошибок в военно-исторической литературе.

Отмечая все это, хочется высказать одно пожелание: «Военно-историческому журналу» следует сильнее подчеркивать и убе-

дительнее показывать неотрывность военных вопросов от проблем гражданской истории, детальнее освещая эти последние в их взаимосвязи с военными событиями. В частности эту неотрывность можно хорошо проанализировать и проиллюстрировать, комментируя на страницах журнала военно-исторические произведения классиков марксизма, а также разбирая важнейшие операции Красной Армии во время гражданской войны и в последние годы.

А. КРОНГАУЗ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ (Методическое пособие для VI—VII классов средней школы). Под редакцией С. Д. Сказкина и А. В. Фохт. Москва. 1939.

Выход в свет «Методического пособия по истории для VI—VII классов средней школы» — отрадное явление в развитии исторического образования в нашей стране.

Имея в своем распоряжении «Историю средних веков» в двух томах (учебное пособие для высших учебных заведений), «Хрестоматию по истории средних веков» в трех томах под редакцией Грацианского и Сказкина и рецензируемое пособие, преподаватель средней школы может хорошо построить свои уроки. Для вполне нормальной постановки преподавания не хватает еще специального учебника для средней школы — увлекательной книги по истории средних веков для учащихся.

Значительная часть рецензируемого пособия известна учителям истории по двум учебно-методическим документам. В 1938 году Учпедгиз издал «Методическое пособие по истории для V—VIII классов средней школы» под редакцией А. В. Фохт и С. Д. Сказкина, где наряду с древней историей дается много материала по средней истории. Однако новое пособие отличается от изданного в 1938 году и качеством материала, и широтой охвата разнообразных тем, и методикой изложения.

Книга дает обобщенный материал не только по западному средневековью, но и по истории ряда восточных стран, а также ценные методические указания по программе курса. В рамках методического пособия обстоятельно рассказывается об истории Англии, Франции, Германии, Италии, Испании.

Данное пособие восполнило существенный пробел в учебно-методической литературе по истории средних веков, осветив важнейшие вопросы из истории Индии, Китая, Японии, Монголии и Турецкой империи. Важнейшие темы курса даны в исто-

рической последовательности и освещены с марксистско-ленинских позиций; текст снабжен основными историческими картами и некоторыми другими наглядными пособиями; по отдельным вопросам указаны ценные источники.

Однако книга не лишена и существенных недостатков. Трудно, например, объяснить, почему авторы и редакторы не включили в курс истории средних веков разделы: «Польша в XI—XV веках», «Скандинавские страны в XI—XV веках» и «Венгрия в XI—XV веках», несмотря на то что все эти темы значатся в программе школы. Отсутствие в курсе таких разделов нарушает общую картину исторического процесса в Европе. Кроме того нужно учесть, что на примере Польши учитель должен показать один из особых вариантов политического развития народов Европы — процесс подготовки условий для шляхетской вольницы XVI—XVII веков. На примере Норвегии и Швеции учитель должен показать некоторые особенные черты крестьянских восстаний и значение этих восстаний в социально-политическом развитии этих стран. Как известно, благодаря своей упорной борьбе крестьяне Норвегии, в отличие от крестьян других стран, никогда не были вполне крепостными. Эту особенность норвежской истории отметил Энгельс в следующих словах: «Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это обстоятельство — как и в Кастилии — накладывает свою печать на все развитие. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — настоящий человек по сравнению с жалким немецким мещанином»¹.

Упорная борьба крестьян в Норвегии и Швеции наложила свой отпечаток и на политические порядки этих стран. В XIII веке королевская власть в указанных странах существенно зависела от народных собра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Об искусстве», стр. 201. М. 1933.

ний, где важную роль играли мелкие свободные землевладельцы. Монархические порядки здесь в XIII веке имели ряд черт крестьянской демократии. Жаль, что эти особенности не нашли отражения в рецензируемом пособии.

В рекомендуемом плане первого урока (стр. 13) не вполне исторически трактуется вопрос о рабах. По утверждению автора рабы уже в первый период существования варварских королевств превратились в крепостных. Это не точно.

Если мы можем говорить о рабах эпохи Каролингов и X—XI веков как о производителях, превратившихся в крепостных, то этого нельзя сказать о рабах первого периода варварских королевств.

Формирование основных черт феодального общества и феодальных форм эксплуатации происходит медленно. Этот процесс начинается еще в III—IV веках в Римской империи и в варварском обществе германцев, кельтов и славян. После революции рабов и варварских завоеваний он значительно ускоряется уже в рамках варварских королевств. Как указал Энгельс, ведущей линией социально-экономического развития варварских королевств являлась их эволюция в сторону превращения в феодальные государства. Энгельс указал, что варварская государственность, существовавшая «...в первые столетия образованных германцами после завоевания Римской империи королевств, представляет из себя одну из самых грубых форм общества и совершенно нормально эволюционирует далее в развитую феодальную иерархию, которая является уже значительно более высокой ступенью»¹.

При характеристике завоеваний викингов (стр. 28) не использованы соответствующие места из «Хронологических выписок» Маркса, которые дают яркий материал по существу вопроса и ключ к его пониманию².

Авторы пособия неправильно требуют от учителя, чтобы восстание «Ника» в Константинополе в 532 году трактовалось только «как результат острого недовольства широких народных масс существовавшим тогда строем, как результат поборов государства и злоупотреблений чиновников и обнищания народных масс» (стр. 41). Известно, что в мятеже участвовали сепаратистско-аристократические элементы, которые хотели использовать недовольство народа в своих интересах. Сепаратистская знать, недовольная режимом Юстиниана I, выдвигала даже своего кандидата на пре-

стол в лице Гипатия, племянника бывшего императора Анастасия, опиравшегося на крупную землевладельческую знать³.

Не совсем основательно требование, предъявленное авторами пособия к преподавателю, — не останавливаться на характеристике феодалов — руководителей 1-го крестоносного ополчения. Именно их характеристика может дать наиболее яркий материал о сущности крестовых походов (в частности об устремлениях господствующих классов).

В материале урока по средневековой культуре односторонне характеризуется схоластика (стр. 95). После такого урока у ученика может остаться неисторическое представление о схолистике. Нужно показать, что схоластика являлась продуктом определенного уровня развития человеческой культуры, что только с появлением более прогрессивных идей она стала бесплодной. По замечанию Маркса и Энгельса, «...в теологии хоть изредка требовались хотя бы поверхностные знания...»⁴. Нужно было также отметить, что схоласты XII—XIII веков (Абеляр, Ролжер, Бэкон, Фома Аквинский, Дунс-Скотт и другие) вмешивались в общественные дела, участвовали в борьбе различных течений и т. д. В этом же разделе нужно было указать пособия, где учителя и учащиеся могли бы найти иллюстрации к уроку о средневековой архитектуре⁵.

В уроке, посвященном восстанию крестьян в Англии, ничего не сказано об участии в нем горожан (кроме жителей Лондона). Между тем интересный материал имеется о событиях в Норкэ и Кембридже в книге академика Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» (несколько изданий). Нет в рецензируемой книге данных о восстании в Сент-Албансе.

Слабо и нечетко показан процесс феодализации Византийской империи и значение

³ Участие сепаратистско-аристократических элементов в восстании 532 года в Константинополе отмечается в учебном пособии для высших учебных заведений «История средних веков», т. I, стр. 201—202, в подразделах «Партия цирка» и «Мятеж Ника». Москва, 1938. Более обстоятельно этот вопрос освещается в специальных курсах по истории Византийской империи Успенского, Васильева и других.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс «О религии и борьбе с ней». Т. I, стр. 293. 1933.

⁵ Интересные иллюстрации имеются, например, в «Книге для чтения по истории средних веков» под ред. П. Виноградова, т. II, в статьях, посвященных средневековой архитектуре, в работах Иванова «Средневековый замок», «Средневековый город» и «Средневековый монастырь». Интересные иллюстрации можно найти также в различных энциклопедиях.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 158.

² См. Архив Маркса и Энгельса. Т. V.

славянских завоеваний (стр. 48—49). Авторы и редакторы пособия не учли новых положений, изложенных в ряде статей советских историков по существу этого вопроса («Вестник древней истории» № 4 за 1938 год и № 1 за 1939 год, «Исторический журнал» № 7 за 1939 год). В этих статьях славянским завоеваниям придается в основном такое же значение в истории Византийской империи, какое имели в истории Западной Европы варварские завоевания.

В уроках по Византийской империи ничего не говорится о сложной борьбе в Константинополе при Андронике Комнине. Нужно было использовать указание Маркса по этому вопросу в «Хронологических выписках». Отметив отрицательные стороны деятельности Андроника Комнина, Маркс указывает: «Гнусная свирепость Андроника направлена была главным образом только против высшего классов, он сторонник строгой дисциплины среди чиновников, прекращает бесчинство сборщиков податей, уничтожает продажу должностей и береговое право; производит большие постройки; защищает чернь столицы от жестокого обращения придворных, которых он, как Петр Великий, собственноручно показывает палкой, если они вымогают у престолоудина какою-нибудь услугою бесплатно; заботится также о науках»¹.

Приходится сожалеть, что ценные уроки по истории Индии и других восточных государств слишком сжаты. Учитывая, что преподавателю трудно найти сведения по этим странам, следовало расширить материал о них хотя бы за счет других, более разработанных тем курса.

Значительно выиграл бы урок о гуситских войнах в Чехии, если бы авторы использовали замечание Маркса, которое вскрывает сущность гуситских войн и их результаты. Вот что говорит Маркс: «...гуситские войны, национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора. Попытка потерпела крушение, и с тех пор все время чехи оставались прикованными к колеснице германской империи»². Очень яркие страницы посвящены гуситским войнам в «Хронологических выписках» Маркса³, но они также не использованы в пособии.

Уроки по Сербии и Болгарии очень ограничены и схематичны. Слишком мало ска-

зано о внутреннем строе Сербии. В указателе литературы обойдены основные пособия по существу вопроса на русском языке — книги П о г о д и н а «История Болгарии» и «История Сербии» и Р а н к е «История Сербии». Если учитель критически подойдет к указанным работам, то он найдет в них ценнейшие фактические данные.

В хорошо разработанных уроках по истории Германии XVI века не мешало бы ярче показать эволюцию лютеранства. Выяснив уровень зрелости буржуазии последнего периода средних веков на основе указаний «Краткого курса истории ВМН(б)», авторам нужно было привлечь яркий отрывок из «Хронологических выписок» Маркса, говорящий о том, что Лютер после крестьянской войны стал княжеским холоном⁴.

Существенные недостатки имеют уроки и по истории Тридцатилетней войны. Нужно было, хотя бы кратко, изложить сущность военных реформ Густава Адольфа и преимущества его военной системы над военной системой других стран.

Противоречивой и спорной является данная в учебнике характеристика деятельности Валленштейна. На стр. 274 он характеризуется как политический деятель, намечавший план имперской реформы, цель которой заключалась в укреплении княжеской власти и укреплении империи. Приводятся слова Валленштейна: «Я хочу, чтобы германский император был таким же господином в своих владениях, как король во Франции». В то же время на стр. 275 отмечается, что Валленштейн был честолюбивым авантюристом.

В уроке о результатах Тридцатилетней войны полезно было бы привлечь слова В. М. Молотова о религиозных войнах конца средних веков: «...в свое время религиозные войны против еретиков и иноверцев были в моде. Они, как известно, привели к тяжчайшим для народных масс последствиям, к хозяйственному разорению и к культурному одичанию народов. Ницего другого эти войны и не могли дать...»⁵. На основании этого указания нужно было бы сильнее подчеркнуть разрушительные последствия этой войны для хозяйства и культуры Германии.

При характеристике аграрного законодательства Фридриха II, прусского короля, и императора Иосифа II не использовано ценнейшее указание Энгельса, которое исчер-

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. V, стр. 191. Госполитиздат. 1938.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII. Ч. 2-я, стр. 275.

³ См. Архив Маркса и Энгельса. Т. VI. Гл. «Чехия и гуситская война».

⁴ К. Маркс «Хронологические выписки», тетр. III, стр. 71 (см. журнал «Большевик» № 24 за 1936 год, стр. 46).

⁵ В. М. Молотов «О внешней политике Советского Союза», стр. 5. Госполитиздат. 1939.

пывающе вскрывает смысл их так называемой крестьянской политики и кладет конец всевозможным антинаучным рассуждениям о ней. «Одним словом,— говорит Энгельс,— прославленное просвещенное аграрное законодательство «просвещенного государства» преследовало только одну цель: спасти из феодализма все, что еще можно было спасти»¹.

При характеристике внешней политики Фридриха II авторы ограничиваются грубыми эпитетами по отношению к личности Фридриха и не показывают полководческой и реформаторской его деятельности.

Необходимо сделать замечание и к урокам по истории Польши XVI—XVII веков. Во-первых, нужно было использовать указание Энгельса о польских панах-шляхтичах, которые ничего другого в истории не делали, кроме зазорных влупостей.

Нам кажется, что полезно было бы использовать в пособии следующий отрывок из статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма», характеризующий состояние полного развала Польши в 60-х годах XVIII столетия: «...бывшая в состоянии полного развала Польша, дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян, неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обреченная тем самым стать легкой добычей своих соседей. С начала восемнадцатого столетия, по словам самих поляков, Польша держалась порядком (*Polska nierzedem stoi*); ино-

странные войска непрестанно оккупировали всю страну или проходили через нее; она служила им постоянным двором и харчевней»².

Нам кажется не совсем удачным объединение в одном уроке (64) двух совершенно различных тем: «Турция и Швеция в XVI—XVIII вв.».

При характеристике Карла XII как талантливое полководца (стр. 308) нужно было учесть мнение историков военного искусства и о слабых сторонах его деятельности³. Карл XII проявил отсутствие дальновидности в своем отношении к России. Недооценив силы созидательной работы Петра I, Карл XII потерпел полный крах в столкновении с русской армией под Полтавой. До этого он потратил бесцельно много времени и сил, гоняясь по всей Польше за своим противником Августом II. Исходя из своего взгляда на Карла XII, автор неправильно определяет крах его политики по отношению к России лишь истощением и расстройством средств Швеции: главной причиной провала его завоевательных планов был героический отпор русского народа.

Отмеченные недостатки не умаляют достоинств книги в целом: они только показывают, что нашим историкам и методистам необходимо систематически бороться за дальнейшее улучшение качества учебно-методических пособий.

И. ИВАШИН

Н. Я. МАРР. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря. XII + 276 стр. Изд. Академии наук СССР. М. и Л. 1940.

Существуют книги, предназначенные для сравнительно небольшого круга специалистов, но которые, однако, в истории науки имеют столь существенное значение, что о них необходимо знать и широкому кругу читателей. К числу такого рода книг относится недавно вышедший в свет труд крупнейшего советского ученого Н. Я. Марра — «Описание грузинских летописей Синайского монастыря».

В незаконченном предисловии к этой книге, написанном Н. Я. Марром за девять месяцев до его смерти, последовавшей в 1934 году, читаем: «Настоящий труд — чисто описательный — представляет интерес фактами языкового порядка. Местами даны более или менее пространные извле-

чения из вызданных древних памятников, сохранившихся в рукописях особой монастырской среды». Так скромно характеризует автор свой капитальный труд.

«Как получилось настоящее описание рукописей? О том можно осведомиться из «Предварительного отчета о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с Нв. Ал. Джаваховым⁴, и в Иерусалиме в поездку 1902 года (апрель—ноябрь)», — говорит Н. Я. Марр в том же предисловии. Названный отчет, в сущности, представляет собою научное исследование, в котором сообщается о задачах экспедиции, об условиях ее работы и, наконец, о ее

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10.

³ См., например, Дельбрюк «История военного искусства в рамках политической истории», Т. IV, стр. 299, 1938.

⁴ Ученик Н. Я. Марра, ныне академик, И. А. Джавахишвили — известный грузинский историк.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 246.

научных результатах. Отчет был читан Н. Я. Марром 23 февраля 1903 года в Восточном отделении Русского археологического общества и в том же году напечатан в «Сообщениях Русского Палестинского общества».

Посещение Афона и поездка на Синай и в Иерусалим были связаны с теми научными изысканиями, которыми Н. Я. Марр увлекся, еще будучи студентом Петербургского университета в 80-х годах. Эти изыскания все более расширялись и усложнялись после того, как Н. Я. Марр стал преподавателем восточного факультета Петербургского университета. Еще студентом Марр занялся проблемой связей языков Грузии с семитическими языками. В науке это было совершенно новым делом. Затем Н. Я. Марр стал заниматься изучением связей грузинского языка с армянским. И такого рода исследования шли вразрез с общепринятыми научными воззрениями: тогдашняя лингвистика относила армянский язык к индоевропейской, а грузинский — к так называемой кавказской группе, а господствовавшая в языковедении «индоевропейская школа» строго отграничивала языки различных групп друг от друга. В то же время Н. Я. Марр изучал археологию, историю и литературу средневековой Грузии и Армении. Его интересовали пути проникновения христианской культуры в Армению и Грузию. Исходя из многосторонне изученных им фактов, Марр устанавливал культурно-исторические и языковые связи армянского и грузинского языков друг с другом и с древними культурами Востока. В этой сложной работе Н. Я. Марру приходилось встречать сопротивление и среди своих коллег, ученых-востоковедов, и в националистических кругах армянской и грузинской интеллигенции. Однако смелый ученый ломал устаревшие научные догмы и мужественно боролся против национальной ограниченности армянских и грузинских ученых. Для борьбы за передовые научные теории ему прежде всего были нужны факты. Поиски фактов и заставили его направиться в монастыри Афона, Синай и Иерусалима.

Путешествие на Афон дало существенные результаты, которые окончательно подтверждали ранее высказанные Н. Я. Марром выводы о связи ранней грузинской письменности с армянской. По словам советского ученого, известного литературоведа проф. К. С. Кекелидзе, «...в Грузии данной эпохи мы наблюдаем тщательное искание культурной ориентации. В течение первых двух веков (5—7), которые могут быть названы «подготовительными», здесь господствует «восточная» — сирийско-армянско-персидская христианско-культурная

ориентация. Это объясняется тем, что христианство проникло в Грузию из Палестины, проходя через названные страны»¹.

Результатами, полученными от работы в Афонском Иверском монастыре, Марр не удовлетворился: он решил продолжать свои изыскания и изучить на Синае и в Иерусалиме тамошние армянские и грузинские рукописи.

Путешествие на Синай было делом нелегким. Н. Я. Марру пришлось испытать ряд больших неудобств: зной пустыни, езду на верблюдах и т. п. В связи с «замправшей чумой и возраставшей холерой» Марру пришлось выдержать карантин в Александрии, причем его больше всего беспокоило то, что дезинфекция могла испортить рукописи и фотопластинки. Чтобы попасть из Александрии в Иерусалим, ему пришлось затратить целый месяц, а на все путешествие — около трех месяцев. Трудности эти, однако, не остановили Н. Я. Марра. Он упорно и весьма продуктивно поработал в грузинском монастыре на Синае и затем в монастырях Иерусалима. Рукописные материалы, извлеченные им из монастырских хранилищ, дали Н. Я. Марру возможность в дальнейшем выпустить в свет десятки исследований по вопросам истории, языковедения, литературы и т. д.

Сложная политическая обстановка в Закавказье нередко заставляла деятелей средневековой Грузии искать более спокойные и удобные места для ученых занятий. Таким образом были созданы очаги грузинской культуры вне Грузии. «Громадную роль в деле развития образованности и литературы играли заграничные грузинские обители, — пишет проф. К. С. Кекелидзе, — которые являлись не столько культурными учреждениями, сколько просветительскими. Таковы «Афоно-Иверская, Черногогорская (в Сирии), Крестная (в Палестине) и Петрицонийская (на Балканах); при последней создана была на византийский манер семинария, в которой преподавание велось исключительно на грузинском языке»². Таким образом, в этих культурных очагах в течение веков накапливались памятники творчества грузинского народа.

В Синайском монастыре Н. Я. Марр изучал те рукописи на грузинском языке, которые представляли для него интерес в связи с его научными исследованиями. Ему пришлось произвести их описание, так как составленный до него профессором Цагарели

¹ Проф. К. С. Кекелидзе «Итоговый курс истории древнегрузинской литературы», стр. 8. Тбилиси, 1939. (На русском языке.)

² Там же.

каталог рукописей оказался во всех отношениях неудовлетворительным. Огромная эрудиция тогда еще молодого Н. Я. Марра позволила ему осуществить эту работу в сравнительно небольшой срок. Н. Я. Марр уже в то время превосходно знал не только древнегрузинский, но и арабский, сирийский, армянский и многие другие языки Востока.

Работа, проделанная Марром в Синайском монастыре, имеет огромное значение для изучения культуры всего Ближнего Востока. В частности Марр сравнил многие грузинские переводные тексты с арабскими, сирийскими, греческими, армянскими и другими текстами. В процессе изучения рукописей он дал научную характеристику наиболее ценных памятников литературы грузинского народа. В результате этого труда было создано «Описание грузинских рукописей Синайского монастыря».

Каждый описанный Марром памятник получил в этой книге внешнюю и внутреннюю характеристику. В книге подробно описаны материалы, из которых сделаны рукописи, переплеты, украшения на них, размеры, число строк на каждой странице, характер письма, орфография, украшения в тексте, общее состояние рукописей, повреждения и т. д. Эти характеристики дают вполне ясное представление о высоком качестве книжной культуры Грузии на протяжении веков. Они свидетельствуют о кропотливой, вдумчивой работе многочисленных скромных творцов замечательных рукописей. Имена этих людей приведены в ряде характеристик Н. Я. Марром.

О содержании всех описанных в книге рукописей дают представление обширные выписки из них; Н. Я. Марр приводит не только выписки из основных текстов, но и записки и приписки, сделанные рукою писца. Приведенные в «Описании» отрывки из рукописей характеризуют содержание памятников, их язык, стиль и т. п. Записки писцов и переписчиков дают ценнейший материал о культурно-просветительной деятельности грузинских средневековых писателей, ученых и других создателей грузинской культуры.

Описанные Н. Я. Марром рукописи обнимают разнообразные виды средневековой грузинской литературы. Тут имеются и обычные памятники церковной письменности: псалтырь, часослов, евангельские чтения и т. п. Встречаются весьма распространенные в средние века книги для чтения: жития, миnen и т. д. Все эти памятники дают ясное представление об интересах читателей в то время, о кипучей деятельности средневековых грузинских писа-

телей, о развитии мастерства перевода, о существовавших тогда грамматических школах и вообще о разнообразных сторонах умственной жизни грузинского народа. Общую оценку значения всего этого материала Н. Я. Марр дал в своем «Отчете»: «Итак, мы поехали на Синай и в Иерусалим за сырыми материалами, чтобы разрешить некоторые свои сомнения. Но материалов, материалов захватывающего интереса, оказалось такое обилие, что они подчинили нас себе и в свою очередь сами поставили перед нами ряд новых животрепещущих вопросов по истории христианства в древней Грузии и Армении и по культурному взаимодействию названных соседок не только между собою, но также с прочими народами Передней Азии, преимущественно христианами»¹.

Изучение грузинских рукописей, а также рукописей на армянском, арабском, сирийском и других языках на Синае и в Иерусалиме дало возможность Н. Я. Марру окончательно обосновать научные выводы о связях грузинского языка с семитическими, с одной стороны, и с армянским — с другой. Это было научное достижение огромной важности. Был завершён первый этап в развитии созданной Марром яфетической теории. Вместе с тем изыскания на Синае и в Иерусалиме подтвердили сделанные Марром после поездки на Афон выводы о тесных связях грузинской и армянской культуры и, в частности, литературы в первые века развития христианской культуры в Армении и Грузии. Об этом Н. Я. Марр писал в своем «Отчете» следующее: «Древнейший период христианской письменности в Армении и Грузии характеризуется общностью церковно-литературных преданий армянских и грузинских. Основная черта этих общих преданий та, что они идут из сирийского первоисточника, обыкновенно *via armeniaca* (через Армению.—Н. К.). Тесное общение грузин и армян в самом начале их литературной деятельности на пользу местного христианства является фактом громадной важности, но значение его пока недостаточно оценивается, нет желания ясно представить себе, какое незаменимое орудие он может представить в руках исследователя истории древнейшей христианской культуры в Армении и Грузии — истории, похороненной в позднейших националистических легендах. Этот факт — дело новое, далеко не вполне еще выясненное. И каждое новое явление, новая подробность к его утверждению пред-

¹ Н. Я. Марр «Предварительный отчет о работе на Синае». «Сообщения Палестинского Русского общества» № 1. Ч. 2-я, стр. 51. СПб. 1903.

ставляются нам ценным приобретением»¹. Важно отметить, что еще в 1903 году будущий замечательный советский ученый говорил о «националистических легендах», против которых он начал борьбу еще в 90-х годах XIX века. Он исходил как честный ученый из фактов и из искреннего уважения и любви к родному грузинскому народу и к древнейшему соседу Грузии — армянскому народу. После Октябрьской социалистической революции Н. Я. Марр, вооруженный учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, продолжал борьбу против буржуазного национализма в науке.

«Описание грузинских рукописей Синай-

ского монастыря» — книга ценная не только для специалистов: это труд, свидетельствующий о напряженной, преодолевавшей всякие препятствия работе молодого ученого, ставшего впоследствии одним из виднейших строителей науки в нашем социалистическом отечестве. Борясь против изолированного изучения истории братских народов Грузии и Армении, против националистических толкований вопросов культуры этих народов, Н. Я. Марр боролся тем самым за передовые идеи в науке. Эта борьба сделала его в наши дни большевистским-ученым.

К. К—Н

П. ПАЦЕНКО. Военно-Морской Флот СССР. Госполитиздат. 1940. 60 стр. Цена 65 коп.

В этой небольшой книжке рассказывается об истории русского военно-морского флота, о его эволюции от первых парусных судов до оснащенных самой передовой в мире техникой советских линкоров, крейсеров, эсминцев, подводных лодок, торпедных катеров.

Русские моряки всегда отличались боевой доблестью и отвагой. Из 24 крупных морских сражений (со шведами, датчанами, англичанами, французами, немцами, итальянцами, турками, персами, японцами и др.), прошедших до Октябрьской социалистической революции, русский флот выиграл 21. Несмотря на техническую отсталость русского флота, объясняющуюся экономической отсталостью страны, несмотря на явные качественные и количественные преимущества кораблей противника, мужество, героизм, военно-морское искусство русских моряков побеждали.

В главе «Из истории русского военно-морского флота» приводится целый ряд фактов, свидетельствующих об этих победах. Одна из них была одержана русским флотом в 1714 году в битве при Гангуте (Ганге), когда вся шведская эскадра во главе с ее командующим контр-адмиралом Эреншельдом была захвачена в плен. Победа над могущественным шведским флотом закрепляла за Россией все побережье Финляндии. «Петр овладел всем, что было абсолютно необходимо для развития его страны» (Маркс «Секретная дипломатия XVIII века»).

С 1725 года начался период временного упадка русского флота. После смерти

Петра в адмиралтейской коллегии засели Шереметевы, Голицыны и подобные им бездарные, ничего не смыслившие в военно-морском деле придворные карьеристы. Деньги, ассигнованные на строительство военно-морского флота, разворовывались.

Лучшие люди флота не дали ему погибнуть, и во второй половине XVIII века он начал восстанавливать свое былое могущество. Паценко описывает знаменитое Хиосское сражение с турками и Чесменскую битву, сделавшую русских хозяевами в Архипелаге.

В 1853 году началась война России против соединенных сил Англии, Франции и Турции. В начале войны русский флот одержал крупнейшую победу при Синопе, разгромив и потопив турецкий флот. «После Синопского боя бездарность правящей клики, нежелание высшего военного командования дать бой в море вынудили моряков Черноморского флота потопить свои корабли у входа в Севастопольскую бухту. Сами моряки вышли на берег, чтобы сражаться с неприятелем на бастионах» (стр. 14).

Русские матросы, солдаты и рабочие — строители бастионов, — руководимые талантливыми русскими патриотами Пашковым, Корниловым, Тотлебенем, показали в этом неравном бою против объединенных гражданских сил исключительный героизм, изумлявший даже врагов России.

Поражение в войне 1853—1856 годов заставило русское самодержавие начать строительство паровых кораблей: броненосцев, миноносцев, а затем и миноных катеров. Идею миноного катера выдвинул талантливый адмирал Макаров, погибший впоследствии в русско-японской войне.

Автор брошюры указывает, что именно русский флот явился колыбелью миноносца, торпедного катера и миноного заграж-

¹ Н. Я. Марр «Предварительный отчет о работе на Синае». «Сообщения Палестинского русского общества» № 1. Ч. 2-я, стр. 12.

дения, блестяще применявшихся впоследствии во многих операциях (стр. 15).

Храбрые и талантливые русские моряки действовали вопреки бездарному и пролажному командованию, показывая образцы патриотизма и отваги в самых опасных, смертельных схватках с врагом.

«26 февраля 1904 г. два миноносца порт-артурской эскадры «Решительный» и «Стерегущий» вышли в море для выполнения боевого задания. В море с ними встретились четыре японских миноносца и два крейсера. Завязалась бой. Один из снарядов попал в миноносец «Стерегущий», перебил паропровод и лишил его хода. Не имея возможности уходить, корабль начал отбиваться от превосходящего противника. Семь снарядов попало в один японский миноносец, двадцать семь в другой, но силы были неравные. «Стерегущий», пробитый снарядами, продолжал бой один с шестью вражескими кораблями. Большая часть команды была убита. На смену убитым командирам вышли машинисты и продолжали вести огонь по японским кораблям. Вся верхняя палуба миноносца была разрушена. Осталась неповрежденной только одна пушка, упорно продолжавшая отбиваться от врага. Японцы пытались взять миноносец на буксир, чтобы привести его к себе как пленного. Тогда два матроса, оставшиеся в живых, спустились вниз, открыли кингстоны потопления, и корабль пошел ко дну, не спуская флага» (стр. 16—17).

Вызывают восхищение действия капитана 2-го ранга Ф. Иванова, командира минного заградителя «Амур», поставившего мины на путях следования японских кораблей, намеревавшихся обстрелять Порт-Артур из орудий. 15 мая 1904 года из этих мин подорвались 2 японских броненосца. Крейсер, 2 миноносца и другие корабли этого же отряда затонули или вышли из строя, спасаясь от русских мин.

Так же блестяще проявили себя русские минеры в первой мировой империалистической войне. За одну ночь 10 ноября 1916 года на русских минах взорвалось 7 лучших германских миноносцев. Один из германских подводников писал в своих воспоминаниях:

«В начале войны лишь одна мина представляла опасность — мина русская. Ни один из командиров не шел охотно в Финский залив. Каждый из нас старался избегать «русских дел». «Много врагов — много чести» — отличное изречение, но вблизи русских с их минами честь была слишком велика» (стр. 19).

Русские моряки, самоотверженно сражаясь за родину, жили в обстановке беспартия, угнетения и произвола. В Кронштадте и Севастополе в некоторых обще-

ственных местах висели объявления: «С собаками и матросам вход воспрещен».

Еще задолго до первой русской революции в военно-морском флоте России возникло революционное движение. Ленинские идеи нашли отклик в сердцах моряков, во флоте стали создаваться подпольные социал-демократические группы. Большевикская «Искра» проникла даже в Морской корпус, в котором обучались будущие офицеры флота.

Революционное движение невозможно было остановить репрессиями. Героические моряки готовились к решительным боям против царского самодержавия.

В главе «Флот в революцию 1905 года, в Октябре и гражданской войне» дается очерк революционной борьбы моряков, роста их политического сознания. Восстание на броненосце «Потемкин» в 1905 году было одним из выдающихся событий революционного движения во флоте. Царское правительство было настолько напугано этим восстанием, что обратилось за помощью к Турции. В. И. Ленин писал об этом: «Верхом этого позора было обращение к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи против восставших матросов! Вот когда сказались, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем всякие «турки внешние» (Ленин, Т. VII, стр. 388). Восстание на броненосце «Потемкин», который «остается непобежденной территорией революции» (там же, стр. 380), явилось первым массовым революционным выступлением в рядах армии и флота.

Осенью 1905 года поднялось восстание в Черноморском флоте. Во главе восстания стал лейтенант Шмидт с крейсера «Очаков». Против восставших были брошены крупные воинские силы, были открыты военные действия с кораблей и береговых батарей. Восстание было жестоко подавлено, но царизму не удалось сломить революционный дух русских моряков. Революционные выступления во флоте продолжались несмотря на то, что сотни моряков-революционеров были расстреляны, повешены, сосланы на каторгу.

Описывая события 1917 года, автор приводит сталинскую оценку действий моряков во время Великой пролетарской революции: «Выдающуюся роль в Октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны» (И. Сталин «Об Октябрьской революции», стр. 20. Партиздат. 1932). Знаменитый крейсер «Аврора» громом своих пушек возвестил начало новой эры — эры Великой социалистической революции.

Величайшую роль в деле организации революционного флота сыграли Ленин и Сталин, совместно борющиеся за возрождение и рост могущества военно-морских сил советского государства.

31 августа 1918 года товарищ Сталин пишет Ленину с южного фронта: «Дорогой товарищ Ленин! Идет борьба за юг и Каспий. Для оставления за собою всего этого района (а его можно оставить за собой!) необходимо иметь несколько миноносцев легкого типа и штук две подводных лодок. Умоляю Вас разбить все преграды и тем облегчить — двинуть вперед дело немаленного получения требуемого. Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования. Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь, что пойдут еще лучше (казачество разлагается окончательно). Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу. Ваш Сталин» («Большевик» № 2 за 1938 год, стр. 70).

Ильич направил это письмо (зачеркнув только слова, относящиеся лично к нему) в качестве директивы в штаб фронта.

В 1919 году враги подняли мятеж на форту «Красная Горка», вблизи Петрограда. По поручению Центрального Комитета партии Сталин прибыл в Петроград. Под его руководством мятеж был разгромлен в течение двух дней. Творец новой военной науки, Сталин писал Владимиру Ильичу Ленину: «Морские специалисты

уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объявляется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все благоговение перед наукой» (К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 20. Воениздат, 1937).

В главе «Восстановление и рост флота» автор приводит данные о строительстве могущественного океанского и морского флотов Советской страны, рассказывает о великодушных боевых качествах наших кораблей, о высоком искусстве и пламенном патриотизме героев советского Военно-Морского Флота.

Последний раздел брошюры — «Военно-Морской Флот — надежный страж морских границ СССР» — сообщает интересные данные о борьбе Краснознаменного Балтийского и Северного военных флотов против финской белогвардейщины.

При недостатке массовой литературы по истории Военно-Морского Флота СССР брошюра П. Пашенко принесет пользу всем желающим ознакомиться с основными событиями этой истории.

И. ИЗМАИЛОВ

Воспоминания о Марксе (составил М. С. Зоркий). М. «Молодая гвардия». 1940. 208 стр. и 33 вкл. л. пл. В перепл.— 30 руб. 8000 экз.

Книга является сборником очерков и воспоминаний современников Карла Маркса. Часть этих очерков появляется на русском языке впервые.

В первом разделе книги даны воспоминания соратников Маркса: Поля Лафарга, Вильгельма Либкнехта, Фридриха Лесснера, дочери Маркса Элеоноры Маркс-Эвелинг, Фридриха Аюльфа Зорге и Августа Бебеля. Во втором разделе книги помещены воспоминания о Марксе людей другого лагеря: русского либерала 40-х годов П. Анненкова, немецкого буржуазного демократа Карла Шурца, испанского анархиста Ансельмо Лоренсо, историка и правоведа М. Ковалевского и народовольца Н. Морозова. В третьем разделе книги собраны письма, заметки и речи Фридриха Энгельса по поводу смерти Карла Маркса.

В самом начале книги, помимо предисловия составителя, помещены известная статья **В. И. Ленина** «Карл Маркс» и отрывок из беседы товарища **Сталина** с первой американской рабочей делегацией. В конце книги даны важнейшие даты жизни и деятельности Маркса (1818—1883), алфавитный указатель имен, встречающихся в сборнике, а также комментарии.

БОГУСЕВИЧ В. А. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладogi, Порхова и Копорья. Новгород. Изд. Академии наук СССР. 1940. 48 стр. с илл. и план. 3 р. 50 к. 3000 экз. (Новгородская секция Института истории Академии наук СССР).

В книге говорится о Новгородском кремле и 9 сохранившихся башнях его, о новгородских укреплениях XII—XIII веков наружного оборонительного пояса, о Староладожской, Порховской и Копорской крепостях. Автор рассказывает о времени постройки отдельных сооружений, их первоначальном и нынешнем виде, о том, какую роль играли отдельные сооружения в военной истории Новгорода.

ПАНОВ В. А. Петр I как полководец. М. Воениздат. 1940. 128 стр., с портр. и схем. и 4 вкл. л. схем. В перепл.— 1 р. 75 к.

Книга представляет собой научно-популярный очерк деятельности Петра I как организатора новой, регулярной русской армии, создателя русского военно-морского

флота и крупнейшего полководца начала XVIII века. На ряде конкретных примеров, анализируя азовские походы Петра 1695—1696 годов, основные этапы Великой Северной войны 1700—1721 годов со шведами и, наконец, персидскую кампанию 1722—1723 годов, автор показывает громадные полководческие способности Петра I и превращение под его руководством русской армии в лучшую армию Европы.

СЕРГЕЕВ М. А. Оборона Петропавловска на Камчатке. М. и Л. Воениздат. 1940. 74 стр. с илл. и схем. 50 коп.

Книга посвящена одному из малоизвестных эпизодов войны 1853—1856 годов—героической обороне Петропавловска на Камчатке от англо-французской эскадры. В начале книги даны краткая история заселения русскими Дальнего Востока и характеристика состояния Дальнего Востока и Камчатки накануне крымской войны. Затем последовательно описывается подготовка Петропавловска к обороне, появление англо-французской эскадры и попытка десанта, разгром неприятеля в бою 20—25 августа 1854 года, нежелательная эвакуация Петропавловска по распоряжению из центра, грабительские действия англо-французов в районе Камчатки в 1855 году и т. д.

ЛИНКОВ Я. И. Крестьянское движение в России во время крымской войны 1853—1856 годов. М. Изд. Московского гос. университета. 1940. 112 стр. 6 руб. 1000 экз.

В книге описывается относительно мало освещенный период «революции крепостных крестьян».

В вводной части своего труда автор дает обзор литературы вопроса и источников и затем характеризует экономику России перед войной 1853—1856 годов. В следующих главах последовательно излагается крестьянское движение накануне войны, крестьянское движение в связи с призывом в морское ополчение в 1854 году, крестьянское движение в 1855 году, в связи с формированием государственного полкового ополчения, и, наконец, крестьянское движение в 1856 году, на исходе войны и после заключения парижского мира.

В заключение дана общая оценка крестьянского движения этих лет, подготовившего так называемую эпоху реформ и падение крепостного права.

В конце книги указаны источники.

КОКИЕВ Г., проф. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Город Орджоникидзе.

Госиздат Северо-Осетинской АССР. 1940. 224 стр. со схемой. В перепл.— 6 р. 50 к. 4100 экз. (Североосетинский научно-исследовательский институт).

Научное исследование, основанное главным образом на архивных документах. Автор освещает классовую структуру осетинского общества накануне реформы, основные этапы развития осетинского феодализма, предпосылки крестьянской реформы в Осетии, учреждения, созданные царизмом для проведения реформы в Осетии, содержание «Положения» об «освобождении» крестьян в Осетии, экономику осетинской деревни в пореформенный период и значение реформ для дальнейшего социально-экономического развития Осетии. В конце книги даны документы из истории реформы и библиография вопроса.

ЛЕВАШЕВ В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях. Город Куйбышев. Облигдат. 1940. 72 стр. В перепл.— 1 р. 40 к. 5000 экз.

Научно-популярный очерк для массового читателя. Описывает дореформенное положение крестьянства, подготовку реформы царским правительством, грабительскую сущность реформы и послереформенные волнения обманутого в своих ожиданиях крестьянства. Основной материал книги относится к бывшей Самарской губернии.

ВОЛГИН В. П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 192 стр. 8 руб. 3000 экз. (Институт истории Академии наук СССР).

Книга состоит из восьми глав: I. Идеализация буржуазных порядков (взгляды физиократов и в первую очередь Ф. Кенэ (1694—1774) и Тюрго (1727—1781)¹. II. Теория мелкобуржуазного равенства Руссо (1712—1778). III. Критика экономического либерализма физиократов (работы Неккера (1732—1804) и Ленге (1736—1794). IV. Коммунистические идеи и кооперативные проекты (взгляды Морелли и аббата Мабли (1709—1785), с одной стороны, и Ретиф де ля Бретонна (1734—1806) и Буассея (1728—1807) — с другой). V. Политические традиции и «просвещенный абсолютизм» (в работах тех же физиократов). VI. Теория ограниченной монархии (Монтескье (1689—1755)). VII. Демократическая теория (Руссо и Мабли). VIII. Буржуазный радикализм накануне революции (Бондорсе (1743—1794) и аббат Сийес (1748—1836).

В каждой главе дается сжатое критическое изложение соответствующих теорий со

значительными выдержками из первоисточников. Подробный список источников дан в конце книги.

МАГОМЕДОВ Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 году. Махач-Кала. Дагестанское государственное изд-во. 1940. 80 стр. В перепл.— 4 руб. 2000 экз. (Дагестанский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы при СНК ДАССР).

В книге дается характеристика хищнически-колониальной политики царской России в Дагестане после завоевания Кавказа, описывается борьба дагестанских горцев за свое освобождение со времени пленения Шамиля (25 августа 1859 года) по 1877 год, год восстания 1877 года, излагаются программа и тактика восстания, причины поражения восстания и его значение. В конце книги указаны источники.

МАЛИЙ И. М. Историко-революционные памятники Новгорода. Новгород. 1940. 60 стр. с илл. 3 р. 50 к. 3000 экз. (Новгородская секция Института истории Академии наук СССР и Управление новгородских государственных музеев).

В книге описаны 18 историко-революционных памятников Новгорода — отдельные здания, дома, места митингов, связанные с революционным движением в Новгороде 1896—1914 годов и Великой Октябрьской социалистической революцией. Полутно изложены основные революционные события. Начинается книга с описания работы подпольной типографии новгородского кружка «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1896—1897 годах (в здании Исторического музея) и кончается описанием кремлевского кладбища — места похорон участников и жертв пражанской войны.

Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. 1918—1919. Сборник. Симферополь. Госиздат Крымской АССР. 1940. 174 стр. с илл. и 2 вкл. л. портр. В перепл.— 5 руб. 5000 экз.

Сборник состоит из трех частей. В первой части даны высказывания Ленина и Сталина о значении англо-французской интервенции в Крыму (два отрывка из речей Ленина и две статьи Сталина). Вторая часть книги содержит связанный очерк англо-французской интервенции в Крыму, составленный Б. Вольфсоном, начиная с появления первых англо-французских кораблей на Севастопольском рейде (23 ноября 1918 года) и кончая бегством интервентов в апреле 1919 года. В частности автор подробно описывает борьбу партизанских отрядов против интервентов и белогвардейского краевого правительства в

¹ Подзаголовки введены аннотатором.

районах Евпатории, Керчи и Севастополя, а также зверства интервентов и белогвардейцев-деникинцев.

В третьей части книги даны документы, характеризующие интервенцию и борьбу с ней.

МАРТИ АНДРЕ. Восстание на Черном море. Перевод Э. Шлосберга под ред. Б. Лавренева. М. и Л. Военмориздат. 1940. 391 стр. В перепл.—8 р. 20 к.

Воспоминания выдающегося деятеля французской компартии, относящиеся к англо-французской интервенции 1918—1919 года на побережье Черного моря (Одесса и Севастополь). Полный перевод с последнего французского издания книги, в котором два прежних тома воспоминаний Марти сведены в один.

Андре Марти талантливо описывает начало интервенции в конце ноября 1918 года, трехмесячное господство (январь — март 1919 года) интервентов в Одессе, восстание французской эскадры (19—25 апреля 1919 года) в Севастополе, спешное бегство интервентов из Крыма и суд над революционными матросами в империалистической Франции.

Автор показывает руководящую роль большевистского подполья в борьбе с интервентами.

Помимо своих личных воспоминаний А. Марти использовал в книге воспоминания, письма и другие документы бывших моряков французского флота и бывших французских солдат Дунайской армии.

ФЕДОРОВ А. М., полковой комиссар. Орловско-Кромская операция (1919 г.). М. Воениздат. 1940. 64 стр. с картой. 60 коп.

Общая обстановка на фронтах гражданской войны в октябре 1919 года, мероприятия партии по укреплению южного фронта, назначение товарища Сталина на южный фронт, план товарища Сталина по разгрому Деникина, обстановка на южном фронте к 9 октября 1919 года и планы сторон, характеристика Орловско-Кромского района и подробное описание боев в этом районе в период с 10 октября по 17 ноября 1919 года, закончившихся ликвидацией последней попытки Деникина прорваться к Москве, изгнанием белых из Орла и полным разгромом отборного 1-го мехотряда корпуса генерала Кутепова — таков круг событий и вопросов, освещенных в этой книге. Предназначенная для начальствующего состава РККА, книга с интересом прочтется и подготовленным гражданским читателем.

ШИЛОВСКИЙ Е., командир. Контрнаступление Красной Армии в Белоруссии

(14 мая—8 июня 1920 года). М. Воениздат. 1940. 176 стр. со схем. и 2 вкл. л. схем. В перепл.—3 руб.

Используя богатые архивные материалы, советские и польские литературные источники, а также личные воспоминания, автор излагает организацию и проведение майской операции западного фронта в 1920 году, явившейся ответом на наступление поляков на Украину. «Одним из основных вопросов настоящей работы, которому автор уделяет большое внимание, является взаимодействие наземных и воздушных сил в наступательной операции».

Книга с интересом прочтется гражданским читателем, ориентированным в военном деле, хотя и предназначена для начальствующего состава РККА.

БОРИСОВ С. Борьба за Советский Дальний Восток. М. Воениздат. 1940. 80 стр. с картой. 1 руб.

Книга знакомит читателя с японской интервенцией на Дальнем Востоке в 1918—1922 годах, с партизанской борьбой против интервентов и активизированных ими белогвардейских отрядов и с ходом борьбы регулярных частей Красной Армии за освобождение Советского Дальнего Востока. Автор описывает славные волюнтерские дни (10—12 февраля 1922 года), взятие Спасска (8—9 октября 1922 года) и занятие Красной Армией Владивостока (25 октября 1922 года).

БАРСУКОВ Евг. Русская артиллерия в мировую войну. Т. II. М. Воениздат. 1940. 464 стр. с илл. и схем. и 12 вкл. л. схем. В перепл.—9 руб.

Автор, старый артиллерист, привлекает к своей работе, помимо личных воспоминаний, большой архивный и печатный материал. В I томе работы, вышедшем в свет в 1938 году, были охарактеризованы состояние русской артиллерии к началу мировой империалистической войны 1914—1918 годов, организация и вооружение русской артиллерии во время войны. Во II томе рассказывается об эволюции русской артиллерии, о подготовке артиллеристов и о боевых действиях русской артиллерии в наиболее крупных боевых операциях 1914—1917 годов.

БОЛТИН Е. и ВЕБЕР Ю. Очерки мировой войны 1914—1918 годов. М. Воениздат. 1940. 146 стр. со схем. В перепл.—3 р. 25 к.

Книжка имеет своей целью дать массовому читателю в доступном и ясном изложении представление о причинах, главнейших событиях и результатах войны 1914—1918 годов, показать характер гигантских сражений многомиллионных ар-

мий на сдохнутом театре войны, рассказать об эволюции военного искусства в течение 1914—1918 годов, о прагматическом версальском мире и его последствиях, об отношении Ленина и большевиков к империалистической войне и о революционном выходе советского народа под руководством Ленина из несправедливой войны.

СОРОКИН А. И. Оборона и падение Порт-Артура. Исторический очерк. М. и Л. Военмориздат. 1940. 100 стр. с илл. схем. и карт. В перепл.—1 р. 20 к.

В книге последовательно описываются нападение японцев на русский флот, стоявший на рейде Порт-Артура, 9 февраля 1904 года; окружение Порт-Артура с суши; морская бой 10 августа 1904 года в Желтом море; августовский штурм Порт-Артура и последующая тесная осада крепости; бой 27 ноября — 5 декабря 1904 года за Высокую гору; смерть отважного защитника крепости генерала Кондратенко (15 декабря 1904 года), гибель последнего броненосца «Севастополь» и, наконец, падение крепости после 8-месячной осады. Последняя глава книги рассказывает о предательском поведении стоявших во главе крепости царских генералов, по вине которых пал Порт-Артур, геройски защищавшийся русскими солдатами и матросами.

Книга предназначена для массового читателя.

ГАМИЛЬТОН Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны 1904—1905 годов. Перевод с английского. М. Воениздат. 1940. 271 стр. со схем. и 3 вкл. л. схем. В перепл.—6 руб.

Автор—генерал английской службы, бывший главным представителем английской армии с мая 1904 года по февраль 1905 года при 1-й японской армии. В своей книге он описывает военные действия японцев, которые ему пришлось наблюдать лично или о которых он успел собрать сведения от офицеров штаба армии и своих помощников.

Атлас по истории культуры и искусства древнего Востока. ГУУЗ Комитета по делам искусств при СНК СССР допущено в качестве учебного пособия для учащихся художественных учебных заведений. М. и Л. «Искусство». 1940. 116 стр. с илл. В перепл.—17 руб. 3000 экз. (Государственный Эрмитаж).

В атласе даны 104 таблицы с краткими комментариями к каждой таблице, помещенными в конце книги. Таблицы распределены по шести отделам: I. Древний Египет. II. Южное Двуречье и Элам. III. Хетты, Сиро-Финикия и Палестина. IV. Ассирия. V. Урарту. VI. Ахеменидский Иран.

Многие из фотографий и памятник альбому опубликованы впервые.

Альбом составлен сотрудниками Гос. Эрмитажа П. М. Лурье, П. Д. Флеттнер, Б. Б. Писотровским и А. Я. Борисовым.

МАТЬЕ М. Э. Мифы древнего Египта. Л. Изд. Гос. Эрмитажа. 1940. 115 стр. с илл. 7 р. 50 к. 5000 экз.

Как писал Марке, мифы — это «природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией» (Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 203).

В вводящей части книги М. Э. Матье выясняется значение древнеегипетских мифов для истории древнего Египта, с одной стороны, и для сравнительного изучения развития религиозных представлений — с другой (в частности для изучения развития христианства). Затем автор дает критические сведения о трех важнейших и наиболее сохранившихся циклах древнеегипетских мифов (сказания о сотворении мира, солнечные сказания и сказания об Осирисе).

Во второй части книги даны переводы всех основных египетских мифов, дошедших до нас в более или менее полных литературных записях.

В конце книги даны комментарии.

По следам похода князя Игоря Северского

*В Научной комиссии по «Слову о полку Игореве» при
Государственном литературном музее*

Летом 1939 года на места, связанные со «Словом о полку Игореве», была послана экспедиция Государственного литературного музея. Она должна была установить маршрут похода князя Игоря Северского на половцев в 1185 году. Отчетные доклады экспедиции обсуждались Научной комиссией по «Слову о полку Игореве» при Государственном литературном музее на заседаниях 3 и 9 декабря 1939 года и 9 июня 1940 года.

В экспедиции участвовали старшие научные сотрудники Государственного литературного музея И. В. Андросов, Ю. А. Красовский, Б. Д. Удвинцев (начальник экспедиции), археолог П. Я. Стеллецкий и фотограф Г. Б. Удвинцев.

В начале своей работы экспедиция произвела археологические изыскания в районе Изюм — Святогорск — Славянск и по Северному Донцу. Часть участников экспедиции пришла к выводу, что именно в этом районе разворачивались первые операции войска князя Игоря.

Большую помощь оказал работам экспедиции в этом районе местный ученый, известный археолог Н. В. Сибилев.

Наблюдения экспедиции в этом районе позволяют утверждать, что здесь находились крупные половецкие поселения. В древних городищах по Северному Донцу были найдены интересные остатки керамики, относящиеся к XI—XII векам. По заключению профессора В. А. Городцова, эта керамика, вполне возможно, принадлежала не славянам, а половцам. Это заключение подтвердил кандидат исторических наук археолог Н. П. Милонов, указавший, что найденная в обследованном районе керамика распадается на три типа: 1) местный, вероятно, половецкий, со следами влияния славянской техники, 2) славянский и 3) южный (привезенные с юга амфоры). Эти данные позволяют сделать вывод, что в среднем течении Северного Донца существовал крупный половецкий «центр», нападение на который могло быть целью похода Игоря (вариант похода, отстаиваемый Ю. А. Красовским).

В дальнейшем перед экспедицией стояла задача обследовать другие возможные варианты пути Игоря. Изыскания были

произведены в районе реки Кальмиус, которая, по предположению профессора Кудряшева, является легендарной Каялой, местом битвы Игоря с половцами. Для проверки «карамзинского» варианта, по которому местом пленения Игоря следует считать реку Кагальник (приток Донца), была предпринята поездка в Ростов на Дону.

Особое внимание экспедиция уделила варианту профессора В. А. Афанасьева, считающего Каялой реку Быструю (левый приток Северного Донца). В связи с этим вариантом были обследованы районы Ровеньки—Должик—Лихая (предполагаемые места половецких становищ) и междуречье Белая Калитва—Быстрая, где, по мнению профессора Афанасьева, в сражении с половцами погибло русское войско. Для проверки других вариантов были совершены поездки в Артемовск и Ворошиловград. Резолюция Научной комиссии отмечает, что «экспедиция фактически прошла по всем предполагаемым «трассам» похода Игоря от Изюмского кургана до Дона».

Изучив все выдвинутые различными учеными варианты похода Игоря, сопоставив их с источниками и с материалами, добытыми экспедицией, Ю. А. Красовский предложил Комиссии новое решение вопроса о месте гибели войска Игоря. По мнению тов. Красовского, это место следует искать между реками Тором, Донцом и Бахмуткой. Профессор В. А. Афанасьев и часть участников экспедиции в своих выступлениях по докладу тов. Красовского отстаивали другой, «афанасьевский» вариант похода Игоря.

Профессор М. А. Миллер в специальном письме в Комиссию высказался за донской («карамзинский») вариант похода.

Не считая еще возможным «окончательно и категорически высказаться за правильность того или иного варианта», Комиссия указала, что «в варианте Красовского дана конкретная и логически обоснованная картина похода Игоря, что делает его... одним из наиболее вероятных». Окончательное решение вопроса, как указывает Комиссия, может быть найдено «только путем более углубленных археологических изысканий».

Комиссия отметила большую и плодотворную работу всех участников экспедиции и приняла ряд практических предложений: 1) поставить перед Главной редакцией Государственного литературного музея вопрос об опубликовании всех материалов экспедиции в специальном выпуске «Летописей» Литературного музея;

2) продолжать в 1940 году работу по изучению района похода Игоря; 3) ходатайствовать перед президиумом Академии наук СССР о включении в план работы Академии исследований, имеющих целью окончательно разрешить вопросы, связанные с исторической топографией «Слова о полку Игореве».

Историческая хрестоматия по Ростовской области

Коллектив научных работников и преподавателей истории в Ростове на Дону (М. А. Миллер, Б. В. Лукин, М. П. Кравцов, Я. Г. Селецкий и другие) заканчивает работу над первым томом исторической хрестоматии по Ростовской области.

Цель этой хрестоматии — осветить богатейшее историческое прошлое Подонья — Приазовья по червонеточникам.

В хрестоматии будут приведены тексты из известий античных писателей о древней Скифии, отрывки из произведений византийских, арабских, еврейских и других писателей, в том числе известия о хазарах, о славянских племенах нижнего Дона и т. д.

В хрестоматии использованы ряд мест из «Слова о полку Игореве», Ипатьевской, Лаврентьевской и других русских летописей.

Специальный раздел составят извлечения из свидетельств русских и иностранцев, путешествовавших в XIII—XVIII столетиях по Московскому государству и его окраинным землям (Барбаро, Кларк, Контарини, Кампензе, Рубруквис, Гмелин, Герберштейн и многие другие).

Большое количество важнейших старинных документов, помещаемых в книге, относится к истории донского казачества и крестьянско-казанских восстаний против крепостников в XVII—XVIII веках.

В книге приводятся выдержки из документов времени Петра I. Ряд документов освещает взаимоотношения Русского государства и донского казачества с Крымским ханством, Турцией, Ираном, историю донских калмыков и донских армян.

Особым разделам хрестоматии будут посвящены справочник и комментарии исторического характера, связывающие публикуемые документы друг с другом и дающие основные вехи истории Ростовской области.

В хрестоматии будут даны строго выверенные тексты. В книге имеются обильные указания на источники и литературу. Иллюстративные материалы дополняются иллюстрациями: репродукциями старинных гравюр и рисунков, плащов, чертёжей, документов и т. п.

Первый том хрестоматии включает в себя материалы от древнейших времен по XVIII век включительно. Вторым томом хрестоматии будет посвящено время с XIX века по наши дни.

Первый том хрестоматии принят к печати Ростовским областным книгоиздательством и выйдет к новому учебному году. Объём первого тома — 20 печатных листов.

Книга является пособием для учителей-историков, научных работников, краеведов, писателей и всех интересующихся историческим прошлым Подонья — Приазовья.

Б. ЛУКИН

По приказу народного комиссара обороны маршала Советского Союза С. К. Тимошенко образована комиссия для редактирования учебного пособия «История войн и военного искусства».

Председатель комиссии — заместитель народного комиссара обороны маршал Советского Союза Б. М. Шапшников.

Образованы подкомиссии по редактированию трех томов пособия. Ответственный редактор первого тома — профессор пол-

ковник Е. А. Разин, ответственный редактор второго тома — профессор генерал-лейтенант А. Б. Коленковский, ответственный редактор третьего тома — профессор генерал-майор В. А. Меликов. В редактировании пособия участвуют профессор генерал-майор Н. А. Левцкий, академик Ю. В. Готье, доктор исторических наук Н. П. Гранжанский, профессор генерал-лейтенант Н. Г. Корсун, доцент полковник Коротков и др.

Народный комиссар обороны приказал закончить редактирование пособия к 1 декабря 1940 года.

* * *

По приказу народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Н. Г. Кузнецова создана историческая комиссия под председательством начальника исторического отдела Главного морского штаба капитана 1-го ранга тов. Круглова.

Комиссия приступила к составлению ряда монографий на темы, указанные Главным морским штабом. Будет составлен документальный биографический сборник об участниках боев с белофиннами — Героях Советского Союза Вершинине, Трипольском, Коняеве, Ракове и многих других. Заканчивается работа над сборником биографий моряков—участников гражданской войны. Имена многих из этих героев—например моряков-балтийцев Пожарова, Полухина, Хохрякова, черноморцев Зелица, Назухина и др.—до сих пор были мало известны или даже совсем не известны читателям.

Систематизируются и готовятся к печати документы о боевых действиях русского флота в Балтийском и Черном морях и на Севере в годы первой мировой империалистической войны.

* * *

Летом 1940 года в Звенигородском районе, Московской области, работала археологическая экспедиция Московского государственного университета под руководством профессора Арциховского. Экспедиция раскопала 50 курганов XIII и XIV веков. Предметы, обнаруженные в могильниках, характеризуют крестьянское народное искусство и ремесла того времени. Некоторые из предметов этого рода обнаружены в курганах впервые—например раковины «каури» из Индийского океана, служившие украшениями и распространенные в средневековой Европе, до сих пор в Московской области не были найдены. В одной из могил найден железный серп. Это ценная находка, так как сельскохозяйствен-

ные орудия XIII—XIV веков удается найти в могильниках крайне редко.

* * *

В селе Болгары, Татарской АССР, работает археологическая экспедиция Академии наук СССР. Продолжается раскопка бани XIV века, начатая в прошлом году. Баня была хорошо оборудована. Она состояла из трех комнат. В ней были устроены цистерна для холодной воды емкостью в 60 кубометров с проведенными от нее трубами и цементный котел для нагревания воды. Баня названа «Красной палатой» из-за красной штукатурки ее стен.

* * *

В Самарканде, Узбекской ССР, подвергается детальному изучению мавзолей «Шират-Хана», сооруженный во второй половине XV века. Руководит работами доктор археологических наук профессор М. Е. Масгон.

Мавзолей был усыпальницей женщины и детей рода Тимуридов. В XVII веке здание было разграблено и изуродовано.

Мавзолей отличается красотой архитектуры и богатством отделки. Это опровергает укоренившееся представление о том, что для Самарканда вторая половина XV века была периодом культурного упадка.

* * *

Разбирая архивные материалы Петропавловской крепости, сотрудники Центрального государственного архива внутренней политики, культуры и быта (Ленинград) нашли новые документы об А. М. Горьком.

В начале 1905 года А. М. Горький находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. В документах крепости найдена собственноручная записка Горького, в которой писатель просил коменданта разрешить ему заниматься литературной работой и писать по ночам. На заявлении жены писателя Е. П. Пенковой от 24 января 1905 года с просьбой разрешить Алексею Максимовичу носить свое платье и белье и пользоваться бумагой и чернилами имеется резолюция коменданта Эллиса: «Отказать».

СОДЕРЖАНИЕ

С. ТИТАРЕНКО — О работе товарища Сталина „Год великого перелома“	1
Е. РУБИНШТЕЙН — Заветание Фридриха Энгельса по крестьянскому вопросу	13
Ф. ЛЕССНЕР — Воспоминания о Фридрихе Энгельсе	22
Т. РЕМЕЗОВА — Первый кризис Временного правительства	28
Н. РУБИНШТЕЙН — Николай Иванович Костомаров	40
Я. НАЙМАРН, С. СИРОТИНСКИЙ — Великий пролетарский полководец	51
К. ОСИПОВ — Твердокаменный большевик	65
А. ЯКУНИН — Исатай Тайманов, вождь национально-освободительного восстания казахов в 1836—1838 годах	75
Е. КАГАРОВ — Новые материалы по истории классовой борьбы в древнем мире в III—II веке до нашей эры	82
И. КУСИКЪЯН — Тигран II и Рим	87
А. БОЩАНИН — Древнегреческие историки позднеклассического периода и эпохи эллинизма	99

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

К. НОВОПАШЕННАЯ — История народов Средней Азии в курсе истории СССР	108
--	-----

ДОКУМЕНТЫ

О. МАРКОВА — Новый документ о Н. Г. Чернышевском	115
А. КОЗЛОВА — Расстрел иванововознесенских рабочих в 1915 году	116

БИБЛИОГРАФИЯ

И. ВИКТОРОВ — К. Маркс и Ф. Энгельс „Альянс социалистической демократии“ и Международное Товарищество Рабочих	126
С. — Алфавитный указатель к сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса	131
А. КРОНГАУЗ — „Военно-исторический журнал“, орган Народного комиссариата обороны Союза ССР, № 1 (6)—7 (12)	133
И. ИВАШИН — История средних веков (методическое пособие для 6—7-х классов средней школы)	144
И. К—Н — Н. Я. Марр. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря	147
И. ИЗМАИЛОВ — П. Пащенко „Военно-Морской флот СССР“	150

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ХРОНИКА

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**
Зам. редактора — **С. И. ГОЛНЕР**
Отв. секр. — **О. С. ЗЕЙЛАНД**

А 32030. Изд. № 949 Зак. 2896 Тираж 50 000
Материал сдан в набор 27/VIII 1940 г. Подписан к печ. 2 X 1940 г. 10 печ. л. 70 000 зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.